

Альманах выпуск
XXXVII
библиофила

Международный союз общественных
организаций книголюбов

Альманах АБ библиофила

Альманах
библиофила

Выпуск XXXVII

Москва
2014

УДК 002.(47+57)(082)

ББК 76.106(100)

А70

*Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Л.В. Шустрова

РЕДАКЦИОННЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

*Бакуменко В.М., Быков И.В., Дегтярев А.Я., Енисеев В.П., Жаргацкий Е.П.,
Ласунский О.Г., Петрицкий В.А., Покатов В.В., Чертков Л.И.*

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА

Выпуск тридцать седьмой

***50 нумерованных экземпляров
в суперобложке
Экземпляр №***

*Точка зрения авторов альманаха
может не совпадать с позицией редакции*

ISBN 978-5-8061-0023-5

© Международный союз общественных
организаций книголюбов, 2014

© Покатов В.В., художественное оформление, 2014

Международный союз книголюбков – 40 лет

Год основания организации – 4 октября 1974 г.

*Всесоюзное добровольное общество
любителей книги (ВЛОИК)*

Всесоюзное общество книголюбков (ВОК)

*Международное сообщество книголюбков
(МСК)*

*Международный союз общественных
(объединений) организаций книголюбков
(МСК)*

В состав МСК сегодня входят региональные организации России и общества книголюбков Азербайджана, Грузии, Литвы, Молдовы.

Международная деятельность МСК:

- участие в Международных конгрессах экслибриса FISAE;
- организация международных выставок экслибриса и книжной графики в России и за рубежом;
- МСК – инициатор и организатор I и II Международных молодёжных конкурсов экслибриса в Санкт-Петербурге (2011 г.)

и в Москве (2013 г.), презентации этих выставок прошли в Финляндии (2012 г.) и в Испании (2014 г.)

Деятельность МСК по пропаганде книги и чтения среди детей и молодёжи:

– ежегодная организация всероссийских литературных конкурсов и конкурсов экслибриса и рукописной миниатюрной книги, посвящённых знаменательным литературным и историческим датам;

– проведение Всемирного дня книги 23 апреля в Москве и регионах России;

– организация ежегодного межвузовского конкурса экслибриса «Первые шаги»;

– передача книг в школьные библиотеки, воинские части, детские дома и многодетные семьи;

– организация экскурсий для школьников по истории книгопечатания в России и миниатюрной книги, а также мастер-классов для студентов по изготовлению экслибриса.

Издательская деятельность МСК:

– периодические издания: «Альманах библиофила» (ежегодник), «Российский экслибрисный журнал» (2 раза в год).

– издание каталогов к выставкам художников, буклетов.

При МСК созданы ***Музей экслибриса и миниатюрной книги***, в котором два раза в месяц проходят выставки экслибриса, книжной графики, живописи. Есть ***специализированная библиотека по экслибрису*** с общим фондом около 3-х тыс. экз.

При МСК работают:

– Московский клуб любителей миниатюрных книг.

– Библиофильский клуб “На Пушкинской”.

– Клуб «Литературные встречи».

2014 – год культуры в России

2014 год объявлен в России годом культуры, хотя само по себе это провозглашение является уникальным феноменом, которого не наблюдается, наверно, более ни в одной стране. Год культуры, год литературы, год русского языка и т.п. А в другие года мы живём вне этих духовно образующих понятий?

Объяснить это явление я, со своей точки зрения, могу (и в этом отношении его полностью принимаю) только национальными интересами, национальной объединяющей идеей. Нужен, безусловно, какой-то общий импульс, чтобы поднять, наконец-то, с колен и нашу культуру, и русский язык, и русскую литературу.

В этом отношении 2014 год богат на юбилейные литературные, культурные и исторические даты. Напомним основные:

Год воссоединения Крыма с Россией.

70 лет со дня снятия блокады Ленинграда.

80 лет со дня рождения Юрия Гагарина.

200 лет со дня рождения М.Ю. Лермонтова.

200 лет библиотеке Московской духовной академии.

250 лет со дня основания Государственного Эрмитажа.

260 лет со времени рождения Серафима Саровского.

300 лет со времени открытия Петром I Кунсткамеры.

300 лет со дня основания библиотеки Российской академии наук.

360 лет Переяславской Рады.

450 лет первой печатной русской книги Ивана Фёдорова «Апостол».

450 лет со времени рождения Уильяма Шекспира.

700 лет со времени рождения преподобного Сергия Радонежского...

На страницах очередного номера «АБ» мы не могли обойти многие из этих событий: и повод хороший, и даты замечательные. На них откликнулись своими статьями наши авторы, как

постоянные, так и новые, из многих городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Тамбова, Пензы, Пятигорска, Челябинска и др., за что мы им очень благодарны.

Прежде всего, хотелось бы отметить большой блок материалов, посвящённых М.Ю. Лермонтову. Сотрудники лермонтовских музеев Санкт-Петербурга, Пятигорска, Тарханы рассказали об интереснейших книжных находках, связанных с творчеством поэта и обогативших лермонтовяну — науку, которая уже давно имеет собственное имя.

Не менее интересны рассказы об истории библиотеки Московской духовной академии, библиотеки Кунсткамеры и о собрании русских азбук и букварей Ярославского музея-заповедника.

Словом, мы постарались, чтобы очередной выпуск альманаха стал своеобразной энциклопедией некоторых памятных дат текущего года. О том, как это получилось, судить, как всегда, вам, наши дорогие читатели!

Главный редактор
Л.В. Шустрова

ПАМЯТНИКИ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

«Драгоценный подарок детям...»

*(краткий обзор коллекции русских азбук и букварей
Ярославского музея-заповедника)*

Татьяна Гулина (г. Ярославль)

440 лет назад была напечатана первая русская «Азбука» Ивана Фёдорова для обучения письму и чтению. Зимняя Олимпиада 2014 года в Сочи открылась грандиозным представлением русской азбуки. Современные информационные технологии позволили создать яркий видеоряд знаковых явлений русской культуры, основой которых стала созданная Константином Философом и его учениками славянская азбука. Возможно, в ближайшие десятилетия дети станут обучаться грамоте с помощью азбук на электронных носителях, и это будет принципиально новая форма учебника, печатная история которого насчитывает несколько веков. Некоторые страницы её раскрывают книжные сокровища фонда редких книг Ярославского музея-заповедника, где хранится не большая, но интересная и значимая коллекция азбук и букварей XVII–XX вв.

Первые славянские печатные азбуки были изданы в Тюбингене Примусом Трубером в 1561 г. Они представляют собой однолистовые издания на хорватском языке, известные в библиографии как «Большой пробный лист кирилловских писмен Ханса Гартваха» и «Малый пробный лист кирилловских писмен Ханса Гартваха». Каждое из этих изданий – редкость. «Большой пробный лист» известен в трех экземплярах, «Малый» – всего в двух¹. В том же году в Тюбингене вышел Букварь на хорватском языке², который помимо алфавита,

содержал азбучный акростих и молитвы. Акростих раскрывал символическое значение букв славянской азбуки.

Начало изданию букварей и азбук на церковнославянском языке положил русский и украинский первопечатник Иван Фёдоров³, выдающийся типограф и просветитель. Свой первый Букварь Иван Фёдоров напечатал во Львове 1574 г., в настоящее время эта книга известна в двух экземплярах, хранящихся в Британской библиотеке в Лондоне и библиотеке Гарвардского университета в США⁴. Такой же редкости и второй Букварь, напечатанный Иваном Фёдоровым в Остроге или Львове в 1578–1580 гг.; два его экземпляра хранятся в Германии и Дании. В обоих букварях Иван Фёдоров поместил азбучный акростих, гениальное сочинение, соединяющее простоту изложения с глубиной содержания, в котором в легко запоминающейся форме изложены основы христианского вероучения и главные моральные заповеди. В Букваре 1578–1580 гг. впервые опубликован трактат Черноризца Храбра «О письменнах», в котором изложена история создания славянской азбуки Константином-Кириллом.

В 1578 г. в Остроге, в типографии князя К.К. Острожского, Иван Фёдоров напечатал восьмистовую Азбуку. Азбука предназначалась для обучения детей греческой и славянской грамоте в школе, основанной князем К.К. Острожским, о чём Иван Фёдоров сообщает в предисловии, помещённом на титульном листе: «... Умышлением и промышлением благочестиваго князя Коньстяньтина Коньстантьиновича Острозскаго, воевода Киевскаго, маршалка земли Вольтыньское, старосты Володимерьскаго, повелевшу ему устроити домъ на дело книг печатных. К тому же еще дом и детям к научению в своем отчизном и славном граде Острозе, еже есть лежащии в земли Вольтыньстеи. И избраша мужей, в Божественном Писании искусных, в греческом языке и в латинском, паче же в русском, и

пристави их детищному училищу и сея ради вины напечатана сия книжка по греческии Альфа, вита, а по рускии Аз, буки, первого научения детского, мною грешным Иоанном Феодоровичем»⁵.

Таким образом, в XVI веке возникло три типа азбук. К первому типу могут быть отнесены однолистовые азбуки, которые в России неизвестны. Второй тип азбук – это книжечки, состоящие из восьми листов, предназначенные для заучивания алфавита, цифири и самых важных молитв. Буквари, которые могут быть отнесены к третьему типу, были рассчитаны на более глубокое постижение грамоты, они содержали дополнительные сведения о языке, большее количество молитв, моральные наставления, катехизические тексты.

В России издание учебников началось поздно. Традицию Ивана Фёдорова поддержал Василий Фёдорович Бурцов, который 20 августа 1634 г. выпустил в Москве первый Букварь. Но, возможно, до Букваря В.Ф. Бурцова в 1633–1634 гг. вышло два пробных издания азбук в четвертую и восьмую долю листа⁶. Второе издание Букваря в 1637 г. также осуществил В.Ф. Бурцов. По данным И.В. Поздеевой, помимо бурцовских, в Москве во второй половине XVII столетия вышло девять изданий Букварей, их суммарный тираж приближался к 23 тысячам экземпляров⁷. Буквари печатались в восьмую долю листа стандартными для типографской практики того времени тиражами по 1200 экземпляров. По данным Е.В. Лукьяновой и А.Н. Горбуновой, Букварь с «арациями» 1669 г. издан в количестве 2100 экземпляров⁸.

Из русских букварей этого времени в Ярославском музее хранится «Букварь языка славенска, сиречь Начальное учение детям, хотящим учитися чтению Писания. . .», изданный в 1664 г.⁹ Букварь составлен таким образом, что по нему дети не только обучались грамоте, но и постигали основы христианского

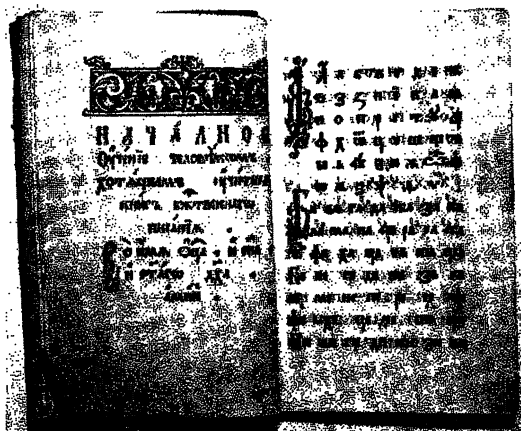
вероучения. Открывается Букварь двумя молитвами, обращенными к Троице и Христу. Далее следует азбука: заглавные и прописные буквы, «двописменнии» (т.е. двубуквенные) и «триписменнии» слоги; названия букв славянской азбуки, слова под титлами; этот раздел в конце Букваря дополнен перечнем надстрочных знаков и знаков препинания, кириллической цифирью. Следующий раздел Букваря – молитвы и Символ веры Первого Никейского и Второго Константинопольского соборов и толкование Символа веры Афанасия Патриарха Александрийского. В Букваре помещён также своеобразный катехизис, который в форме вопросов и ответов излагает основные христианские догматы. Нравственное воспитание детей опиралось на изучение десяти заповедей Ветхого Завета и нравственных постулатов Нового Завета. Во второй половине XVII столетия шли ожесточённые споры официальной церкви со сторонниками старого обряда, противниками никоновских реформ. Острополюемическим был вопрос о перстосложении, поэтому в конце Букваря помещён фрагмент послания Паисия архиепископа Константинопольского и Вселенского Патриарха к Патриарху Никону «книжи персты подобает всякому христианину на лице своем изображати образ креста и како достоин архиерею или священнику благословляти христиан» и гравюры, изображающие руку с троеперстным крестным знаменем и руку благословляющую.

Букварь 1664 г. входит в состав конволюта, второй частью которого является рукописная латинско-русская азбука XVII в., содержащая буквы латинского алфавита, слоги и молитвы на латинском языке. Над строкой приведены русские названия букв латиницы и переводы молитв.

В этом же конволюте помещен фрагмент Букваря 1667 г., который в документах Московского печатного двора назван «Букварь с арациями»¹⁰. Сохранилось только предисловие, в

котором обосновывается необходимость постижения грамоты. Грамоту необходимо знать для чтения Священного Писания, а это путь к спасению души: «...Взыщите Бога и жива будет душа ваша. Искати паки не инде приличествует Бога, точною в писаниих Божественных...» (л. 2), а поскольку «все Писание ... от писмен составляется., напечатана сия книжица Букварь нареченная» (л. 6). Следуя этой заповеди, читатели называли библейские и отеческие книги в оставленных на них записях «душеполезными» и «душеспасительными». Помимо азбуки Букварь 1667 г. содержит «арацеи» или «приветства», т.е. приветствия, родителям и благодетелям на праздники господские и на новое лето, чтобы «отроцы навькают благочинному нраву приветствования, умы своя поостряюще на вящшее мудрости Богу в Троицы единому во славу, трудолюбивым же тшцателем в ползу душевную и телесную». Вот как, например, приличествовало приветствовать родителей на праздник Рождества Христова: «...Радуются... небесныя силы велегласно восклицают: Слава во вышних Богу и на Земли мир, во человецех благоволение. Радуйся с ними и ты, мой благодетелю, песнми и хвалами превечнаго младенца величая непрестанно. А он тя небесным своим певцом во стране причтет выну веселящихся: его же ти аз сыновним усердием вседушно желаю». Любопытно, что поздравление написано только от лица сына, т.е. преимущество отдавалось, вероятно, обучению мальчиков.

Конволют переплетён во второй половине XVIII в., вероятно, по распоряжению архиепископа Ярославского и Ростовского Арсения (Верещагина)¹¹, который был подлинным библиофилом. Его библиотека состояла из редких иностранных изданий XVI–XVIII вв., а также русских книг кириллической и гражданской печати. В 1793 г. несколько сотен томов из своего собрания архиепископ Арсений подарил Ярославской духовной семинарии, на всех подаренных книгах имеются

Азбука. М.: Печатный двор, 09.1686

записи: «Изъ книг Арсенія архіепископа Ростовскаго и Ярославскаго 2 марта 1793», — которые могут варьироваться. На подавляющем большинстве экземпляров эти записи выполнены не рукой владыки, но свои раритеты архіепископ Арсеній подписывал собственноручно. С особым увлечением владыка искал и приобретал книги для обучения и словари. Все наиболее редкие издания ранних русских учебников, в том числе, азбук и букварей, которые сейчас находятся в фонде редких книг музея, принадлежали некогда архіепископу Арсенію.

Из библиотеки архіепископа Арсенія происходит второй конволют, содержащий уникальный экземпляр восьмилитровой «Азбуки учебной» 1686 г.¹², с автографом (?) владыки на первом листе. Это единственный известный экземпляр этого издания и единственный в стране экземпляр подобного типа изданий. Такие учебные азбуки состояли из восьми листов, печатались на одном листе бумаги, поэтому их называли «азбуки на листу». Они содержали буквы кириллической азбуки, двубуквенные и трехбуквенные слоги, слова под титлами, цифирь и названия надстрочных знаков. Обучение

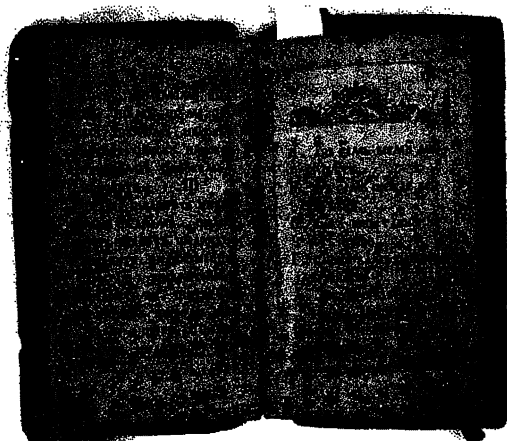
чтению шло через заучивание слогов. А.В. Мошкова сообщает о ещё трёх экземплярах подобных изданий, которые хранятся в Великобритании и Копенгагене¹³. По подсчётам И.В. Поздеевой, с 1652 по 1700 гг. учебных азбук было напечатано около 258 тысяч экземпляров, это был самый «ходовой» товар в лавке Московского Печатного двора¹⁴. По подсчётам Г. Маркера, приведённым в статье А.В. Мошковой, за 1647–1700 гг. было напечатано 325100 экземпляров азбук и букварей¹⁵.

Традиция издания восьмистовых кириллических азбук активно продолжалась в XVIII веке. А.А. Гусева¹⁶ приводит архивные данные о 35 кириллических изданиях азбук, вышедших в 1714–1780 гг. Тиражи этих изданий были огромными: по 12000 экземпляров – в первой половине и по 24000 экземпляров – во второй половине XVIII в. Колоссальным для той эпохи тиражом в 48000 экземпляров была издана Азбука 1749 г. Из числа кириллических азбук XVIII столетия до наших дней сохранились дефектный экземпляр Азбуки 1739 г. (ИРЛИ РАН) и два экземпляра Азбуки 1778 г. (ГИМ, РНБ). Кириллических Букварей в XVIII в. вышло всего четыре издания: в [1733–1735], 1743, 1764 и 1784 годах, их экземпляры неизвестны¹⁷. В источниках сохранились сведения о трёх изданиях букварей, содержащих церковную и гражданскую азбуки: «Букварь российской церковными и гражданскими литерами, для употребления российского юношества» 1770, 1782 и 1786 гг.¹⁸

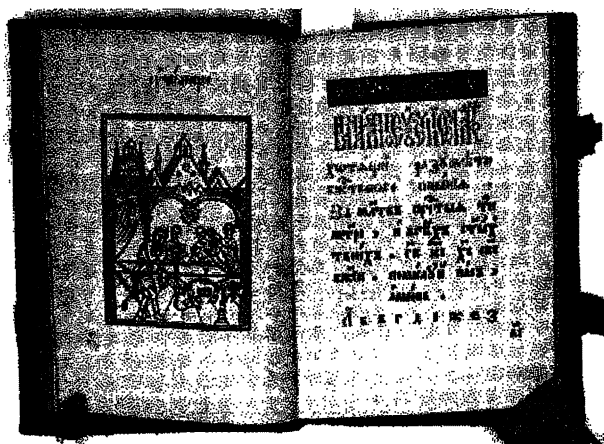
Кириллическими азбуками пользовались старообрядцы для обучения детей вплоть до второй половины XX столетия. В редких старообрядческих селах можно было встретить неграмотного человека. В условиях преследования со стороны церкви и государства, грамота была необходима староверам для сохранения своего образа жизни и своего церковного обряда. Долгое время старообрядческая печать была нелегальной, книги для нужд староверов выходили за пределами Российской

империи или на присоединенных землях: в Вильно, Почаеве, Супрасле, Варшаве, Яссах и др. Из старообрядческих изданий XVIII в. в музее хранится дефектный экземпляр «Азбуки» 1781 г., вышедшей в типографии Благовещенского монастыря в Супрасле. Образцами для её составителей послужили «Буквари» Ивана Фёдорова. В «Азбуке» 1781 г. частично использован словарь Ивана Фёдорова, помещён федоровский азбучный акростих и «Сказание, како состави святыи Кирилл философ азбуку по языку словенску и книги персведе от греческих на словенский языкъ» Черноризца Храбра.

Издание кириллических Азбук и Букварей во второй половине XIX века старообрядцы смогли продолжить в Москве. В собрании музея имеются два образца такой печати: 15-е издание Азбуки 1893 г. и Букварь 1885 г., являющийся перепечаткой Букваря В.Ф. Бурцова 1637 г. Обе книги напечатаны в московской типографии единоверцев при Троицко-Введенской церкви. «Свою работу типография начала в 1820 г. ... подчинялась Московской духовной консистории и московскому архиерею. При ней существовал также совет попечителей из

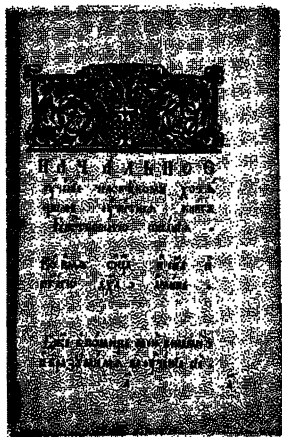
Азбука. Супрасль, 1781

Азбука. М.: Тип. единоверцев, 1885

единоверцев... Попытки единоверцев вести самостоятельную издательскую деятельность наткнулись на сопротивление духовных властей, которые оказывали определяющее влияние на репертуар изданий. Типография существовала до 1918 г.»¹⁹.

Русская книжная культура XVIII столетия отмечена появлением новой азбуки, гражданской. Говоря об эпохе Просвещения в России, необходимо помнить о том значении, которое сохраняла книга кириллическая, в том числе, учебная. Возникло своеобразное функциональное разделение между книгой кириллической и книгой гражданской печати. Старой кириллической азбукой печатали преимущественно библейские, святоотеческие, богослужебные книги, богословские труды, книги для старообрядцев. Новая гражданская азбука использовалась для книг светских: научных и литературных сочинений, учебников, словарей, календарей и т.п. Но граница не была строго очерчена, существовали взаимопроникновения. Так, например, газеты «Московские и Санктпетербургские ведомости» долгое время печатали всем понятной кириллицей. А царские и синодальные указы выходили в двух вариантах:

Начальное учение
человеком, хотящим
учиться книг

Божественнаго писания.

Азбука. М.: Тшп.

Единоверцев, 1893

(с издания 15.10.1860)

кириллицей для более широких низовых слоев населения и гражданским шрифтом – преимущественно для дворян и чиновников. Кириллическая книга в XVIII–XIX вв. входила в состав библиотек наравне с книгой гражданской, поэтому обучение детей кириллической азбуке долго сохраняло свою актуальность. Первая книга гражданского шрифта «Геометрична славенски землемерие» появилась в 1708 г. А.С. Зернова и А.А. Гусева этим же годом датируют и первую азбуку, напечатанную старым и новым шрифтом: «Изображенне древних и новых писмен славянских печатных и рукописных». Традиция, согласно которой в учебных пособиях печатались

обе азбуки, в Российской империи прочно укоренилась и просуществовала долгое время.

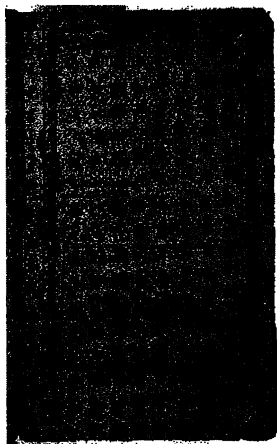
Азбуки гражданского шрифта, которые получили распространение во второй половине XVIII в., содержат обе графические системы: и кириллическую, и гражданскую. Они разнообразнее по содержанию, чем восьмистрочные кириллические азбуки, больше по объёму, а их структура воспринята от кириллических букварей. Одним из самых ранних изданий подобного типа стала «Азбука церковная и гражданская, с краткими примечаниями о правописании», изданная в типографии Московского университета в 1768 г. Автором «Азбуки» был Антон Алексеевич Барсов (1730–1791 гг.), профессор Московского университета, писатель, языковед, переводчик, библиофил²⁰. Азбука А.А. Барсова служила для изучения букв

«печати церковной», «печати гражданской» и «латински», эти три алфавита были напечатаны параллельно. В своей книге А.А. Барсов помещает раздел «О складах. Наставление для учителя», в котором разъясняет, как учить детей чтению по слогам: «Во всяком складе, из скольких бы оной букв ни состоял, надлежит сперва все составляющия его буквы назвать именами их, каждую особливо, не соединяя с другою ни каким образом, и напоследок соединя всех их голоса вдруг произнести и выговорить, например: буки-аз – БА; живете-иже – ЖИ. . .». Хотя в «Азбуке» А. Барсова далее также перечислены слоги, но его наставление является своеобразной попыткой ввести звукослоговое обучение чтению. А.А. Барсов реформирует названия букв: «Для сокращения ж, вместо продолжительных наших имен литерам, можно с немалою пользою употреблять в складывании соответствующия им латинския имена оных. . . , а где оных не достает, там можно. . . сокращать старинныя звания. Таким образом, «Живет», можно заимствуя у французов, назвать Же, «Землю» сократить и звать Зе, «Ферт» с латинскаго Эф. . . Итак, прописные пред сим склады, короче будет складывать следующим образом: бе-а – БА, же-иже – ЖИ. . .». Кириллические слова под титами А.А. Барсов раскрывает послогово гражданскими буквами. Традиционные для Азбук и Букварей молитвы в книге А.А. Барсова напечатаны кириллическим шрифтом, а вот десять заповедей, нравоучения, календарные и географические данные набраны гражданским шрифтом. Заканчивается «Азбука» А.А. Барсова образцами цифирн: «числом церковным», «числом гражданским», «числом римским», – и таблицей умножения.

А.А. Барсов разработал «Краткия примечания о правописании», помещённые в этом издании «Азбуки». Учёный объяснил, почему исключены из гражданской азбуки восемь букв кириллической азбуки: «зело, ук, от, юс большой, омега (2), кси,

пси». Учёный разработал орфографические правила, которые поместил в своей книге, основываясь на одном из продекларированных им принципов: «О прочих же буквах в разсуждении правильного их употребления нужнейшие примечания суть следующие: 1. Хотя буквы изобретены для изображения нашей речи; однакож не всегда точно так пишется, как говорится, но письмо имеет постояннейшия и строжайшия правила, нежели разговор на словах. . .» (с. 39).

В XVIII в. помимо «Азбуки» А.А. Барсова вышли из печати азбуки Василия Богородского и Андрея Гордеевича Решетникова²¹, в большинстве из них текстовая часть была дополнена гравированными листами прописей. В Ярославском музее-заповеднике имеется редкий образец подобного издания под названием «Драгоценный подарок детям или. Новейшая российская азбука с присовокуплением прописей руководствующая к чистому российскому письму, содержащая в себе примерныя и многия нравоучительныя правила, краткую грамматику, и басни с картинками, с одобрения Московско́й цензуры». Книга издана в Москве, в типографии у Ридигера и Клаудия в 1790-е годы. На гравированном титульном листе отсутствует дата выхода книги. Экземпляр дефектный, второй титул (если он был) не сохранился. Объём книги внушительен: 164 страницы текста дополнены гравированными прописями под названием «Учитель красоты российских букв и чистаго письма изданныи в пользу любящаго краснописанье юношества». Это издание многофункциональное — это

Драгоценный подарок
детям или Новейшая
российская азбука. М.: У
Ридигера и Клаудия, 6 г.

и пособие для изучения начальных основ грамоты, и катехизис, и своеобразная детская энциклопедия, содержащая краткие сведения «о человеке», «о времени», «о земной поверхности», «краткое понятие естественной истории», «правила благопристойности и учтивости». В разделе «О чистописании» разработаны правила красивого письма, а также содержатся рецепты приготовления чернил, рекомендации, как правильно очистить перо, каким должно быть положение пишущего при письме. Любопытны характеристики разных перьев для письма: «Вороновые перья употребительны в чистом очень письме и в мелких живописных оттенках; лебединые полезны в крупном письме. Однако ежели ими много писать, то скоро устает от них рука; и потому мало употребляются так, как медные и сделанные из слоновой кости; гусиные, особливо хорошие, употребительнее всех: третье, четвертое и пятое перо в крыльях суть самые лучшие, а первые два очень жестки, прочие же очень мягки» (с. 155–156). В книге есть литературный раздел, состоящий из нравоучительных басен, «краткия правила грамматическия» и «краткия правила арифметическия». Каждый раздел книги открывается наклеенной гравированной на металле иллюстрацией. Различные варианты этого издания были многократно повторены в первые десятилетия XIX века²². Составители новых редакций приближали устаревшие языковые формы к новым нормам, включали новые молитвы, исключали невостребованные тексты, заменяли содержимое литературного раздела, украшали книгу новыми гравюрами, но общая структура изданий сохранялась без особых изменений.

Особым типом азбук являются цельногравированные азбуки, получившие распространение в первой четверти XIX века, выпущавшиеся для разных слоев населения. «Цельногравированная книга создается в технике гравирования. В ней текст и иллюстрации гравировются на одной металлической или дере-

вянной пластине (доске) и затем отпечатываются на бумаге в специальных печатных станах»²³, — пишет академик Российской академии художеств О.Р. Хромов, ведущий современный исследователь русской цельногравированной книги. В его каталогах цельногравированных книг Ярославского музея-заповедника описана «Новая российская азбука» начала XIX века, отпечатанная с четырех досок²⁴. На восьми листах этой книги награвированы азбука в сопровождении кратких нравоучений, «молитва пред начинанием всякаго дела», «наставление, как писать письма к разным особам» и таблица умножения. В книге частично использован текст азбучного акростиха, помещённый в букварях Ивана Фёдорова 1574 и 1578/1580 г., хотя для большей части букв составлены новые толкования. Но в отличие от акростиха в букварях Ивана Фёдорова, где каждая последующая строка, в соответствии с правилами жанра, связана с предыдущей, в азбуках XIX века цельности и единства текста нет, это набор нравоучений, которые легко можно заменить на близкие по смыслу.

Буквари 1574 и 1578/1580 г.25

А *Аз есмь всему миру свет*

Б *Бог есмь прежде всех век*

В *Вижу всю тайну человеческую*

Г *Глаголю же вам сыном человеческим*

Д *Добро есть верующим во имя мое*

Е *Есть гнев мой на грешники*

Ж *Жизнь есмь всему миру*

«Новая российская азбука»

А *Аз есмь Бог прежде всех век*

Б *Бог есмь прежде всех век
и всему миру свет*

В *Видит Господь всю тайну
человеческую*

Г *Глаголет Господь
сыновем человеческим*

Д *Добро есть верующим во имя мое*

Е *Если чего себе не желаешь, то
иным не твори*

Ж *Житие стяжи благочестно.*

Гравированная азбука по технике исполнения и по содержанию близка прописям, которых, как указывает О.Р. Хромов,

«за период конца XVIII – первой четверти XIX века было выпущено более 50 ... образцов»²⁶. В обоих типах книг обычно приведены азбучные прописи и тексты нравоучений или практических советов, выполненные гравёрами-каллиграфами.

Во второй четверти XIX в. получили распространение азбуки меньшего объёма. Они были однотипными, хотя выходили в разных типографиях и издательствах: В. Кириллова, И. Смирнова, Н. Эрнста, М. Дмитриева, М. Смирновой, у книгопродавца Салаева, в издательстве товарищества «Общественная польза», Дома призрения малолетних бедных и др. Тиражи их были огромными, как и количество изданий. Так, в коллекции музея сохранились азбуки, изданные в седьмой раз, а тираж «Азбуки для крестьянских детей» Ф. Студицкого, напечатанной в четвертый раз, приблизился к 50 тысячам экземпляров. В собрании музея азбук XIX в. больше, чем подобных изданий предшествующего времени. Сохранность этих учебных книжечек была такова, что становится понятно, почему они дошли до нашего времени в столь малых количествах экземпляров, несмотря на гигантские тиражи. В коллекцию музея некоторые из них попали еще в XIX – начале XX вв., став частью библиотеки Ярославского древлехранилища, основанного в 1895 г. Некоторые экземпляры происходят из библиотеки Ивана Александровича Вахромеева (1843–1908), крупного купца, предпринимателя, общественного деятеля, потомственного Почётного гражданина г. Ярославля, мецената, коллекционера-нумизмата и библиофила. Почти все азбуки XIX в. отреставрированы Н.Н. Сивороновой и Ю.Н. Максимовой в мастерской Ярославского музея-заповедника.

Состав и структура этих азбук, хотя названы они «азбуками», восходят к букварям и авторским азбукам гражданского шрифта XVIII в. Открываются азбуки перечислением букв гражданского шрифта, при этом нередко названия букв даются в двух вари-

антах: древнерусском и новом. За алфавитом составители помещают «склады, из двух букв составленные» и «склады, из трех букв составленные», знаки препинания, молитвы, Символ веры, десять заповедей, нравственные наставления, — т. е., как и ранее, подобные издания служили и обучению, и воспитанию.

Новым для XIX столетия стало обилие иллюстративного материала в азбуках, когда каждой букве соответствует картинка. Иллюстрации букв размещены, как правило, по четыре на одной странице. Нужно отметить, что некоторые картинки печатались в азбуках, вышедших в разных типографиях, у разных издателей, с продолжительной разницей во времени. Например, одни и те же картинки «араб» и «бассейн», иллюстрирующие соответствующие буквы, мы встречаем в «Новой российской азбуке», изданной М. Бурцовым в типографии И. Смирнова в 1847 г. Те же сюжеты, но отпечатанные с других досок, использованы в азбуках 1855 и 1859 гг., вышедших в типографии М. Смирновой. Рассматривая эти иллюстрации, хочется перефразировать А.С. Пушкина: «Что за прелесть эти азбуки!». Их художественное оформление достойно увлекательного исследования. Многие азбуки открывают фронтисписы, содержащие гравюры с изображением Христа или иллюстрирующие библейскую историю.

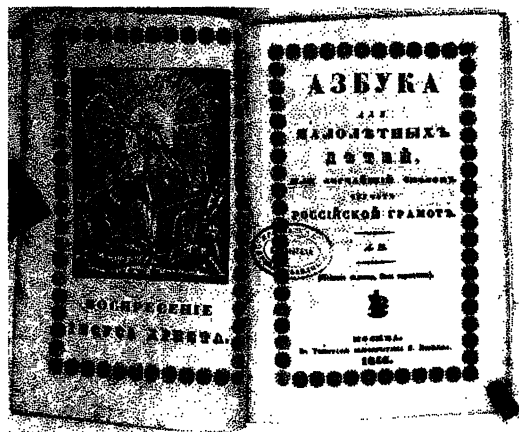
Новейшая полная российская азбука, заключающая в себе молитвы, заповеди, священную историю, нравоучительные басни, начертание римских и арабских цифр и таблицу умножения. С картинками.
— М.: В тип. М. Смирновой, 1855

Драгоценный подарок детям или Новейшая российская Азбука, содержащая в себе все нужнейшие и полезные понятия. Для детей обоего пола. 7-е изд. М.: В тип. В. Кириллова, 1845

В 1845 г. в типографии скоропечатания В. Кириллова вышло 7-е издание книги «Драгоценный подарок детям, или Новейшая российская Азбука, содержащая в себе все нужнейшие и полезные понятия для детей обоего пола». В этой азбуке приведены буквы гражданского алфавита, при этом их название даётся в двух вариантах: древнерусском и новом: «азь – а», «буки – бе» и т. д.; появились «склады, из четырёх букв составленные», помимо печатных букв приведены образцы «курсивных или косых прописных букв», а в число молитв включены «Молитва пред учением» и «Молитва после учения». Следуя просветительской традиции XVIII

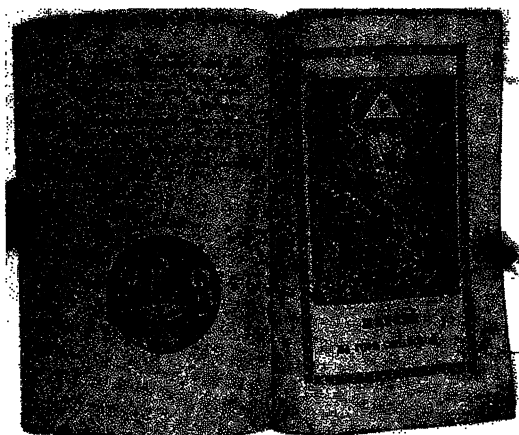
столетия, в книгу включён раздел «Нужнейшие понятия», где краткими абзацами перечислены пять чувств человека, дни недели и месяцы года, количество дней в году, времена года, страны света и материк. В «Правила христианской мудрости» помимо заповедей христианской морали помещены поучения, направленные на воспитание законопослушного гражданина: «Почитай родителей твоих и власти и повинуйся их законам» (с. 65), «Люби свое отечество и будь готов пролить кровь твою для его спокойствия» (с. 67). Составлены эти правила талантливо, кратко, ярко и образно. Вот последнее правило: «Презирай ложь, или паче гнушайся ею, но, однако помни и то, что всякой истины сказывать не должно» (с. 70). Это обращение к ребенку заставляет размышлять, пробуждает в нём собственное мнение.

А.К. Азбука для малолетних детей, или Легчайший способ обучать российской грамоте. Изд. 7-е, без перемены –М.: В тип. скоропечатания В. Кириллова, 1846

«Азбука для малолетних детей, или Легчайший способ обучать российской грамоте А.К. Издание 7-е без переменъ» напечатана в типографии скоропечатания В. Кириллова в 1846 г. Это издание открывают «заглавные большие буквы», напечатанные красным цветом, а над ними помещена заставка с панорамой Московского Кремля. Так же, как и Азбука 1845 г., эта книжечка предназначена для детей состоятельных родителей, дворян, купцов. Азбука открывается рисунком ананаса, соответствующего букве «А», а букву «И» иллюстрирует картинка по названию «Игры детские», на которой изображены ребятишки в богатых одеждах.

В 1847 г. в Москве в типографии И. Смирнова вышла «Новая российская азбука, содержащая в себе: начальные правила чтения, молитвы, Символ Веры, десять заповедей, правила благопристойности и учтивости и нравоучения с картинками. Издание М. Бурцова». Состав её традиционен, как видно из названия. Названия букв приводятся в двух вариантах: «по старому или славянскому произношению» (с. 17) и «по новому

Новая российская азбука, содержащая в себе начальные правила чтения, молитвы... С картинками. М.: В тип. И. Смирнова. Издание М. Бурпова, 1847

произношению» (с. 18). Но в этом издании появились примеры для чтения по слогам – это нравоучительные рассуждения, разбитые на слоги: «Не пре-зи-рай бед-на-го... он та-кой же че-ло-век, как и ты». Азбука дополнена страничными гравюрами, иллюстрирующими Священную историю.

«Новейшая полная российская азбука, заключающая в себе: молитвы, нравоучительные изречения, правила учтивости, понятия нужные для юношей и для всякого христианина, Священную историю Ветхого и Нового Завета, анекдоты, повести, басни, стихотворения для детей с нравоучительными картинками» издана в 1851 г. книгопродавцем Салаевым. Издание большего формата, чем предшествующие азбуки и, вероятно, более дорогое. На одной странице этой книги помещена 1 картинка, посвящённая одной или двум буквам. Например, буквы «ю» и «я» проиллюстрированы изображением продавца кваса с подписью «квас лучший» (с. 13). Иллюстрации книги отличает многообразие изображений городских лоточников, продающих апельсины, блины, ветчину хорошую, груши и

Новейшая полная российская азбука, заключающая в себе молитвы, нравоучительные изречения, правила учтивости, понятия, нужные для юношей и для всякого христианина, священную историю...

М.: У книгопродавца Салаева, 1851

дыни, сайки, «здобные крендели», орехи и еще бесчисленное множество разного товара. Текст книги значительно расширен: появилось краткое изложение Священной истории, нравоучительная повесть «Всякой должен работать» и басни И.А. Крылова «Тришкин кафтан» и «Лиса и виноград». Священная история заканчивается сообщением о прекращении гонений на христианскую церковь при князе Константине; последний абзац её повествует о приобщении России к христианской истории через крещение княгини Ольги и князя Владимира. Подача учебного материала выстроена так, что история Русского государства встроена в библейскую историю, приближая к ребенку евангельские сюжеты во временном и нравственном измерениях.

Салаев выпускал и более дешёвые варианты азбуки. В музее хранится «Новейшая русская азбука, заключающая в себе: молитвы, заповеди, Священную историю, нравоучительные басни, начертания римских и арабских цифр, таблицу

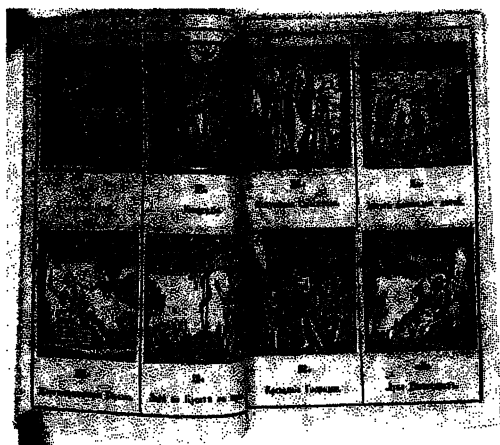
Русская азбука, заключающая в себе старый и новый методы учения, молитвы, символ православной веры, десять заповедей, нравоучительные басни и таблицу умножения. М.: В тип. М. Смирновой, 1859

умножения. С картинами», изданная Салаевым в типографии Марьи Смирновой в 1858 г. На обороте титульного листа указано: «Печатано с издания 1857 г. без перемен». Эта книга меньшего размера, чем издание 1851 г., в ней меньше иллюстраций, на страницах традиционно помещено по четыре картинки, иллюстрирующих буквенный ряд.

В 1859 г. в типографии М. Смирновой он выпустил «Русскую азбуку, заключающую в себе: старый и новый методы учения, молитвы, Символ православной веры, десять заповедей, нравоучительные басни и таблицу умножения», перепечатанную «с издания 1856 г. без перемен». Иллюстрации в Азбуках 1858 и 1859 гг. одинаковы, однако издатель предназначал их разным социальным группам, что отражается в заглавиях книг. В «Новейшей русской азбуке» 1858 г. названия букв даны но-новому, в «Русской азбуке» – «по-старому или славянскому произношению». «Русская азбука» не содержит краткого изложения Священной истории, т. е. это более дешёвый вариант азбуки.

Примером азбуки, предназначенной для лиц духовного звания, может служить вышедшая в 1855 г. в типографии Н. Эрнста «Русская азбука, заключающая в себе: постепенные упражнения в чтении, молитвы, Символ веры, заповеди, нравоучительные изречения, правила учтивости и благопристойности, краткую Священную историю Ветхого и Нового Завета и проч. С.П.». Иллюстрациями алфавита в этом издании стали сюжеты библейской истории.

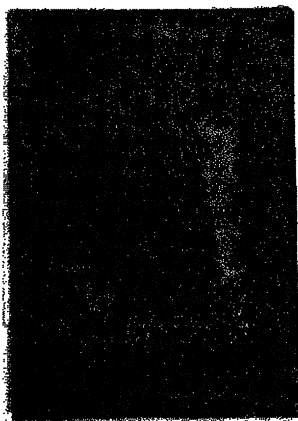
В коллекции музея хранится «Полная энциклопедическая азбука, составленная по лучшей и новейшей методе легкого и скорого обучения чтению», изданная книгопродавцом Манухиным в 1874 г. Состав азбуки не нарушает традицию, суть же новейшей методики раскрыта в примечании в разделе «Склады»: «Здесь я вообще во всех складах не придерживаюсь порядка, соблюдаемого обыкновенно в наших азбуках, во 1-ых потому что эта метода делает гораздо больше разнообразия и

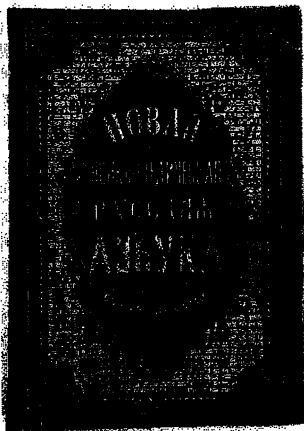
С.П. Русская азбука, заключающая в себе постепенные упражнения в чтении, молитвы, символ веры, заповеди, нравоучительные изречения, правила учтивости и благопристойности, краткую Священную историю Ветхого и Нового Завета и проч. М.: В тип. Н. Эрнста, 1855

не так скучна для учащихся, а во 2-х потому, что в этой методе больше изложено складов» (с. 20). Это издание примечательно своими иллюстрациями, которые можно рассматривать как своеобразное пособие по этнографии. Буквам соответствуют картинки с изображениями представителей различных народов в национальных костюмах.

Во второй половине XIX века широкое распространение получают авторские азбуки. После отмены крепостного права в России и земских реформ Александра II стало быстро расти количество грамотных крестьян, соответственно и потребность в азбуках, предназначенных для крестьянских детей. «Азбука для крестьянских детей» была составлена Фёдором Дмитриевичем Студитским (1814–1893), педагогом; выпускником филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Ф. Студитский был учителем в гимназиях и в Павловском кадетском корпусе; редактировал народную газету «Мирское слово»; высказывался за реальное и профессиональное направление образования в России, за введение в учебных заведениях преподавания ручного труда и различных отраслей сельского хозяйства. «Своею азбукою Студитский первый в России ввел более легкий способ обучения грамоте с помощью подвижных букв»²⁷. В музейной коллекции есть экземпляр четвёртого издания этой книги, 1871 г. Цена её обозначена на обложке – 3 копейки, т.е. книга была доступна и для низших слоёв населения. Тексты молитв в этой азбуке приведены параллельно

Ф. Студитский. Азбука для крестьянских детей (сокращённая). Изд. 4-е. 50-я тысяча. – СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1871

Полная энциклопедическая азбука, составленная по лучшей и новейшей методе легкого и скорого обучения чтению. Издание книгопродавца Манухина. — М.: Тип. Ф. Иогансон, 1874

кириллическим и гражданским шрифтом. Подача учебного материала принципиально отличается от всех предшествующих изданий. В этом же году, как следует из текста, размещённого на последней странице обложки, вышло 7-м тиражом более полное издание «Азбуки для крестьянских детей. С прописями (3 осьмушки) и листом подвижных букв», стоившее 10 копеек.

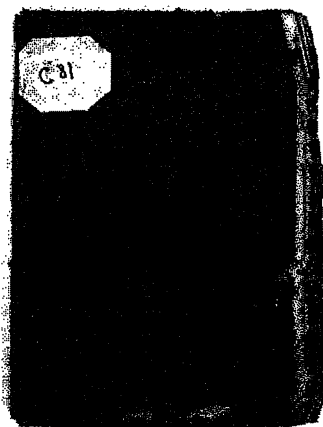
О стремлении всё большего числа крестьян освоить грамоту свидетельствует «Народная азбука (с 45 картинками)», составленная Н. Столпянским, которая, как и азбука Ф. Студитского, многократно переиздавалась. Столпянский Николай Петрович

(1834–1909), как отмечено в словаре Брокгауза и Ефрона, был известным педагогом, учителем истории и географии в разных учебных заведениях, инспектором по учебной части школ Русского технического общества. В начале 1860-х гг. он один из организаторов воскресных и летних школ, а также школы под Москвой. В 1868–1895 гг. руководил курсами учителей и учительниц земских народных школ в Петербургском, Новгородском, Рязанском, Ярославском и Смоленском земствах. «Столпянский был педагог-практик, один из первых пропагандистов звукового метода»²⁸ обучения грамоте. «Народная азбука» предназначена для обучения грамоте и детей, и взрослых. В обращении «К учителю» составитель пишет: «Каждый сельский учитель при помощи Народной Азбуки может очень легко научить взрослого (от 20 до 60 лет) писать

и читать в самый короткий срок. Обучать взрослых учитель должен как для увеличения своих средств (взрослые охотно платят за обучение по 5 руб.), так и в видах общественной пользы... (Обращаю особенное внимание учителей на обучение взрослых)» (с. 2). В Азбуке Н. Столянского каждая буква сопровождается подборкой слогов и слов, которые начинаются с неё, а также иллюстрацией и небольшим текстом для чтения. Любопытно, что иллюстрация и

текст могут быть посвящены букве, которая не является первой в слове. Например, букве «г» соответствует картинка, на которой изображен огород с пугалом, а на обороте листа текст: «Для всякого сельского жителя нужны: капуста, лук, морковь, репа, конопля, картошка и другие огородные плоды. Поэтому у каждого крестьянина всегда найдется огород... Посреди огорода стоит пугало».

Многообразие азбук было обусловлено социальной пестротой русских читателей. Интересы каждой общественной прослойки удовлетворяло то или иное издание азбуки. Их адресная направленность проявлялась не только в содержании, в названиях букв, но и в иллюстрациях, в подборе нравоучительных текстов. Все они служили не только для обучения, но и для воспитания «детей обоего пола», а иногда и взрослого населения. Многие принципы составления этих учебных пособий были осуществлены в советское время на ином учебном материале.

Народная азбука
с 45 картинками. Изд. 4-е. Сост.
Н. Столянский. — СПб., 1869

Примечания

¹ Описание изданий и фотографии см.: Гусева А.А. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. Сводный каталог. В 2-х книгах. – М.: Изд-во «Индрик», 2003. Кн. 1, № 18–19.

² Гусева А.А. Издания кирилловского шрифта, № 22.

³ Гусева А.А. Издания кирилловского шрифта, № 58, 69, 72.

⁴ См. факсимильное издание: Буквар Ивана Федорова. Київ, 1975

⁵ Гусева А.А. Издания кирилловского шрифта, рис. 69.1.

⁶ Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. Каталог/ Сост. А.Н. Горбунова, Е.В. Лукьянова. М., 2002. Вып. 2. С. 299 (№ 6); Мошкова А.В. Азбука-восьмилетка XVII в.: история и проблемы изучения // Вестник славянских культур. Март 2012 (№ 1). С. 63.

⁷ Поздеева И.В. Между Средневековьем и Новым временем: новое в деятельности Московского печатного двора второй половины XVII в. // Поздеева И.В., Дадыкин А.В., Пушков В.П. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1652–1700 годы. Исследования и публикации. М., 2007. Кн. 1. С. 63; Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М., 1958. № 103 (бурцовская Азбука 1634 г.), 108 (1637 г.), 275 (1657 г.), 310 (1664 г.), 318 (1667 г.), 328 (1669 г.), 357 (1679 г.), 472 (Букварь Кариона Истомина 1696 г.).⁸ Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. Каталог/ Сост. А.Н. Горбунова, Е.В. Лукьянова. М., 2003. Вып. 3. № 37, 63, 78.

⁹ Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли (1652–1700 гг.): Каталог под ред. д.и.н. И.В. Поздеевой. Ярославль–Ростов–Рыбинск, 2009. № 227.

¹⁰ Кириллические издания... С. 241–243.

¹¹ Арсений (Верещагин Василий Иванович, 1736–1799, г. Петербург) – архиепископ Ярославский и Ростовский, библиофил, писатель, член Синода; 22 сентября 1783 г. переведен из Твери, архиеп. с 27 марта 1786г. С 1787 г. должен был именоваться «Ярославским и Ростовским» – см.: Моисеева Г.Н. Верещагин Василий Иванович // Словарь русских писателей XVIII в. А., 1988. Вып. 1. С. 150–151.

¹² Кириллические издания... № 586.

¹³ Мошкова А.В.. С. 62

¹⁴ Поздеева И.В. Между Средневековьем и Новым временем... С. 62–65.

¹⁵ Мошкова А.В. С. 63.

¹⁶ Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М., 2010. № 1–34, 37. Кроме того, в синодальных типографиях выходили Азбуки, напечатанные и церковным, и гражданским шрифтом. – См.: Гусева А.А., № 366, 367, 1336.

¹⁷ Гусева А.А. Издания кирилловского шрифта, № 139–143.

¹⁸ Сводный каталог русской книги XVIII века. 1725–1800. Дополнения, разыскиваемые издания, уточнения. М., 1975, № 421–423; Гусева А.А. Издания кирилловского шрифта, № 144–146.

¹⁹ Вознесенский А.В., Мангилев П.И., Починская И.В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев (1701–1918). Материалы к словарю. – Екатеринбург, 1996. С. 41.

²⁰ Степанов В.П. Барсов Антон Алексеевич // Словарь русских писателей XVIII века. А., 1988. Вып. 1. С. 64–68.

²¹ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725 – 1800. М., 1962, 1966. Т. 1, 3. № 653, 5961, 5964–5966.

²² Сводный каталог русской книги 1801–1825. М., 2000. Т. 1, № 2452–2459.

²³ Хромов О.Р. Цельногравированная книга и гравюра в русских рукописях XVI–XIX веков. Каталог коллекции Отдела письменных источников Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. М. : АРТ-РОДНИК, 2013. С. 6.

²⁴ Вруцелето, эмблемат, апофегма... Цельногравированные кириллические книги и гравюры в русских рукописях XVI–XIX веков из собрания Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. М., 2011. Кат. № 45. Хромов О.Р. 2013. Кат. 46.

²⁵ Гусева А.А. Издания кирилловского шрифта... Рис. 72.3.

²⁶ Хромов О.Р. 2013. С. 175.

²⁷ Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. 31. С. 851–852.

²⁸ Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. 31. С. 684–685.

http://pedagogical_dictionary.academic.ru/3080/Столянский Николай Петрович

О первом печатном каталоге Кунсткамеры

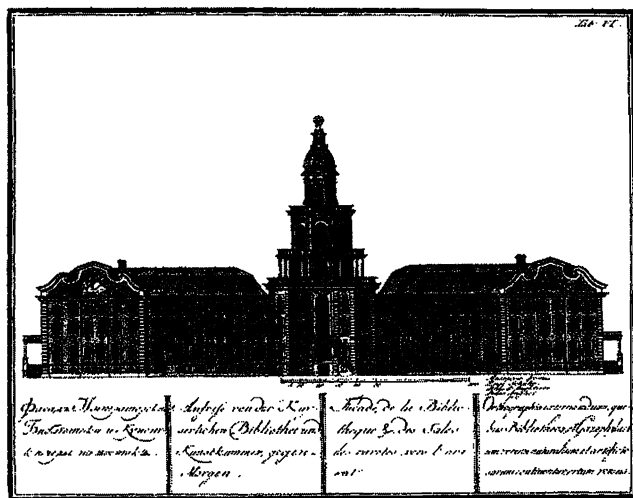
(к 300-летию первого публичного музея России)

Наталья Копанева (г. Санкт-Петербург)

В 2014 г. исполняется 300 лет со времени основания первого государственного публичного музея России – Кунсткамеры. Сложившееся в наше время восприятие Кунсткамеры как собрания природных аномалий ни в коей мере не отражает ни смысла этого понятия («палата редкостей»), ни замысла её создателя, Петра I. Императорский музей задумывался как музей универсальный по своему составу, своего рода предтеча энциклопедизма, который бы не столько развлекал, сколько просвещал. Подтверждением этому служит и сформировавшийся уже к середине XVIII века музейный фонд, и тесная связь его с Академией наук, составной частью которого Кунсткамера стала с 1724 г.

Замечательным источником для понимания того, каким был первый академический музей, является изданный в 1742–1745 гг. каталог на латинском языке «*Museiim perialis Petropolitani vol. 1–2*».

Впервые об издании каталога Кунсткамеры, первоначально с иллюстрациями, упоминается в документах Академии наук 1727 г. В ноябре этого года, когда ещё не все коллекции были собраны в специально построенном на Васильевском острове музейном здании, по высочайшему повелению была начата работа по созданию каталога на русском языке: «Велено Ея императорским величеством кунст-каморы *каталогус нарфоссийском диалекте* [курсив мой – Н.К.] напечатать, а самые курioзные вещи выгрыдоровать»¹. В те годы каталог на русском языке издан не был. В научной литературе неоднократно под-

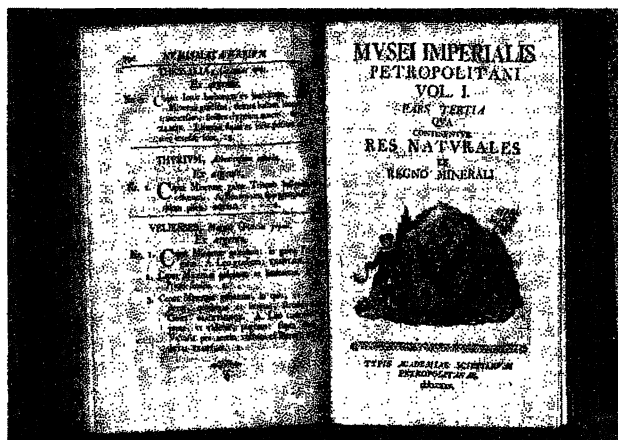

Фасад императорской Библиотеки и Кунсткамеры.

Г.А. Качалов. Гравюра резцом.

Из альбома «Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры» (1744)

черкивалось, что каталога Кунсткамеры на русском языке даже к 1740-м годам не было. Исключенне составляет каталог камней и окаменелостей минералогического кабинета Кунсткамеры, часть которого на латинском языке была составлена М.В. Ломоносовым. На русский язык каталог был переведён В.И. Лебедевым и И.И. Голубцовым, а редакционная правка выполнена М.В. Ломоносовым. Этот перевод стал известен, благодаря изучению и публикации трудов Ломоносова. Однако архивный поиск дал возможность установить, что и другие части «*Museiim perialis Petropolitani...*» переводились на русский язык. На сегодняшний день нами обнаружены описания на русском языке части художественной коллекции академического музея, нумизматической коллекции, а также части зоологического собрания. В академический Архив рукописи были переданы из Рукописного отделения БАН в 1932 г., в результа-

Титульный лист первого тома третьей части каталога Кунсткамеры.

те реформы архивного дела в Академии наук, которая была проведена в 1931 г. и целью которой была специализация архивных и рукописных хранилищ по характеру хранимого материала.

Первым опубликованным каталогом собрания музея стал двухтомный «Museum imperialis Petropolitani vol. 1–2», изданный Академией наук в 1741–1745 гг. форматом 8^л. Каталог был на латинском языке и без изображений музейных экспонатов. Его издали небольшим числом экземпляров для рассылки иностранным корреспондентам Петербургской Академии наук и, как бы мы сказали сегодня, «для служебного пользования». Однако часть тиража пошла в продажу в академической книжной лавке. Из рапорта наборщика типографии Ф.Ф. Розе известно, что каталог был напечатан «на почтовой бумаге по 100 экземпляров да на русской александрийской по сту»², то есть тиражом 200 экземпляров. Несколько экземпляров было переплетено во французский переплет, «а несколько в турецкую бумагу», и нужно было «по переплете послать по одному экземпляру как почетным членам, так и профессорам,

адъюнктам, корреспондентам академии наук отправить, а находящимся здесь самим отдать»³. 18 мая 1744 г. остаток тиража составлял: «Книга 1. Часть 1. О натуральных вещах а именно о животных на почтовой бумаге 81 экземпляр да на русской александрийской 28 экземпляров с неполными листами. Книга 2. Часть 1. О художественных вещах на почтовой бумаге 84 экземпляра да на русской александрийской 81 экземпляр с неполными листами»⁴.

Два тома каталога включали, таким образом, описания естественнонаучных (*Naturalia*) и художественных (*Artificialia*) коллекций Кунсткамеры. Издание началось печатанием второго тома, той части музейного собрания, которая называлась «*Artiphithalia*». Связано это было с тем, что публикация каталога проходила по мере подготовки описаний музейных коллекций. Первый том, состоящий из трех частей, публиковался с 1742 по 1745 г. В первой части первого тома («*Qua continentur res naturales ex regno animalis*», вышла в свет в 1742 г.) опубликованы описания анатомической и зоологической коллекций, к тому времени едва ли не самых богатых и важных с научной точки зрения по сравнению с другими европейскими музеями. Вторую часть («*Qua continentur res naturales ex regno vegetabilis*», вышла в свет в 1745 г.) составили описания двух гербариев: амстердамского профессора анатомии Фр. Рюйша и петербургского профессора И. Аммана. В третьей части («*Qua continentur res naturalis ex regno mineralis*», вышла в свет 1745 г.) даны описания минералогической коллекции Кунсткамеры. Во втором томе в первую часть («*Qua continentur res artificiales*», опубликована в 1741 г.) вошли описания научных инструментов археологической, этнографической, мемориальной коллекций, а во вторую («*Qua continentur nummi antiqui*», опубликована в 1745 г.) – нумизматического собрания академического музея.

Титульные листы разных частей каталога были украшены соответствующими виньетками. Ещё в 1726 г. идея украсить «Записки» (стали издаваться под названием «Commentarii») Академии наук виньетками, которые бы символизировали разные науки, руководитель академической Канцелярии и библиотечарь И.Д. Шумахер изложил в письме к нидерландскому гравёру Бернару Пикару. Он хотел разделы математической, физической и изящной словесности украсить гравюрами с атрибутами этих наук⁵. Воплощение эта идея получила в издании каталога Кунсткамеры. Особые виньетки имеют анатомический и зоологический разделы, описания гербариев, коллекции минералов. Для второго тома с описаниями художественных и нумизматической коллекций была разработана одна виньетка.

Возможно, что в дополнение к латинскому каталогу предполагалось издание гравюр с изображением музейных экспонатов. Во всяком случае, из запроса гравёров Петербургской Академии наук Ивана Соколова и Григория Качалова 18 января 1746 года узнаём, что гравёрам требовались материалы, краски и медные доски «к вырезанию кунсткамерских курьезных вещей, в поллиста 16, да три в целый лист»⁶. Подготовка гравюр была закончена в апреле 1747 года, было вырезано 26

Виньетка на титульном листе первого тома первой части каталога Кунсткамеры.

досок, с которых было отпечатано по три экземпляра. Гравюры были раскрашены, но 5 декабря 1747 года в Кунсткамере произошёл сильный пожар, в котором пострадали и отпечатанные гравюры. В августе 1748 года с досок было определено напечатать новых оттисков по 6 экземпляров на хорошей бумаге. Больше гравюры не печатались, а сохранив-

Виньетка на титульном листе первого тома третьей части каталога Кунсткамеры.

нишся в настоящее время хранятся в Отделе истории русской культуры и в Научной библиотеке Государственного Эрмитажа, а также в Институте материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге.

Первый печатный каталог Кунсткамеры имеет значение не только как книжный раритет. Участие в описании музейных экспонатов петербургских академиков, которые при систематизации предметов в Кунсткамере применяли новейшие научные классификации, позволяет судить об уровне развития естественных и гуманитарных наук в Петербургской Академии наук, что подчёркивает важную роль опубликованного каталога. Связь с издателями и книготорговцами Нидерландов привела к тому, что все издательские новинки, в том числе, и каталоги коллекций, сразу же после выхода их из печати появлялись в Петербурге. Именно поэтому петербургские профессора при описании коллекций Кунсткамеры могли ссылаться на современную им научную литературу. Во многих разделах каталога указывается научный труд, где есть описание, а также и изображение этого предмета с конкретным указанием на номер

страницы и таблицы. Справедливости ради, надо отметить, что описания эти в каталоге не равноценны. Каждый раздел каталога, отражающий ту или иную коллекцию музея, составлялся разными учёными Петербургской Академии наук и естественно отражал тот уровень состояния научного знания, который приходился на вторую половину 30-х годов XVIII века. Уровень развития естественнонаучного знания был выше, чем уровень развития гуманитарных наук. Так этнографические описания в каталоге совсем скупы, есть ошибки в описании античных предметов, что несколько не умаляет историко-научного значения каталога.

Издание каталога «*Museiim perialis Petropolitani. . .*» преследовало и служебные цели. При рассылке части тиража каталога музея и опубликованного к тому времени каталога библиотеки почётным членам Академии, а также раздаче академическим профессорам и адъюнктам предписывалось: «...ежели они какие книги, а притом натуральные и курioзные вещи усмотрят, которые ко укомплектованию библиотеки и кунсткамеры весьма нужны те <...> заметя пожаловали бы в академию сообщить дабы можно было оныя книги при случае промыслить или со временем выписать и откуда надлежит послать»⁷. Печатный каталог использовался также для учёта вновь поступающих коллекций и экспонатов. Так страницы одного экземпляра каталога с описанием нумизматической коллекции не были сшиты, а приклеены по одному на чистые листы (в 1 листа) александрийской бумаги, которые и были сшиты и переплетены. Рукописные дополнения к коллекции на данном экземпляре делались, судя по записям, и в екатерининское время⁸. Один из экземпляров, хранящийся в Библиотеке РАН, использовался при ревизии музейных коллекций после пожара 1747 г.

В настоящее время каталог «*Musei Imperialis Petropolitani* vol. 1–2» имеет огромное значение как источник реконструкции универсального музея первой половины XVIII в. Если вспомним, что коллекции Кунсткамеры сильно пострадали от пожара 1747 г., а в начале XIX в. всё собрание было поделено как между Императорским Эрмитажем, так и вновь образованными специализированными музеями (Минералогический, Ботанический, Зоологический, Зоотомический с лабораторией, Ботанический сад, Нумизматический кабинет, Собрание азиатских и египетских древностей и Этнографический кабинет), то описания в латинском каталоге с указаниями, в каком зале, в каких шкафах хранились экспонаты, являются ценнейшим свидетельством существования в России в первой половине XVIII в. уникального научного музея энциклопедического типа. Важное источниковедческое значение каталог Петербургской Кунсткамеры имеет также для истории наук, истории Петербургской Академии наук, истории формирования русского научного языка.

Примечания

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее СПФ АРАН). Ф.3. Оп. 1. Д. 3. Л. 211.

² СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 87. Л. 224.

³ Там же. Л. 223.

⁴ Там же. Л. 224 об.

⁵ См. об этом Коланев Н.А., Коланева Н.П. Из истории первых изданий Петербургской Академии наук // Федоровские чтения 2003. М., 2003. С.318%331.

⁶ Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1895. Т.8. С. 18.

⁷ СПФ АРАН. Ф.3. Оп. 1. Д. 87. Л. 223.

⁸ Там же. Р. III. Оп.1. Д.104.

БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОФИЛЫ

«Реки, наполняющие вселенную...»

(история Библиотеки Московской Духовной Академии
к 200-летию пребывания в Троице-Сергиевой Лавре)

Игумен Дионисий (Шлёнов)

(г. Москва)

*«Книги – это реки, наполняющие Вселенную,
от которых исходит мудрость».*

Нестор Летописец

«Библиотеки важнее всего в культуре.

*Может не быть университетов, институтов,
других культурных учреждений, но если библиотеки есть ...*

– культура не погибнет в такой стране.»

Д. Лихачёв

Река истории глубока и широка. Много в ней притоков и поворотов, водоворотов и тихих заводей, но есть и особые родники – родники мыслей и чувств, оставленных для нас нашими предками. И какое же счастье видеть эту запечатлённую мысль на страницах книг, иметь возможность читать их, осмысливать прочитанное, делиться им с другими. И тысячу раз прав Д.С. Лихачёв – если библиотеки есть... – культура не погибнет... В этой статье речь пойдёт о библиотеке с удивительной судьбой. Её история тесно связана с историей страны, и автографы на страницах её книг – это вешки судеб нашего Отечества, это свидетельство жизни Духа, прорастания его в истории и в вечности.

История академической Библиотеки является неотъемлемой частью истории Московской духовной академии, в прошлом величественно именовавшейся Славяно-греко-латинской, начиная со времени её основания в Москве братьями иеромонахами Софронием и Иоанникием Лихудами в конце XVII века. Периодизация истории библиотеки, в основном, совпадает с периодизацией истории Академии. В годы расцвета Академии библиотека получала новые импульсы к своему существованию и развитию, в период упадка или страшных исторических пертурбаций – ей приходилось практически заново начинать своё существование в непростых условиях гонений.

Библиотека Московской духовной академии берёт своё начало с основания самой Академии. Софроний и Иоанний Лихуды привезли в Москву собственную библиотеку, состоявшую, в основном, из греческих и латинских книг, а также лекций, записанных во время обучения в Греции и Италии. Важную роль сыграла и библиотека Типографской школы, собранная её основателем иером. Тимофеем (Типографская школа была интегрирована в Академию в конце XVII в.). Новая яркая эпоха в жизни Академии и её библиотеки началась во 2-й пол. XVIII в. при митрополите Платоне (Левшине), который, как известно, придавал огромное значение процессу образования, порой даже не обращая особого внимания на различие между школьным знанием и знанием, полученным путём подвижнической жизни. Так, в одном из своих слов «О пользе учений» он писал, что после смерти «свет ума, который мы учениями снискали, не только не погаснет, но паче воссияет»¹. Хотя митр. Платон не дождался перемещения Академии в Лавру (с самого начала своего вступления на Московскую кафедру в 1775 г. он планировал переместить Академию в лучшее место), тем не менее, он не жалел сил и средств для

академической библиотеки. Митрополит стал тщательно следить за постановкой библиотечного дела в Академии, учредил должность библиотекаря, ввёл правила для выдачи книг, распорядился составить каталоги. Преподаватели и студенты при получении книг стали оставлять расписки, а также обязывались (особенно студенты) сдавать все книги перед отъездом на каникулы.

В 1812 г., когда большая часть Москвы была опустошена французами, библиотека Академии, в отличие от университетской², не только не пострадала, но и стала местом хранения книг, собранных в неё из книжных лавок. В 1814 году при переезде Академии в Троице-Сергиеву Лавру её библиотека была разделена на две части: лучшие, наиболее значимые книги вошли в академическую библиотеку в Лавре, а прочие были переданы в Перервинскую семинарию³. В жизни Академии, центра научно-богословских и миссионерско-просветительских начинаний, начиналась новая эпоха, эпоха сосуществования и сотрудничества с важнейшим монашеским и духовным центром Русской Православной Церкви Троице-Сергиевой Лаврой. Академия при этом расположилась в здании Царских чертогов вместо Троицкой Лаврской Семинарии⁴, унаследовав от последней весьма богатую библиотеку, собиравшуюся ещё с 1742 года, времени открытия Семинарии.

Для новой академической библиотеки собрание книг и рукописей Троицкой семинарии стало основополагающим. В частности, в библиотеке Троицкой семинарии хранилось богатое собрание рукописей, которые, в основном, были переданы сюда из Троице-Сергиевой Лавры во время управления ею архимандритом Арсением (Могиланским)⁵. В дополнение к имеющемуся у неё в наличии книжному собранию Академия получила также право выбрать себе необходимые книги из московских синодальной и новиковской библиотек.

Редкие книги из собрания Библиотеки МДА

Одним из эффективных способов пополнения библиотеки стало выписывание книг из-за границы или приобретение их у частных лиц.

В период после переезда Академии должность библиотекарей, как правило, занимали лица с высшим богословским образованием в звании бакалавра или профессора Академии (до 1870 г.).

В середине XIX в. в творческую и созидательную эпоху свт. Филарета (Дроздова), митрополита Московского, библиотека Академии стала, в целом, комплектоваться более систематично, хотя постановка библиотечного дела в ней только складывалась.

Между тем, книжный фонд библиотеки продолжал и далее неуклонно увеличиваться за счёт новых приобретений и пожертвований. Так с 1842 г. начинается ряд ценных единичных книжных пожертвований в библиотеку со стороны А.Н. Муравьева⁶. В 1847 г. для библиотеки по дешёвой цене на родине Горского в Костроме была приобретена часть библиотеки архиепископа Тобольского Афанасия (Протопопова) (†1842)⁷. В 1853 г. штаб-лекарь И.М. Высоцкий, долгое время прослу-

живший при Академии, передал ей 277 книжных томов (из них 192 по медицине)⁸. В 1855 г. поступило 124 наименования на русском языке от неизвестного лица⁹. В сентябре 1859 г. в библиотеку «к употреблению на пользу Церкви и наук» поступило собрание рукописей (236 рук.) Носифо-Волоколамского монастыря, выбранных библиотекарем прот. Александром Горским летом того же года¹⁰. В 1861–1863 гг. в Академию были передано собрание книг, выбранных библиотекарем Академии из библиотеки Московской синодальной типографии: 151 старопечатная книга (дубликаты) преимущественно богослужебного содержания (из них 8 книг XVI в.), а также несколько более современных книг и брошюр¹¹. В то же самое время из библиотеки передавались лишние книги в другие учебные заведения и институты: так, например, в 1844 г. в библиотеку новооткрытой Казанской духовной академии было передано 128 наименований книг-дубликатов¹². По воспоминаниям С. П. Шевырева в 1847 г. книжный фонд библиотеки составлял ок. 20 тыс. книг.

После академической реформы 1869 г., обязавшей магистров и докторов печатать свои диссертации до защиты, библиотеки Духовных академий стали пополняться диссертациями на соискание учёных степеней, а также другими публикациями академической профессуры. Академия также постепенно расширяла подписку на периодические издания: если в 1872 году библиотека выписывала 9 наименований русских журналов и 17 иностранных¹³, то в 1877 году подписка составляла уже 23 наименования русских и 10 иностранных журналов¹⁴.

За год до кончины ставшего ректором Академии протоиерея Александра Горского с осени 1874 г. начались строительные работы, полностью завершённые в 1877 г., когда новое тёплое здание библиотеки, уже оборудованное изнутри, было принято комиссией¹⁵, и в январе 1878 г. в него стали перенос-

силье книги «с сохранением по возможности того порядка в расположении книг, в каком они находились в прежнем помещении». Здание библиотеки отличалось целым рядом особенностей и своеобразных архитектурных решений – в частности, в книгохранилищах и читальных залах первого и второго этажа были устроены полукруглые своды, которые сохранились вплоть до настоящего времени.

С последней трети XIX в., вплоть до закрытия Академии её библиотека управлялась, как правило, очень талантливыми и ревностными библиотекарями, которые неуклонно занимались дальнейшим приумножением её книжных богатств.

В § 129 устава Духовных академий 1884 года под контролем ректора была узаконена студенческая библиотека. Она формировалась во многом самостоятельно от основного фонда. Вдова И.С. Аксакова Анна Фёдоровна передала сюда библиотеку братьев Аксаковых, а вдова Ф.М. Достоевского Анна Григорьевна – его сочинения.

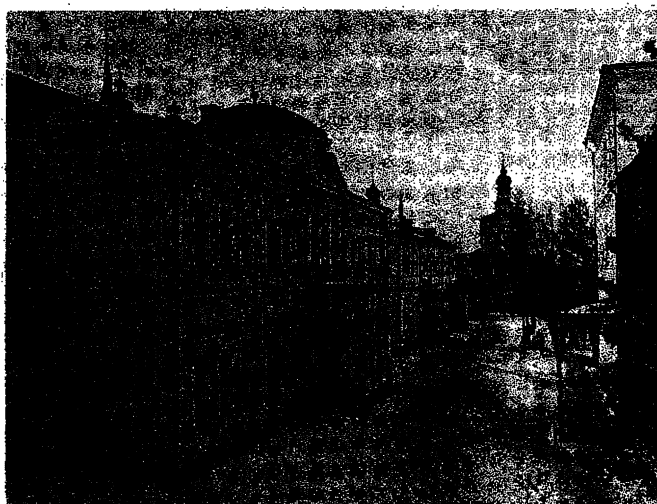
Самым ценным книжным поступлением в библиотеку МДА в кон. XIX в. стала большая часть библиотеки архиепископа Тверского Саввы (Тихомирова), выбранная И. Корсунским, бывшим библиотекарем Академии. К этому времени библиотека стабильно пополнялась преимущественно за счёт регулярных закупок на 600–800 книг в год.

К концу XIX в. библиотека Академии являлась уже одним из крупнейших книгохранилищ в России. Недаром, в нач. XX в. Павел Флоренский, впоследствии один из самых известных профессоров и эрудитов Академии, поступил сюда для получения фундаментального богословского образования. Профессор А.А. Катанский, оценки которого во многом выражают общее умонастроение эпохи, писал накануне столетнего академического юбилея (1 октября 1914 г.): «Московская Академия была по истине второй моей матерью, довершившею

мое образование, как академического преподавателя... Проведенные в ней годы были для меня важнее, чем всякое заграничное путешествие».

В нач. XX в. библиотека Академии вступила в наиболее творческий и одновременно наиболее трагичный период своего существования под руководством Константина Михайловича Попова, которому суждено было стать печальным очевидцем её постепенного послереволюционного увядания вплоть до передачи всех библиотечных фондов в фонды ГБА (1935 г.). Новый библиотекарь Академии пытался обращать внимание на самые разные стороны постановки библиотечного дела и решать возникающие вопросы как можно более профессионально¹⁶.

При К.М. Попове библиотека стала пополняться ещё более активно, чем в предшествующую эпоху. Она получала книжные бандероли от самых разных институций, которые с уваже-

¹⁶ Библиотека и писчебюроцкий корпус. 1902 г.

Библиотечный корпус в начале XX века

нием «препровождали» в неё свои новейшие издания, иногда прося в обмен издания Академии. Из рукописной записки, сделанной К.М. Поповым в 1900 г., можно узнать, что Академия выписывала в то время 44 иностранных периодических издания и 24 русских на сумму 599 р. 90 копеек.

Общее число книг академической библиотеки до её закрытия в 1919 г. составляло 352601 книгу и 1618 рукописей¹⁷. Как профессиональный библиограф Константин Михайлович продолжил составление систематического каталога книг библиотеки, помимо изданных выпусков часть данного каталога хранилась только в рукописном виде. Он подготовил к печати первые указатели академических периодических изданий: «Прибавлений к творениям святых отцов» и «Богословского вестника»¹⁸. В 1904 г. К.М. Попов начал издавать библиографический журнал «Новости богословской литературы».

Постановка библиотечного дела в Академии в предреволюционную эпоху описана в воспоминаниях С. Волкова. Каталоги библиотеки ради бóльшей доступности находились в нынешнем большом актовом зале Академии на двух больших столах: на одном – каталоги книг на русском и славянском языках, на другом – каталоги книг на европейских языках (на латинице) и на греческом. Имелись также рукописные каталоги книг на некоторых наиболее распространённых восточных языках: китайском и арабском, а также на еврейском, только уже не на карточках, а в тетрадах. В печатных каталогах основного фонда не успевали фиксировать все новые поступления, которые библиотекарь вносил в рукописные каталоги и выдавал на руки только профессорам. В шифре книги указывался номер книги в шкафу/стеллаже и номер шкафа. Студент имел право ежедневно брать четыре книги и держать их у себя до конца учебного года. Все профессора и выпускники Академии, занимавшиеся написанием кандидатских диссертаций, имели

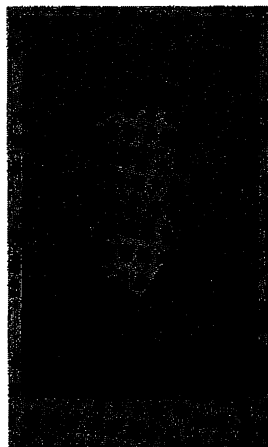
также особое право заказывать книги из Румянцевского музея или из Публичной библиотеки. Старинные книги выдавались только в читальный зал¹⁹.

Весной 1919 года в Академии окончательно остановился учебный процесс. В то время, как здание Академии перешло к Военно-электротехнической академии (позже электротехническим курсам)²⁰, библиотека была передана в ведение дирекции Румянцевского музея (библиотеки) в новом статусе его Сергиевского филиала²¹. В 1924 г. она носила следующее официальное название – «Сергиевское отделение Всероссийской публичной библиотеки имени Ленина»²². К этому времени штаты библиотеки Академии заметно сократились. Уже с января 1919 г. «было прекращено снабжение книгами»²³, а с июля 1919 г. библиотекарь К.М. Попов перестал получать жалованье²⁴. Вместе со своей супругой Ольгой Николаевной, которая была с 18 января 1918 года постановлением Совета Академии переведена на должность помощника библиотекаря²⁵, они стали самоотверженными хранителями библиотеки закрытого учебного заведения.

Зимой 1920 г. здание библиотеки перестало отапливаться, но, тем не менее, она продолжала обслуживать посетителей (3 раза в неделю по 3 часа²⁶), которые, получив книги, спасаясь от холода, поспешно уходили. Не жалея своего здоровья, Попов К.М. одновременно выполнял обязанности библиотекаря, технического работника, сторожа и дворника (так зимой вместе с супругой ему приходилось очищать от снега подход к библиотеке²⁷), иногда оказываясь очевидцем и участником самых драматических моментов. Когда 31 июля 1920 г. неожиданно вспыхнувший под Пятницкой башней пожар охватил Святые ворота и стал реально угрожать библиотеке, К.М. Попов, побледнев от волнения, сказал С.А. Волкову: «Я закрыл глухие металлические ставни в центральной части библиотеки, где

рукописный отдел и самые ценные книги. Может быть, так удастся их спасти. Об остальных залах даже подумать страшно! Ведь большинство окон глядит на стену, а их нечем закрыть. Теперь вся надежда на милость Господню...»²⁸.

В те годы библиотеку продолжал посещать только весьма ограниченный круг лиц. Если верить показаниям отчета Желобановой, за 1923 г. библиотеку посетило 1329 человек, выдано 19000 книг. «Выдаются исключительно научные книги. Спрос на книги большой,

Попов К.М.

но новых книг, которые спрашиваются, совсем нет. В день бывает до ста человек. Сегодня (15.03.24) взято 250 книг за два часа». И далее сообщается, что из 800 читателей – 300 человек из кинотехникума, 80 – преподаватели-учёные, 70 – педагоги, 40 – студенты Московских ВУЗов, 132 – советские служащие²⁹. К К.М. Попову приходил также М.М. Пришвин, переселившийся в Сергиев Посад из Переяславля-Залесского³⁰.

Драматические события революционной эпохи, естественно, не могли не затронуть и студенческую библиотеку, расположившуюся к тому времени в двух юго-восточных комнатах библиотечного корпуса. С весны 1919 г. ею стал заведовать С.А. Волков, которому удалось дожить до послевоенного возрождения Академии и даже некоторое время быть заведующим её канцелярии. В конце 1919 г. она была преобразована во 2-ю городскую общедоступную библиотеку, большая половина которой (беллетристика, художественные и литературно-исторические журналы общим числом ок. 15 тыс. книг³¹) в 1921 г. была передана в центральную городскую библиотеку³², находившуюся в ведении Сергиевского отдела народного

образования, из состава которой, переданные вполне «безобидные» книги в сер. 20-х годов были изъяты и уничтожены³.

В 1933 г. библиотека как филиал Румянцевского музея была закрыта. Все библиотечные фонды МДА общим числом более 500000 томов стали числиться в фондах нынешней РГБ. В этом же году (а по данным С.А. Волкова в 1939 г.³⁴) библиотеку складировали в одном из центральных московских храмов св. Климента папы Римского, незадолго до этого закрытом в 1929 г.³⁵ — «и почила в книгохранилище под сводами закрытого храма св. Климента» (Климентовский пер., 7)³⁶. Однако по свидетельствам очевидцев, «заточение» ценнейшего академического книжного собрания не обеспечивало его сохранности, поскольку одни книги, включённые в состав обменного фонда библиотеки имени В.И. Ленина, передавались не известным ныне учреждениям, а другие просто-напросто разворовывались частными лицами-коллекционерами, которые в силу непонятных причин имели свободный доступ в данное книгохранилище.

В конце 1930 г.г. К.М. Попову пришлось заведовать библиотекой музея игрушки³⁷. Тайно он вёл дневник, в котором записывал хронику событий из жизни Академии и библиотеки, но, к сожалению, в 1937 г. он, согласно собственному признанию, сжёг все свои записи³⁸. Однако было бы несправедливо обвинить Константина Михайловича в трусости. Современный сергиевopосадский журналист А. Луневский сообщил малоизвестный эпизод, имевший место в те годы. «Существует интересная версия спасения Поповым “по второму разу” академических книг. Тогда стояла дилемма — вывоз их в Москву или сдача на макулатуру для изготовления изделий из папье-маше. Сроки вывоза ставились заведомо не реальные, что практически обрекало собрание на уничтожение. Но в то время начинал свою работу будущий гигант

оптической промышленности, ЗОМЗ³⁹. Само предприятие строилось на северной окраине города. Привоз ценных материалов осуществлялся из Москвы автотранспортом. И К.М. Попов договорился с директором ЗОМЗа, Саввой Будником, о том, что обратным рейсом в Москву будут вывозиться книги. Фонды были вывезены в установленные сроки. Первый секретарь Загорского горкома ВКПб В. Терехин буквально бесновался: “Ангелочки что-ли ему их таскали?” Возникла версия, что может всё попросту припрятали? Но – пришло подтверждение из Москвы...»⁴⁰. Хотя сам журналист не исключает легендарного характера данного повествования, представляется, что оно не могло появиться на пустом месте и вполне правдоподобно. Если описанные факты имели место, то передачу книг из Лавры в ленинскую библиотеку следует датировать 1935 годом – годом интенсивного строительства ЗОМЗа, который уже в следующем году стал выпускать свою первую продукцию. Самому К.М. Попову было суждено засвидетельствовать возрождение Академии и библиотеки: он дожил до глубокой старости и умер 19 декабря 1954 г.⁴¹, в возрасте 82 лет.

В 1944 г. в Москве в Новодевичьем монастыре открылся Православный Богословский институт и Богословско-Пастырские курсы. К моменту перевода Института и курсов (Московских Духовных школ) в Троице-Сергиеву Лавру (в октябре 1948 года)⁴¹ в библиотеке имелось уже 17771 экземпляров книг. После переезда в Троице-Сергиеву Лавру библиотека Академии первоначально была размещена в Книжной лавке у Святых ворот⁴², а затем, после 15 декабря 1949 г., – на втором этаже 50 корпуса наряду с аудиториями III и IV курсов Академии. При этом помимо библиотеки как хранилища книг была также устроена читальня, т. е. читальный зал. В любом случае только с начала 1957 г. библиотека была постепенно, более-менее полноценно перемещена в библиотечный корпус, из

которого наконец выехал Загорский филиал Московского государственного заочного педагогического института. В 1953 г. в Библиотеку Академии поступили греческое и латинское собрания аббата Ж.П. Миня, переданные ей из Рижского Университета⁴³. В конце 50-х годов книжные фонды Московской духовной академии пополнялись библиотеками Саратовской, Ставропольской, Ярославской и Минской Духовных семинарий, к тому моменту закрытых. В начале 1960-х годов в библиотеку поступили книги, принадлежавшие прежде Духовной Миссии Русской Православной Церкви в Пекине, в то время уже закрытой.

В 70-е годы на самом высоком уровне (через Совет по делам религии) было разрешено комплектование библиотеки через коллектор в Москве. В течение 1970–1972 уч. г. была проведена контрольная перепись, одновременно с которой было продолжено составление каталога на карточках (весной 1975 г. к имеющимся 100 тыс. было добавлено 38883 карточки), а уже имеющийся карточный каталог кардинально исправлен.

Интерьер библиотеки (начало 60-х гг. XX века)

В 1974 г. в здании библиотеки была открыта переплётная мастерская, которая существенно облегчила её функционирование: до создания переплётной мастерской книги приходилось переплетать в Москве.

В период с 1970 по 1984 гг фонд библиотеки увеличился примерно на 40 тыс. книг. Во второй половине 1986 г. был оформлен межбиблиотечный абонемент с библиотекой МГУ и с Государственной публичной исторической библиотекой (с мая 1986 г.). В 1987 г. начались также переговоры о возвращении книг из фондов ГБЛ. Уже в 1988 году первая партия книг была возвращена (около 2000 экз.). В последующие годы возвращение книг продолжилось. На волне особо благосклонного отношения к Церкви в ближайшие годы после торжественного юбилея тысячелетия Крещения Руси в библиотеку была передана большая партия книг святоотеческой тематики, издававшихся в Джорданвилле, а также сотни экземпляров трехтомной Лопухинской толковой Библии, переизданные в Стокгольме.

В целом, при сравнении дореволюционного и послевоенного фондов библиотеки Московской духовной академии следует отметить, что дореволюционный фонд был более богатым в научно-богословском отношении. Он получал основную русскую и зарубежную периодику, имел исчерпывающие ресурсы по библистике, классическим языкам, ряду гуманитарных дисциплин. Библиотека послевоенной Академии, создававшаяся заново в совершенно других условиях, вынуждена была идти по совершенно иному пути, многие годы находясь в изоляции. Обслуживая значительно большее число читателей, она также переориентировалась: из библиотеки высшего духовного учебного заведения по существу превратилась в универсальную библиотеку, которая на протяжении

долгих лет была почти что единственной библиотекой Русской Православной Церкви.

В период с 1995 г. библиотечные фонды существенно обогатились за счёт ряда пожертвований и дарений. Также потенциально для библиотеки Академии при Греческом кабинете МДАиС была собрана огромная библиотека, включающая в себя ок. 35000 томов. В начале собирательской деятельности Кабинет занимался, в основном, вывозом отдельных книг богословского содержания из Греции, также как и патрологических серий Ж.П. Миня, перенздававшихся в Афинах протопр. Иоанном Диотисом, которые распределялись между Греческим кабинетом, фундаментальной академической библиотекой и лаврской библиотекой⁴⁴. Впоследствии открылись новые возможности по получению книг-дубликатов из европейских университетов. Начиная с 2006 г., благодаря постоянному содействию Эмилио Бенедетти, было организовано 5 поездок: в библиотеку Борха (окрестности Барселоны, Испания) (в результате было получено ок. 2500 книг), в университеты Испании (ок. 5700 книг), затем в университеты Германии (ок. 8500 книг), отдельно во Фрайзинг под Мюнхеном (ок. 4300 книг) и отдельно к профессору классической филологии г-ну Райзу (живущему в пригороде Кельна). Последний пожертвовал всю свою профессиональную библиотеку, а также ряд ценнейших изданий и альбомов, в частности, посвящённых I и II Мировым войнам и пр. (всего в совокупности 1300 книг). Наконец, в мае 2010 г. состоялась поездка в Неймегенский университет (Голландия), особо плодотворная: за несколько дней группой из нескольких человек было предварительно каталогизировано (для осуществления необходимых таможенных процедур) несколько тысяч книг, среди которых – основные труды по христианской латыни (в прошлом предмет особой специализации в Неймегене), собрания книг по истории мистики и

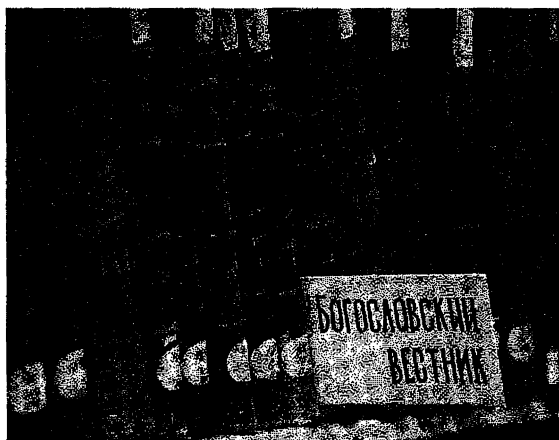
монашества, ключи греческих отцов (*clavis partum graecorum*), ценнейшая агиографическая серия *Subsidia hagiographica*, некоторые иностранные журналы, включая полный комплект *Analecta bollandiana*, который когда-то выписывался дореволюционной библиотекой МДА. Данная библиотека принадлежала когда-то Богословскому и философскому факультету Неймегенского университета, а после закрытия факультета в 1967 г. оставалась центральной библиотекой для всех членов Общества Иисуса Голландии. В результате на данный момент было собрано и вывезено ок. 30 тыс. книг на немецком, французском, английском, испанском, латинском, итальянском языках, изданных с XVI по XXI в. Наибольшее число книг приходится на период II Ватиканского собора (сер. 1960 гг.), когда учёная и книгоиздательская деятельность на западе была достаточно интенсивной. В настоящее время книги каталогизированы, но ещё не прошли библиотечную регистрацию.

Одним из самых грандиозных проектов XX в. в области оцифровки рукописей стал совместный проект РГБ и Троице-Сергиевой Лавры, в результате которого рукописи ТСА всё более и более становятся доступны самому широкому кругу читателей. В начале 2000 года Академия заключила аналогичный договор с РГБ с тем, чтобы постепенно возвращать свои собственные рукописи и архивы хотя бы в цифровом виде. Для решения возникающих задач был создан маленький рукописный отдел с одним, а потом с двумя сотрудниками в Академии и двумя сотрудниками в Москве, занимавшимися оцифровкой. За истекшие годы помимо оцифровки славянских рукописей из собрания МДА (выставлены в открытом доступе на сайте СТСА) был оцифрован почти весь диссертационный фонд дореволюционной МДА, а также отдельные единицы хранения, касающиеся истории периодических

изданий, библиотеки, издания научно-богословских трудов преподавателей МДА и прочее.

Также за истекшие годы велась достаточно интенсивная библиографическая работа. В 2000 г. был издан предварительный каталог хранящихся в библиотеке кириллических рукописей XV–XVII вв. и печатных книг XVI–XVII вв., подготовленный доктором исторических наук МГУ И.В. Поздеевой⁴⁵. В 2006–2008 гг. были подготовлены к изданию цифровые версии академических журналов, вышедшие на дисках и на портале Богослов.ги. В процессе подготовки дисков были составлены точнейшие библиографические описания журналов, издание которых смогло бы стать органичным продолжением трудов К.М. Попова в начале XX в. Особо трудоёмким был процесс сопоставления Творений святых отцов с первоисточниками. В результате создана наиболее подробная библиографическая роспись, которая должна лечь в основу третьего и последнего диска с академической периодикой.

В настоящее время книжные фонды Библиотеки Московской Духовной Академии содержат более 350 тыс. экземпляров.

Книги из собрания библиотеки МДА

В их числе собрание рукописных и старопечатных книг, особое собрание составляют рукописные певческие книги, начиная с XVI в. и далее. В фондах библиотеки имеются книги, написанные более чем на ста иностранных языках. Самые распространенные языки – английский, немецкий и французский. Достаточно много книг на греческом, польском, болгарском и румынском языках, а также представлены современные периодические издания (ок. 130 наименований).

В фондах библиотеки имеются редкие рукописи и книги. К самым древним рукописям конца XV в. относится ряд богослужебных книг: Апостол и Евангелие апракос, Псалтирь с воследованием; к более поздним относится Толкование на Псалтирь свт. Афанасия Александрийского (2-й трети XVII в.) из собрания Ф.С. Севастианова и др.⁴⁶ Из русских первопечатных книг представлены: Апостол, напечатанный диаконом Иваном Фёдоровым и Петром Мстиславцем (1564 г.), несколько острожских изданий, выполненных в кон. XVI в.⁴⁷, Славяно-русский лексикон (1620 г.) и др. Из редких книг на иностранных языках можно указать: «Авторы церковной истории» на лат. яз. (1528 г.), богословие Феофана Прокоповича на лат. (Лейпциг, 1732). На многих книгах стоят автографы великих церковных или культурных деятелей: например, свт. Филарета (Дроздова), С.М. Соловьева, преподавателей МДА: свщ. Павла Флоренского, И. Корсунского, архим. Илариона (Троицкого), святейших патриархов Алексия (Симанского) и Алексия (Ридигера) и др.

Таким образом, в настоящее время в библиотеке содержатся фонды самых разных дореволюционных и послевоенных библиотек, собрания институций или личные собрания. Несомненно, что самой главной и основополагающей библиотекой остаётся традиционная историческая библиотечка Московской духовной академии, изъятая в 1930 гг. в фонды

Заведующий библиотекой МДА игумен Дионисий (Шлёнов) (слева)
и один из старейших преподавателей МДА Скурят К.Е., 2010 год

нынешней РГБ. В настоящее время совместно с РГБ разрабатывается проект реконструкции дореволюционной библиотеки в цифровом виде, к первому этапу которого относится создание библиографической базы данных максимального количества книг по всем имеющимся указателям, а ко второму – их непосредственная оцифровка.

В 2010 году библиотека МДА вступила в полосу широкомасштабной реконструкции, обусловленной необходимостью расширения площадей для размещения фондов и желанием привести техническое состояние библиотеки в соответствие с современными нормами хранения фондов и управления ими. В течение 2010–2012 годов была произведена реконструкция северного флигеля библиотеки, которая включала в себя укрепление фундамента, переоборудование чердачного помещения, капитальный ремонт всех помещений с заменой стационарных стеллажных систем на рельсовые, монтажом новых сетевых кабелей, вентиляционных систем, электропроводки. Масштабы реконструкции продиктовали ряд логистических решений по перемещению фондов и пере-

распределению обязанностей сотрудников. В конце 2012 года начался следующий этап реконструкции, который включал в себя капитальный ремонт основного здания с заменой и укреплением межэтажных перекрытий. Эти работы осуществлялись компанией «Балтстрой» и финансировались из федерального бюджета по целевому траншу в рамках подготовки к общероссийскому празднованию 700-летия основателя Троице-Сергиевой Лавры Преподобного Сергия Радонежского.

Несмотря на масштабы реконструкции, библиотека не прекращала обслуживание читателей, обеспечивая необходимой литературой учебный процесс в Академии. После завершения реконструкции она сможет рационально организовать внутреннее пространство и сделать свои фонды более доступными для читателей. Фонды библиотеки МДА, включающие в себя уникальные старопечатные и рукописные книги, автографы выдающихся российских ученых, а также собрания дореволюционной Академии, хранящиеся в составе фондов Российской государственной библиотеки, в сочетании с вновь приобретаемой коллекцией важнейших европейских серий и монографий превращают Библиотеку в уникальное книжное собрание, значение которого выходит далеко за пределы формального статуса библиотеки высшего учебного заведения.

Примечания

¹ Платон (Левшин), митр. Слово о пользе учений // Сочинения. Т. 1. Поучительные слова и речи. 1762–1768. СПб., 2010. С. 225.

² Волков В. 1975. С. 6.

³ В 1821 г. переведена в Москву, стала именоваться московской. Смирнов 1855. С. 285. Указ о распределении книг библиотеки приводится в: Смирнов 1879. С. 279–280.

⁴ Троицкая Лаврская Семинария была соединена с Вифанской.

⁵ По каталогу семинарии 1762 г. ей принадлежало 190 рукописей, по делам 1781 г. – 207. Смирнов 1879. С. 299. См. также: История Троицкой семинарии. С. 57, 380.

⁶ В 1842 г. А.Н. Муравьев прислал в библиотеку рукописные сатиры Кантемира. Самое ценное пожертвование рукописных материалов, касающихся отношений Русской Церкви с Восточными Церквями, было сделано российским путешественником в 1865 г. Подробнее см.: *Смирнов 1879*. С. 295–296.

⁷ Журнал академического правления 1847 г. 20 декабря. Книги были приобретены по указанию бакалавра П.Н. Капустина, другая часть книг была продана наследниками почившего архиепископа в Сибири. Перечень отдельных книг см. в: *Смирнов 1879*. С. 286.

⁸ Дело академического правления № 37 «о пожертвовании штаб-лекарем И.М. Высоцким книг в Библиотеку МДА» (ОР РГБ. Ф. 172. К. 114. Ед. хр. 10).

⁹ Дело академического правления № 31 (1855 г.) «о пожертвовании от неизвестного разных книг для Академической библиотеки» (ОР РГБ. Ф. 172. К. 114. Ед. хр. 24).

¹⁰ Дело академического правления № 17 (1859 г.). Перечень отдельных рукописей см. в: *Смирнов 1879*. С. 288. *Стров П.* Описание рукописей Волоколамского монастыря. СПб., 1889.

¹¹ Дело академического правления № 29 (1861 г.) «о перенесении некоторых дублетов старопечатных книг из Московской синодальной типографской библиотеки в здешнюю Академическую» (ОР РГБ. Ф. 172. К. 118. Ед. хр. 7); Дело № 28 (1862 г.) «о перенесении некоторых старопечатных не относящихся к богослужению книг из Московской синодальной типографской библиотеки в Академическую» (К. 118. Ед. хр. 22); Дело № 23 (1863 г.) «о перенесении некоторых дублетов старопечатных книг из Московской синодальной типографской библиотеки в Академическую» (К. 118. Ед. хр. 38). В 1862 г. в библиотеку поступили также книги из Московской синодальной ризницы. См.: Дело № 29 (ОР РГБ. Ф. 172. К. 118. Ед. хр. 23).

¹² Дело академического правления № 25 (1844 г.).

¹³ Журналы Совета Московской Духовной Академии за 1871 год. М., 1872. С. 239.

¹⁴ Журналы Совета Московской Духовной Академии за 1871 год. М., 1877. С. 137.

¹⁵ Подробнее см.: *Голубцов С. А., протоиак.* Т. I. Ч. I. Строительство... 1982. С. 47–48. 1899 г. июня 3 дня. Библиотекарь К. Попов» (ОР РГБ. Ф. 172. К. 38. Ед. хр. 21. Л. 5). В 1904–1905 уч. г. были введены новые листки требований-заказов.

¹⁶ До сих пор в библиотеке МДА хранится журнал «Библиотекарь» с автографом К.М. Попова, рекомендации которого он мог учитывать в своей работе. В частности, К.М. Попов занимался составлением

«требовательных листков». Ещё в 1899 г. он предложил следующий проект требовательского листка: «В восьмую долю листа. Рассчитан на три названия и двенадцать томов. Дает возможность в течение недели взять 18 названий и 72 тома.

¹⁷ Согласно Докладу о положении библиотечного дела в Сергиевском уезде заведующего Сергиевским отделом Народного образования М.Т. Смирнова. См.: *Волков В. М. Памяти К. М. Попова*. 1975. С. 5.

¹⁸ См. ниже: Библиография по истории МДА № 13, 14.

¹⁹ *Волков 2000*. С. 216–218.

²⁰ По сообщению С. А. Волкова.

²¹ *Волков 2000*. С. 218.

²² Протокол 1924. С. 2.

²³ *Желобанова*. Отчёт 1924. С. 4.

²⁴ История районной библиотеки. 1970. С. 4.

²⁵ Отчёт о состоянии Московской Духовной Академии в 1917–1918 уч.г. СП, 1918. С. 3. Некоторое время до этого О.Н. Попова занимала должность второго помощника.

²⁶ Впоследствии срок обслуживания читателей еще более сократился: зимой 1923 г. они обслуживались 2 раза в неделю по 2 часа (*Желобанова*. Отчёт 1924. С. 4).

²⁷ *Волков 2000*. С. 222.

²⁸ Цит. по: *Волков 2000*. С. 221.

²⁹ Там же.

³⁰ *Волков 2000*. С. 223.

³¹ Данная цифра приводится в отчёте Желобановой, которая приводит более ранний год передачи книг – 1919 (*Желобанова*. Отчёт 1924. С. 4).

³² *Волков 2000*. С. 219.

³³ *Волков 2000*. С. 227.

³⁴ *Волков 2000*. С. 227.

³⁵ Церковь во имя священномученика Климента папы Римского, что на Пятницкой улице в Замоскворечье. [М.], 2008. С. 24. В 2002 г. часть храма была передана верующим, а в 2008 Российская Государственная Библиотека освободила всё помещение храма. Церковь во имя священномученика Климента папы Римского, что на Пятницкой улице в Замоскворечье. [М.], 2008. С. 27, 30.

³⁶ По пафосному выражению протоиерей Сергия (Голубцова). *Голубцов С., диак. 1976, 1977*. С. 138. *Ильин Н. П.* Записки старого библиотекаря // Встречи с прошлым. Сборник. Вып. 5. М., 1984. С. 112.

³⁷ *Луневский 2010*. С. 6.

³⁸ *Волков 2000*. С. 223.

³⁹ Он начал строиться в 1935 г., сейчас торжественно отмечают 75-летие его создания. Эту дату и следует считать, как наиболее правдоподобную.

⁴⁰ *Дуневский 2010*. С. 6.

⁴¹ С 2009 г. на базе библиотеки им. Розанова г. Сергиева Посада в день кончины К.М. Попова (19 февраля) стали проводиться Библиотечно-краеведческие чтения, посвящённые его памяти.

⁴² См.: *Комаров 1964*. С. 205; *Селянин 1994*. С. 78.

⁴³ См.: *Комаров 1964*. С. 226.

⁴⁴ В настоящее время переизданы почти что все тома собрания Ж.-П. Миня (всего 160 томов), которые постепенно перевозятся в Академию. Данная благотворительная передача осуществляется благодаря доброй воле протопр. Иоанна и его постоянного помощника Георгия.

⁴⁵ *Поздеева И. В.* Бесценное духовное наследие: кириллические рукописи XV–XVII вв. и печатные книги XVI–XVII вв. библиотеки Московской духовной академии и семинарии. Предварительный список. М.: Изд. МГУ, 2000 (далее – *Поздеева 2000*).

⁴⁶ Более полный список рукописей см.: *Поздеева 2000*. С. 20–39.

⁴⁷ В настоящее время данные книги хранятся в фондах Церковно-археологического кабинета МДА. См.: *Поздеева 2000*. С. 40–44.

Приглашение к чтению.
Истории о книгах мемориального собрания
«Плехановская коллекция»

Татьяна Опритова (г. Тамбов)

*«... я одно могу тебе посоветовать: учиись, читай.
Если тебя заинтересует серьезное чтение,
то ты сразу станешь счастливой.
Еще Чернышевский прекрасно писал:
«Так много наслаждений у развитого человека».
(Из письма Георгия Плеханова сестре Клавдии
от 4 февраля 1910 г., Сан-Ремо).*

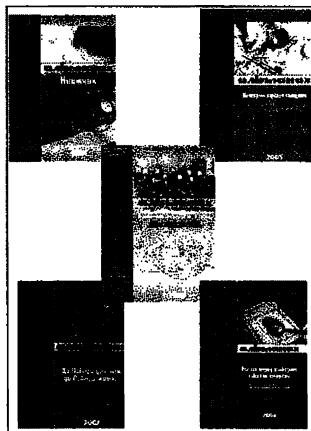
В южной части города Тамбова вблизи набережной реки Цны, на улице, утопающей в зелени садов, оставшихся от старинных усадеб конца XIX века, находится одна из старейших библиотек города. Это первая, созданная после Октября 1917 г., городская библиотека. Основала её в 1919 г. одна из первых женщин-библиотекарей в России Клавдия Валентиновна Плеханова – представительница потомственных дворян Тамбовской губернии, сестра родоначальника российской социал-демократии Георгия Плеханова. Она формировала книжный фонд из томов брошенных частных коллекций, собраний книжных магазинов известных в Тамбове книгопродавцев: купца М.Я. Булыгина, мещан Н.Е. Шемаева, И.Ф. Зотова, Ф.М. Приклонского, А.Е. Мещеряковой, граждан М.П. Лоскутова и Н.М. Зайцева, крестьянки Павперовой, а также торгового склада Казанско-Богородичного братства.

Примечательно, что в круговороте исторических событий сохранились экземпляры с инвентарными номерами «1, 2, 3, ...»

Фрагмент музейного комплекса библиотеки

и библиотечными пометами, проставленными самой К.В. Плехановой. Данный факт позволяет говорить о мемориальном характере сохранившихся книг. Сегодня эта часть фонда библиотеки именуется «Плехановская коллекция». Её ценные тома признаны «Книжным памятником Тамбовской области» в рамках Национальной программы сохранения библиотечных фондов. Библиотека – дело всей жизни Клавдии Валентиновны Плехановой, носит сегодня её имя. В настоящее время создан Музей книги и библиотечной культуры при библиотеке № 1 им. К.В. Плехановой, экспозиции которого посвящены истории отечественного книгоиздания и русской книге XIX – начала XX вв., семье Плехановых и её связям с Тамбовским краем. А главное – она знакомит читающую публику с составом мемориального книжного собрания «Плехановская коллекция». Экспозиционные просмотры и выставки рассказывают об исторических личностях, забытых, но достойных нашей памяти именах издателей, типографов, иллюстраторов,

Альманахи Плехановской библиотеки

Ф.В. Булгарин

авторов. Созданные ими книги хранят приметы времени, и это даёт возможность прочесть за страницами ценных томов больше, чем они в себе заключают.

Уточнение дат, имен, владельческих и маргинальных помет, прослеживание пути поступления издания в библиотеку, библиографирование книг XIX – начала XX вв. оказалось весьма увлекательным и настолько обширным, что обо всех находках в старинных переплётках рассказать в течение одной экскурсии стало невозможно. Так появились путеводители по томам мемориальной коллекции – ежегодные выпуски «Альманаха Плехановской библиотеки». Мы предлагаем познакомиться с некоторыми интересными изданиями из книжного собрания «Плехановская коллекция», перелистав страницы альманахов. Надеемся, говоря словами Н.М. Карамзина, что «читатель похвалит хорошее, извинит посредственное, и мы будем довольны».

Среди старинных изданий обращают на себя внимание три маленьких тома. Эти книги одеты в полукожаный переплёт, крытый бумагой, с упроченными уголками. Красивый, слегка скругленный корешок и небольшие канты у крышек говорят о хорошей технике переплётных работ. Издания – более чем полуторавековой давности. Они датированы 1846–1849 гг. Это «Воспоминания» Фаддея Венедиктовича Булгарина¹. Их уникальность определяется не только временем выхода в свет. Издание булгаринских мемуаров – первое и единственное, не переиздававшееся вплоть до 2001 г. Возвращение этой книги читателю осуществил московский издатель Игорь

Издание 2001 г.

Булгаринские мемуары

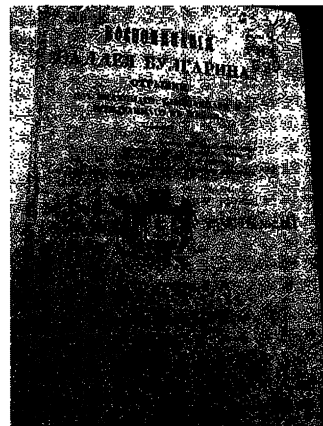
Захаров². Кроме того, многие главы творения Ф. Булгарина имеют военно-историческое значение и являются важным свидетельством очевидца о сражении при Фриланде, испанских войнах Наполеона и прочих событиях начала XIX века.

Об этом удивительном человеке, которого современники воспринимали однозначно как фигуру одиозную и беспринципную, осведомителе III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, мы ничего и не знали. «Воспоминания» Фаддея Булгарина раскрывают личность незаурядную, наблюдательную, талантливую, рассказывают о человеке, много повидавшем и претерпевшем в жизни.

Вопросы возникают ещё при знакомстве с титульным листом книги, на котором помещён гербовый книжный знак Ф. Булгарина. Удивление вызывает сочетание знаков отличия воинской доблести Фаддея: русской награды Аннинского оружия и французского ордена Почётного легиона. О том, что Ф. Булгарин – родовитый польский шляхтич герба Стремя, становится ясно с первых страниц его мемуаров. О знатности рода говорят также представленные в книжном знаке корона,

соответствующая венцу монархии; мантия, изображение которой допускалось лишь в гербах родов, ведущих своё начало от первых русских князей; и стремя, обозначенное на щите. В Польше название гербы получали, в том числе, по фигурам или композициям, заключённым в них. Шляхтичу мало было назвать своё имя. Надо было добавить «дворянин такого-то герба». Так и Фаддей пишет о себе: «Родился я в имении Перышево, принадлежащем матери моей, урожденной Бучинской (герба Стремя)»³. Гербовый экслибрис завершает представление под мантией с левой стороны гусиного пера, а с правой – преломленного стяга. Эти введенные символы говорят о смене владельцем поприща военного на труд литературный. Вся жизнь этого человека была полна противоречий, крайностей и небывалых зигзагов судьбы.

Фаддей Булгарин получил образование в Санкт-Петербургском Сухопутном шляхетском кадетском корпусе. Плохое знание русского языка, импульсивный характер, ставший причиной частых конфликтов с преподавателями и соучениками, выработали в молодом человеке настроенное отношение к людям. Ещё в кадетском корпусе Фаддей пристрастился к чтению, стал писать модные в то время эпиграммы, которые впоследствии сыграли с ним злую шутку. За сатиру на командира уланского полка Великого князя цесаревича Константина Павловича он, после ряда переводов из полка в полк, и вовсе был уволен из армии, несмотря на его доблесть, проявленную при Фриланде и отмеченную орденом Святой Анны

Титул «Воспоминаний»
Ф. Булгарина

3-й степени. После увольнения герой Фридланда оказался без средств к существованию. Судьба забросила его в Париж, где он нанялся в армию Наполеона, который после заключения Тильзитского мира стал союзником Александра I. Воюя в Испании, Ф. Булгарин получил орден Почётного легиона, дослужился до капитана и в 1812 г. в составе французской армии уже воевал против русских. В конце концов, в 1814 г. на территории Пруссии попал в плен. Позже вышла амнистия, и началась вторая жизнь Фаддея Венедиктовича – журналиста, писателя, критика и издателя. В 1819 г. Ф. Булгарин поселился в Санкт-Петербурге, завёл связи в столичных литературных кругах и начал издательскую деятельность.

Биография Фаддея Булгарина, служившего на стороне Наполеона, а затем ставшего сторонником государственной политики и Третьего отделения, была предметом обсуждения в русском обществе и многочисленных эпиграмм. С легкой руки Александра Сергеевича Пушкина он заслужил репутацию осведомителя.

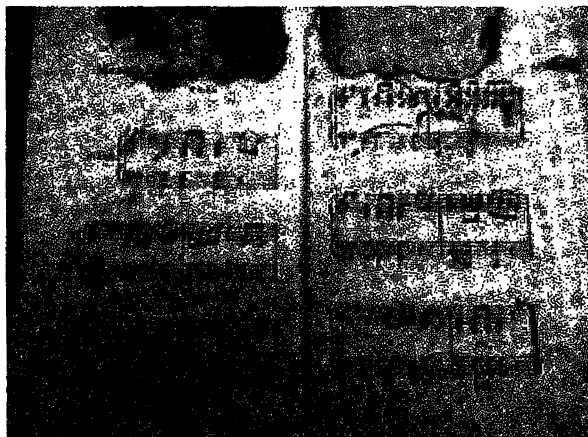
А было время, когда А.С. Пушкин печатался в «Северном архиве» и «Северной пчеле» и даже писал их издателю из Одессы в феврале 1824 г.: «Вы принадлежите к малому числу тех литераторов, коих порицания или похвалы могут и должны быть уважаемы»⁴. После пушкинской поэмы «Полтава» (1828 г.) Ф. Булгарин издаст роман «Иван Выжигин» (1829 г.), который приобретёт ошеломительный успех у читателей. Первое издание разошлось всего за семь дней, второе было напечатано и распродано в том же году. Вскоре нашумевший роман был переведён на французский, польский, немецкий, шведский, английский, итальянский, голландский и испанский языки. А.С. Пушкин и Ф.В. Булгарин стали конкурентами. «Литературные вражды» не помешают Ф. Булгарину в «Воспо-

минаниях» признать гениальность Пушкина, самообытный талант поэтов и писателей пушкинской плеяды⁵.

Как бы там ни было, но в истории русской литературы и журналистики Фаддей Венедиктович оставил яркий след. История русской литературы XIX в. невозможна без его имени и сочинений. Он стал одним из первопроходцев в таких жанрах русской литературы и журналистики, как фельетон, очерк, авантюрный, бытовой, исторический романы. Ф. Булгарин первым начал в России издавать и специальный журнал по истории и географии «Северный архив», и частную газету «Северная пчела» с политическим отделом. Умер 1 сентября 1859 г. на своей даче «Карлово», близ Дерпта. И мало кто, разве что самые близкие люди, сожалели о его кончине.

С течением времени страсти вокруг имени Ф. Булгарина утихли. Мы можем судить об этой личности по его сочинениям и воспоминаниям. Виссарион Белинский с иронией и сарказмом характеризовал «Отрывки из виденного...», но даже он признавал: «...в «Воспоминаниях» г. Булгарина видели мы не просто обыкновенную книгу..., но что-то гораздо важнее»⁶. Непринимавший творчества Ф. Булгарина критик, сам того не желая, оказался ближе к истинному толкованию его сочинений. Сегодня ирония и полемика уступили место интересному и увлекательному чтению.

С Ф. Булгариним связано имя ещё одного его современника Сергея Никифоровича Марина – русского поэта-сатирика, переводчика и военного деятеля. Дело в том, что на форзаце одного из томов «Воспоминаний» помещены ноты «Марша русской гвардии 1807 года», об истории которого Ф. Булгарин рассказывает в своих мемуарах. Автор текста – поэт Сергей Никифорович Марин, прошедший путь от подпрапорщика Преображенского полка до флигель-адъютанта Императора Александра I. Марш со словами: «Пойдем, братцы, за границу/

Марш русской гвардии 1807 г. на форзаце

Бить Отечества врагов», — он создал в 1805 г., будучи участником антинаполеоновского похода русских войск. Под Аустерлицем и Фридландом был тяжело ранен. В начале Отечественной войны он участвовал в Бородинском сражении, но открылись старые раны, это и стало причиной его кончины. 19 марта 1814 г. русские войска вошли в Париж с пением его марша. Тогда слова исполнялись на музыку марша лейб-гвардии Преображенского полка, в котором служил герой-полковник. Воспроизведенное же Ф.В. Булгариным музыкальное произведение было маршем всех русских гвардейских частей эпохи наполеоновских войн.

Надо сказать, что «Воспоминания» Ф.В. Булгарина были написаны спустя сорок лет после описываемых событий, но Фаддей Венедиктович хорошо помнил музыку марша, которую с его голоса записал известный в то время в Петербурге польский музыкант Виктор-Иосиф Кажинский. Сегодня эти ноты — большая редкость. Примечательно, что современное издание булгаринских мемуаров (2001 г.) воспроизводит только слова марша без нот. Маршевая музыка 1807 г. стала

позывными библиотеки-музея и открывает все значимые мероприятия.

Книги «Воспоминаний» Ф. Булгарина напоминают нам также имя забытого сегодня петербургского книгопродавца и издателя Матвея Дмитриевича Ольхина (1806–1853 гг.), первым изданием которого в 1843 г. стали булгаринские «Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого» с рисунками В.Ф. Тимма. О жизни и деятельности М.Д. Ольхина было практически ничего не известно вплоть до осени 1988 г., когда в Ивангороде при разрушении старого дома обнаружили родовой архив семейства Ольхиных примерно за 150 лет. Среди бумаг были подлинники издательские договоры Матвея Дмитриевича с известными писателями, журналистами, издателями той поры. Эти материалы исследованы Соковой Е.М. и Абрамовым В.В.⁷, которые сообщают, что деятельность М.Д. Ольхина на книжном поприще длилась менее пяти лет, но для последующих поколений читателей он оставил целый ряд прекрасных образцов иллюстрированных изданий, оформленных как парижскими мастерами, так и отечественными художниками-графиками.

М.Д. Ольхин с семьёй

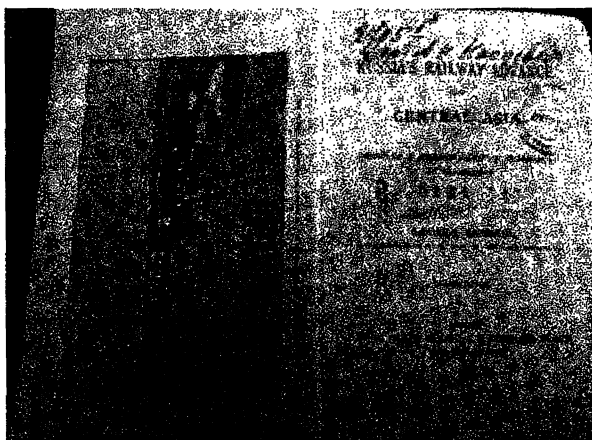
Список талантливых и самобытных имён современников Фаддея Булгарина, которые фиксируют его «Воспоминания», можно продолжать довольно долго. Это и Александр Васильевич Никитенко – историк литературы, профессор Петербургского университета, действительный член Академии наук; и Амплий Николаевич Очкин – журналист и переводчик, и

Список талантливых и самобытных имён современников Фаддея Булгарина, которые фиксируют его «Воспоминания», можно продолжать довольно долго. Это и Александр Васильевич Никитенко – историк литературы, профессор Петербургского университета, действительный член Академии наук; и Амплий Николаевич Очкин – журналист и переводчик, и

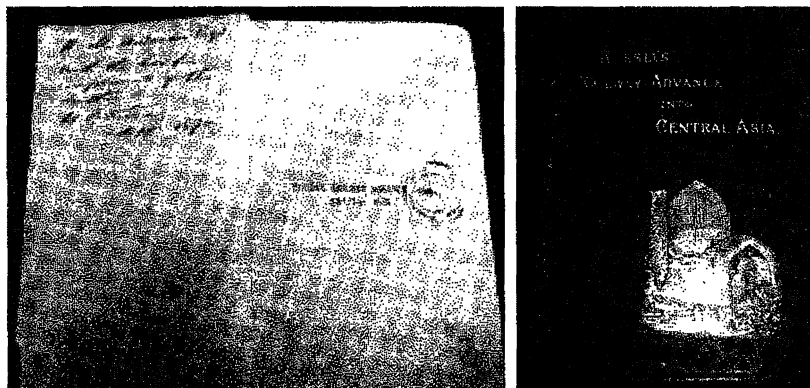
первый в России доктор русско-славянской филологии Изманл Иванович Срезневский. Все они были цензорами болгарских мемуаров. Когда знакомишься подробно с историей судеб этих людей, открываешь для себя новые факты из литературных событий и житейских отношений.

У каждой книги есть своя история. Особенно интересна она у тех старинных томов, что хранят дарственные надписи. Здесь одинаково любопытно знать биографии владельцев и авторов, анализировать, в каких условиях совершалось вручение редких сегодня экземпляров. Истинными книжниками всегда ценились автографы на книгах. Сейчас даже трудно представить, что в 1920–1930-е гг. книги с любыми пометами считались испорченными и подлежали списанию в государственных учреждениях. Так безвозвратно оказалась утерянной в житейском круговороте масса человеческих историй.

Среди книг «Плехановской коллекции», бережно расставленных, с любовью хранимых, находятся экземпляры на иностранных языках: французском, немецком, английском. Их не раз держали в руках, рассматривали иллюстрации, удивля-

Книга с дарственной надписью А. Норцова

Книга и автограф Дж. Добсона

лись мастерству типографов. Однажды, работая со старинными книгами, обратили внимание на небольшой томик с надписью на титульном листе «Дар Норцова... Тамбовской общественной библиотеке» и лаконичным письмом на форзаце. Письмо адресовано «Инженеру Х.М. Андертону с наилучшими пожеланиями от автора. С.-Петербург. Сентябрь 1890 г.». Сразу возникли вопросы: что это за книга, кто скрывается за словом «автор» и кто такой инженер Х.М. Андертон?

Книга посвящена освоению русскими Центральной Азии и строительству там железных дорог. Автор – журналист английской газеты «The Times» Джордж Добсон⁸. Весной 1888 г. Дж. Добсон совершил путешествие из Петербурга в Самарканд по случаю сооружения железной дороги, соединяющей эти города. В пути он посылал в газету корреспонденции со своими впечатлениями. В 1890 г. журналист-путешественник вернулся к данной теме по многочисленным просьбам читателей газеты. Результатом стала книга «Развитие российских железных дорог в Центральной Азии: Записки путешественника из С.-Петербурга в Самарканд», изданная в Лондоне в 1890 г.

Восемь глав из пятнадцати, ранее опубликованные в «Times», были заново переписаны, изменены и дополнены автором интересными сведениями. В новых главах даётся характеристика транскаспийских провинций. В предисловии Дж. Добсон пишет: «... меня не интересовала политическая сторона вопроса и проблема англо-русских отношений. Мне всегда казалось, что предубеждение и путаница взглядов в отношении России в значительной степени возникли в результате политических разногласий. Я использовал сведения, полученные мною из российских и, в основном, новейших источников»⁹. Время показало, что пожелания автора на установление дружеских отношений между Великобританией и Россией осуществились.

Известно, что Джордж Добсон появился в Петербурге в 1874 г., когда ему было всего двадцать лет. Первые два года он занимался подготовкой секретной корреспонденции в посольствах США и Великобритании, а затем начал карьеру легального разведчика. Он числился сотрудником газеты «Таймс», но, несмотря на прекрасные статьи из России, редакция не давала ему статуса постоянного корреспондента. Не всегда благополучно у Дж. Добсона складывались отношения и с русскими властями. За серию статей по еврейскому вопросу под названием «Гонения на евреев в России» он чуть было не лишился должности и был предупреждён самим графом Николаем Павловичем Игнатьевым, министром внутренних дел. Несмотря на это, весной 1888 г. Дж. Добсон всё же получил дозволение на поездку по только что построенной железной дороге до Бухары и Самарканда и стал первым англичанином, посетившим регион, в который не допускались иностранцы.

Эта старая книга оживила не только запечатлённое ушедшее время, но также имя Алексея Николаевича Норцова – историка, генеалога, поэта, писателя. А.Н. Норцов принадле-

жал к старинному дворянскому роду. Сын офицера, поселившегося после отставки в Тамбовской губернии, получил образование в частном учебном заведении в Москве. По семейной традиции Алексей Николаевич служил в лейб-гвардии гусарском Павлоградском полку, затем в гусарском Нарвском полку в городе Козлове. Выйдя в отставку в 1884 г., он остался в губернском Тамбове.

Не имея университетского образования, А.Н. Норцов отличался обширными познаниями. Изучал древневосточные языки, историю религий, делал переводы индийского эпоса и немецкой поэзии. Вскоре пришло признание: в 1898 г. он был принят в члены английского королевского Азиатского и Лондонского фольклорного обществ. Долгое время Алексей Николаевич являлся председателем Тамбовской учёной архивной комиссии. Его деятельность по изучению истории Тамбовского края нашла отражение в ряде трудов, которые вошли в собрание его сочинений, изданных в Тамбове в 1905 г.

После Октябрьской революции 1917 г. А.Н. Норцов был назначен уполномоченным Главного управления архивных дел РСФСР и возглавил работу по сохранению местных исторических и художественных ценностей, но в 1919 г. его взгляды были признаны не совместимыми с советской службой. Алексей Николаевич предполагал уехать из Тамбова, но в начале 1922 г. заболел крупозным воспалением лёгких и вскоре скончался. Похоронён в старинном некрополе города – Петропавловском кладбище.

А.Н. Норцов

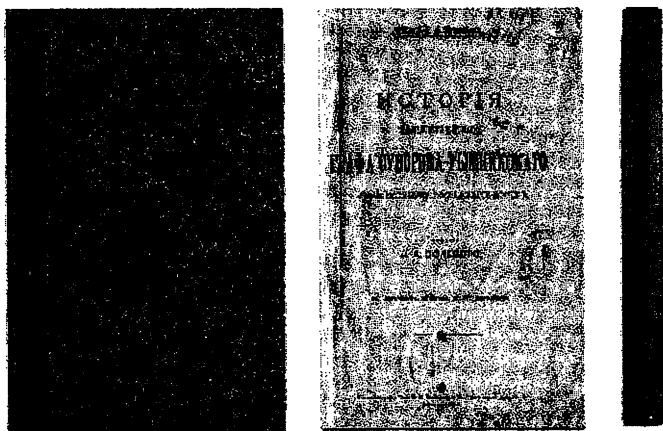
Вполне объяснимо, почему книга, рассказывающая об освоении железных дорог в Средней Азии, оказалась у А.Н. Норцова. Помимо научной деятельности, в число его увлечений входило также библиофильство. Зародившееся в детстве увлечение переросло с годами в настоящую страсть, не покидавшую его на протяжении всей жизни. Алексей Николаевич собрал библиотеку, насчитывающую более четырех тысяч томов по истории, археологии, философии, фольклору, лингвистике, оккультизму, включавшую и уникальные средневековые фолианты. Его библиотека была внесена в «Адресную книгу русских библиофилов». Возможно, находясь в Лондоне по делам Королевского азиатского общества, он приобрёл книгу Дж. Добсона «Развитие российских железных дорог в Центральной Азии» с автографом автора. Впоследствии, понимая познавательное значение книги в области географии и экономики, А.Н. Норцов сам подарил этот редкий для Тамбова том в Общественную библиотеку.

Пока неясно, какова история автографа? Что связывало дарителя и адресата? Какими были их встречи? Какие велись беседы? Каковы мотивы дара? Многие ещё остаются загадкой, но отраднo обнаружить в фондах библиотеки том, который некогда принадлежал выдающемуся человеку, тесно связанному с историей и культурой Тамбовского края.

Издание интересно ещё и тем, что сохраняет в себе основные черты, присущие книгам конца XIX века: цветной форзац, качественные иллюстрации и карты, выполненные с учётом технических достижений того времени, добротный переплёт. Классическая раскладка полей книги соответствует типу издания. Этот том стал редкостью в наши дни. Лишь совсем недавно книга Дж. Добсона была переведена на русский язык и вышла в 2013 г. в Рязани, благодаря частному издателю Павлу Алексеевичу Трибунскому¹⁰. Это пока всё, что удалось

выяснить об истории автографов на одной из книг «Плехановской коллекции».

Сохранилось также очень интересное издание выпуска 1904 года – «История князя Италийского, графа Суворова Римникского, генералиссимуса российских войск», принадлежащее перу историка Николая Полевого¹¹. В книге рассказывается о блистательном военном пути А.В. Суворова: его участии в Семилетней войне, первостепенной роли в войнах с Турцией и покорении Крыма. Описаны знаменитые его сражения: защита Кинбурна, осада Очакова, битва при Римнике, взятие Измаила. Автор повествует о непростых отношениях великого полководца с императрицей Екатериной II, командующими П.А. Румянцевым и Г.А. Потёмкиным. Особая глава посвящена характеристике А.В. Суворова как полководца, политика и человека. Написанная живым литературным языком и богато иллюстрированная гравированными портретами, книга талантливого писателя на долгие десятилетия сделалась самой читаемой биографией А.В. Суворова.

Н. Полевой «История...»

Впервые сочинение Н.А. Полевого вышло в свет в Петербурге в 1843 г. в типографии газеты «Jornal de St.-Petersbourg», печатавшейся на французском языке¹². И сразу же Виссарион Белинский обрушился с критикой на книгу: «...оконченная теперь изданием так называемая «История Суворова» есть жалкая и ничтожная компиляция, наскоро составленная из газетных реляций. В ней нет ни взгляда, ни мысли, ни даже порядочного рассказа. О промахах и частных недостатках стоит ли говорить там, где вся книга – промах?.. К тому же она писана для картинок, стало быть, она – заказ, а не свободное произведение ума, таланта и знания. Картинки в этой жалкой будто бы «Истории Суворова» – карикатуры, впрочем, без всякого злого умысла писанные на Суворова и на его подвиги. Словом, и текст, и картинки – все из рук вон плохо. Бумага и печать недурны, но обезображены пестротой безграмотно поставленных прописных букв»¹³. Так беспощадно русский критик отнесся к сочинению Николая Полевого.

Конечно, Виссарион Григорьевич Белинский – авторитетный критик, но с ним нельзя согласиться в том, что вся книга – «промах». Николай Полевой был одарённым человеком, блестящим стилистом. Живой литературный язык способствовал утверждению «Истории Суворова» как самого популярного жизнеописания великого полководца на целых сорок лет, вплоть до выхода в свет работ военного историка А.Ф. Петрушевского. Невозможно согласиться с критиком и в том, что многочисленные иллюстрации в книге – карикатуры, сделанные «из рук вон плохо». Сочинение Н.А. Полевого, датированное 1843 г., содержало на фронтисписе портрет А.В. Суворова, в тексте 110 иллюстраций, а также заставки, концовки. Они были выполнены замечательными художниками А.Е. Коцебу, Р.К. Жуковским, Т.Г. Шевченко. Первому принадлежат рисунки преимущественно батального содержания, второму –

портрет Суворова, пейзажи, заставки и концовки, третьему – жанровые сцены. Автор и иллюстраторы работали вдохновенно.

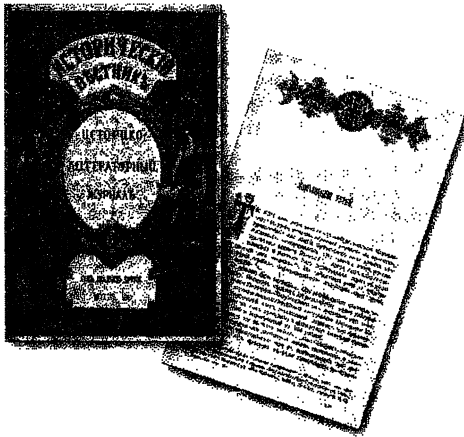
Во введении Н.А. Полевой пишет: «Издаваемая нами «История Суворова» ... народный рассказ о Суворове, украшенный кистью и резцом русских художников. ... Можем уверять, что ничего не включили мы в наш рассказ, что не может быть подтверждено достоверными источниками»¹⁴. Искренность, уважение к личности, таланту были отличительными чертами Николая Алексеевича Полевого.

Замечательную работу художников-иллюстраторов отмечали многие современники. Они же определяли и низкий уровень полнотипажной техники в русских типографиях. Невысокое качество некоторых репродукций рецензенты объясняли неумением печатать с полнотипажей отлитых металлических клише, что тогда в России только вводилось. Поэтому гравюры на дереве по рисункам А. Коцебу, Р. Жуковского, Т. Шевченко вырезали в Париже гравёры Эндрю, Бест и Лелуар, которые имели там ксилографическую фирму. В Санкт-Петербурге лишь отдельные гравюры выполняли Лавель и Дерикер.

Только в России с теми же иллюстрациями книга переиздавалась шесть раз. Последнее издание – 1904 г., которым располагает наша библиотека. Известно также два издания с теми же иллюстрациями на немецком языке¹⁵. Примечательно, что в последнем выпуске 1904 г. имена художников не указаны, поэтому возникла необходимость установить авторство рисунка, на котором запечатлён военный священник, ведущий солдат на штурм крепости Измаил. Он изображён в пылу сра-

Н.А. Полевой

Журнал «Исторический вестник», 1902 г.

жения с поднятым вверх крестом. Подсказка была найдена в статье военного историка П.Н. Симанского «Измаильский герой», опубликованной в журнале «Исторический вестник» за 1902 год¹⁶. Пантелеймон Николаевич Симанский рассказал о превратностях судьбы священника Полоцкого полка Трофима Куцинского, о которых стало известно широкому кругу читателей лишь в самом конце XIX – начале XX вв.

Во время штурма крепости Измаил командир Полоцкого полка полковник Ясунский был тяжело ранен, солдаты едва не обратились в бегство. И вдруг вперёд выходит священник, высоко поднимает крест с изображением Спасителя и с молитвой ведёт солдат в бой. На крепостной стене пуля настигла отца Трофима, он был ранен в ногу. От креста осталось лишь основание.

А.В. Суворов сообщил князю Г.А. Потёмкину о подвиге Куцинского. Главнокомандующий направил представление в Петербург, в котором просил матушку императрицу Екатерину II «о пожаловании ... креста на шею» полковому пастырю. Речь шла о награждении офицерским орденом святого

А. Коцебу. Священник Полоцкого полка воодушевляет солдат на приступ Измаила

География, но Екатерина II не решилась нарушить статут ордена: о священниках в нём не говорилось. Тем не менее, Екатерина II не оставила без награды отца Трофима и пожаловала ему золотой наперсный крест, осыпанный бриллиантами на Георгиевской ленте, он был возведен в сан протоиерея и пожалован пенсиями: единовременной в 500 рублей и пожизненной в 300 рублей.

Подвиг отца Трофима – первое дошедшее до нас в документах свидетельство беспримерного мужества, твердости духа священнослужителей. Он же стал первым священником, получившим золотой крест на Георгиевской ленте. Эта боевая награда явилась не только очень почётной, но и редкой.

П.Н. Симанский упоминает историка Н.А. Полевого и автора исторических повествований Ф.В. Булгарина, которые описывают подвиг военного пастыря Трофима Куцинского. К произведениям этих писателей художники Александр Коцебу и Василий Тимм выполнили иллюстрации. Так, благодаря журналу «Исторический вестник», стало известно имя одного

Портрет А.Е. Коцебу.
Худ. Т.Г. Шевченко

из иллюстраторов книги Н.А. Полевого «История Суворова» – это Александр Евстафиевич Коцебу. Книга о великом полководце позволила не только выяснить имена художников книжной графики, но и заняться изучением старинных изданий на предмет выявления примеров стойкости, героизма, проявления силы духа и веры армейского и флотского духовенства в русской императорской армии.

Многие тома «Плехановской коллекции» ещё “молчат”, некоторые – “задают” вопросы, пока не разрешимые. Хочется верить, что когда-нибудь отыщутся и на них ответы. Поиски продолжаются. Ни с чем не сравнимая радость открытия ждёт нас впереди!

Примечания

¹ Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. Ч. 1-6. – СПб. : Изда. М.Д. Ольхина, 1846–1849.

² Булгарин, Ф. Воспоминания [Текст] / Фаддей Булгарин. – М. : Захаров, 2001. – 782 с.

³ Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. Ч. 1. – СПб. : Изда. М.Д. Ольхина, 1846. – С. 2–3.

⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений [Текст]: в 17 т. Т. 13. Переписка 1815–1827. – М. : Воскресение, 1996. – С. 85.

⁵ Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. Ч. 1. – СПб. : Изда. М.Д. Ольхина, 1846. – С. IX–X.

⁶ Белинский, В.Г. Сочинения [Текст] : в 4 т. Т. 4. 1844–1849. – СПб. : Изда. Ф. Павленкова ; паровая скоропечатня А. Пороховщикова, 1896. – С. 322.

⁷ Сокова Е.М. Петербургский книжник 40-х гг. XIX в. М. Ольхин [Текст] / Е.М. Сокова, В.В. Абрамов // Книга. Исслед. и материалы. Сб. 68. – М., 1994. – С. 197 – 208.

⁸ Dobson George. Russian railway advance into Central Asia. Notes of a journey from St/ Peterburgs to Samarkand. – London : W.H. Allen & CO., 13, Waterloo Place and at Calcutta, 1890. – 440 s.: il.

⁹ Dobson, George. Russian railway advance into Central Asia. Notes of a journey from St/Peterburgs to Samarkand. – London :W.H. Allen & CO., 13, Waterloo Place and at Calcutta, 1890. – S. VI–VII.

¹⁰ Добсон Д. Железнодорожный прорыв России в Среднюю Азию: Записки о путешествии из Санкт-Петербурга в Самарканд [Текст] / Д. Добсон; пер. с англ., вступ. ст. и коммент. Н.В. Банниковой. – М.; Рязань: Изд. П.А. Трибунский (Коломна: Коломен. тип.), 2013. 287 с. + схема Закасп. воен. ж. д. на вклейке.

¹¹ Полевой Н.А. История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск [Текст] / Н.А. Полевой. – М. : Изд. А. А. Петровича ; типо-литогр. И.Н. Кушнерова и К^о, 1904. – 346 с. : ил.

¹² «Journal de St.-Petersbourg» – русское полуофициальное издание, выходившее в Петербурге с 1825 г. на французском языке. Первым её редактором был Александр Дмитриевич Улыбышев (1794–1858), один из первых русских музыкальных критиков, автор драм, комедий, сатир, шуток в драматической форме. В 1843 г. типография «Journal de St.-Petersbourg» принадлежала издателю Н.Ф. Арент.

¹³ Белинский В.Г. Собрание сочинений [Текст] : В 9 т. Т. 5, апрель 1842 – ноябрь 1843 / В.Г. Белинский. – М. : Худож. лит., 1979. – С. 490–491.

¹⁴ Полевой Н.А. История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск [Текст] / Н.А. Полевой. – М. : Изд. А.А. Петровича ; типо-литогр. И.Н. Кушнерова и К^о, 1904. – С. 6.

¹⁵ Geschichte des Fursten Italiki Grafen Suworoff-Rimnikski. – Riga, 1850; Geschichte des Fursten Italiki Grafen Suworoff-Rimnikski. – Elgawa, 1851.

¹⁶ Симанский П.Н. Изманьский герой [Текст] / П.Н. Симанский // Ист. Вестник. – 1902. – Т. LXXXIX. – С. 859–869.

КНИГА И ЖИЗНЬ

Книга против хаоса

Нина Ягодинцева (г. Челябинск)

Технический прогресс неостановим и стремителен, он будет предлагать нам всё новые и новые средства, возможности, скорости и объёмы, но почему мы при этом забываем, что психическая природа человека меняется очень медленно? Для нормального существования и развития ей нужны средства соответствующие, со-размерные её реальным возможностям. И определяющую роль здесь играет не количество, а качество информации, её эмоциональная насыщенность, чёткие ценностные ориентиры, нравственные основания.

Наивно полагать, что в информационном обществе при стремительном развитии технологий роль книги в культуре и её статус останутся неизменными. Однако ещё более наивно считать, что всевозможные гаджеты полностью вытеснят книгу из культурного пространства. Поединок гаджетов и книги уже давно и очевидно превратился в глобальный поединок информации и знания, и победителю достанется ни много ни мало – сам человек, его образ мысли и степень адекватности действий в окружающем его очень непростом мире.

Чтобы правильно воспринять новое, усвоить его, нужно уметь выбрать, что важно, а что второстепенно. Нужно время, чтобы во всей полноте эмоционально пережить вторжение нового во внутренний мир. Необходимо, чтобы в сознании вызрели собственные мысли, собственное отношение к тем или иным сведениям. Только тогда отвлечённая информация становится живым и действенным знанием, а человек получает

право называться самостоятельной личностью. Книга воспитывает и учит индивидуально, лично, неторопливо, в соответствии с внутренним темпом жизни каждой человеческой души.

Что происходит, когда знания подменяются информацией, да ещё и в непомерно большом количестве? В первую очередь, атрофируются, огрубляются эмоции – они просто не успевают вызреть в душе. Дальше – больше: теряется непосредственный контакт с миром реальности, и всё больше отдаётся предпочтение миру виртуальному, не объективному знанию, а предрассудкам. Вместо самостоятельных, выстраданных мыслей, личных убеждений, дающих уверенность и устойчивость, в сознании появляется зыбкое множество разрозненных фактов, которые могут толковаться диаметрально противоположно и бесконечно вариативно. Разрушается ценностный ряд, определяющий жизненную стратегию человека. Общество превращается в аморфную массу, не объединённую ни общим пониманием проблем и перспектив, ни согласованностью действий, и его ожидает неизбежный хаос.

А ведь ещё недавно книга была универсальным спутником многих и многих людей – предметом общего обсуждения и личным собеседником. Книжки жадно «глotalи» или медленно перечитывали, носили в сумке или с гордостью ставили на полку личной библиотеки. Истрёпанные издания карманного формата и роскошные иллюстрированные фолианты были полноправными обитателями книжной вселенной. В каждом городе дружески сосуществовали два главных привилегированных мира страны – «Детский мир» и «Книжный мир». Сегодня нас окружают иные миры – «Мир дверей», «Мир обуви», «Мир косметики», «Мир шин», «Мир шкафов»... Они множатся – и в них безнадежно теряется человек.

Увлечённое освоение новых возможностей неизбежно уводит внимание от главного – от смысла. Средства становятся

целью, а цель постепенно забывается и исчезает. Технологическая и потребительская гонка за новинками оставляет в стороне главный вопрос: зачем? Какой процент возможностей нового гаджета человек способен использовать продуктивно, имея в виду, что все остальные технические чудеса просто крадут у нас бесценное время жизни и саму возможность развития? Эта вопиющая несоразмерность психических и технологических возможностей больше всего бьёт по молодым людям. И если мы хотим, чтобы они были самостоятельно думающими и адекватно действующими, нужно сделать всё, чтобы чтение книг стало для них насущной потребностью.

Резкое увеличение количества информации неизбежно ведёт к её обесцениванию. Зачем запоминать, если в любой момент есть возможность «погуглить» прямо с телефона? Как разобраться, где значимое и главное, а где сиюминутное и засоряющее память и чувства? Смысловая иерархия рушится, классиками предсказуемо становятся Пелевин, Акунин и Донцова с Марининой. Спросом закономерно пользуются чернуха с клубничкой, особо изощрённые из них выдаются за симво-

лы времени и его героев. Но если послать мысль хоть немного вперёд, возникает ещё один вопрос: хотим ли мы, чтобы потомки составляли представление о нашей эпохе по этим «зияющим высотам» сюжета и стиля?

Впрочем, зачем задумываться, если всё относительно, зачем тянуться к высокому смыслу, если вокруг тьма удобных «низких истин»? Место вдумчивого читателя-собеседника уверенно занимает обыватель-потребитель, охочий до скандалов и катастроф, и только суперсовременный гаджет способен мобильно предоставлять информацию для его скудного скучающего ума... А вслед за этим объективно следует печальный вывод: нарастающему усложнению технологий парадоксально сопутствует примитивизация сознания. «Эпоха катастроф, – сокрушаются культурологи, – как и было предсказано...»

Конечно, книгу нельзя назвать панацеей от всех бед и проблем. Не нужно преувеличивать её значение – но не стоит и приуменьшать. Книга может и должна стать тем «золотым звеном», за которое постепенно вытягивается вся долгая цепочка печальных причин и следствий: падение культуры, экономический кризис, растущее социальное напряжение... Ведь никуда не делся богатейший мобилизационный опыт культурного строительства в России XX века, и даже за прошедшие двадцать с лишним лет не разрушилась, а в основном полностью сохранилась в нашей литературоцентричной стране вся иерархия книжной культуры.

У нас по-прежнему есть писатели – «нераскрученные», как теперь говорят, но честно осмысливающие непростое время, пишущие «в стол» или издающиеся за свой счёт ничтожно малыми тиражами. Их имена не мелькают в новостных хрониках и светских скандалах, но вдумчивому читателю всё-таки известны. Есть журналы, так или иначе стремящиеся отражать текущий литературный процесс, – хотя тиражи их ничтожно

малы, и многие из них не попадают даже в библиотеки. Есть книжные издательства, в жёстких тисках рынка вынужденные делать почти неизбежный выбор в пользу сугубо коммерческих изданий. Есть книготорговые сети и библиотеки, отчаянно пытающиеся «достучаться» до читателя. Есть, наконец, и сам читатель – читать не разучились, слава Богу. Но читатель дезориентирован – ему в разных упаковках подаётся одна и та же обойма «распиаренных» и чаще всего псевдолитературных имён, и он недоумевает: или и правда он ничего в литературе не понимает, или что-то в этой жизни пошло не так...

В нашей книжной культуре опасно долго остаются разрушенными вертикальные связи: между писателями и издательствами, между издательствами и книжным рынком, библиотеками, между предложением и спросом на книгу. То есть разрушена инфраструктура. А главное – книга перестала быть символом, если хотите – модой, знаком успеха. На символическом «пьедестале» её заместили вещи – автомобили, коттеджи, гаджеты, шубы... Атрибутика «красивой» жизни вытеснила атрибутику жизни осмысленной, творческой, устремлённой в будущее.

Откройте любой роскошно изданный «глянцевый» журнал. Сплошные «волшебные» картинки – платья и костюмы, часы, чудодейственные крема, модные аксессуары, интерьеры – и чуть-чуть собственно журнального текста: гламурная история любви, неременная история успеха, решение самой насущной проблемы – как похудеть, простенькие советы психолога, и пр. Этакое увлекательное путешествие из мира дверей в мир шкафов через миры косметики и шин. Жизнь упростилась до невозможного – в каком пространстве существуют эти люди? Что их волнует? В какой стране они живут? Есть ли у них история, память, будущее? Есть ли вообще жизнь вокруг? Это не просто глянец – это модель идеального пот-

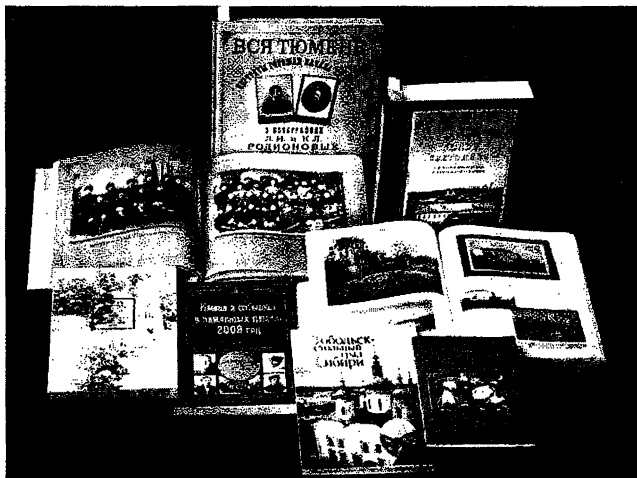
ребительского сознания. И сегодня она активно противопоставляет себя книге – с приключениями и душевными метаниями, гибельными страстями и благородными порывами, мучительными поисками истины и обретением нравственных опор в решениях трагических коллизий...

Что же нужно, чтобы сохранивший свои ряды книжный мир снова обрёл полную силу? В первую очередь, ясное

государственное понимание перспективы развития: если технологии становятся сложнее, а человек примитивнее – это прямой и короткий путь в перманентно нарастающую катастрофу. Но если эти же современные технологии будут в полной мере служить развитию личности, они могут сделать многое. Нужна государственная воля, которая заново соединила бы все «этажи» книжного мира. В конце концов нужно, чтобы о книге вновь заговорили руководители, знаковые личности, чтобы она появилась как атрибут интеллекта и символ успеха на фотографиях и рекламных плакатах. Любовь к книге должна быть очевидной!

Технологически обеспечивая широкий доступ к знаниям, необходимо сохранять высокий статус первоисточника, подлинника – бумажной книги, иначе литературный статус спокойно обретает любая текстулька – даже пасквиль на коллегу, размещённый в ЖЖ (что сегодня, собственно, и происходит, многие блогеры спокойно называют себя писателями). Бумажная книга – это коллективный труд множества

людей, помимо содержания она имеет неповторимый облик, созданный художниками и дизайнерами, это ряд вариантов оформления (от практичного карманного до изысканно-коллекционного), это начальный повод для общения с книжным продавцом, библиотекарем, затем – с друзьями и близкими по духу... И потому ценность обладания книгой-первоисточником должна быть приоритетной, а электронные варианты – лишь одним из способов тиражирования, облегчающим доступ к тексту, как, например, карманный формат книг.

Необходим государственный заказ на издание достойной современной литературы и проверенной временем классики. Сегодня литературное сообщество разработало целую систему премий, которые так или иначе помогают сориентироваться в рукописных и журнальных новинках, выбрать достойное массовое издание. Во многих областях есть издательские комиссии и выделяются гранты на книгоиздание, но чтобы вернуть статус самой читающей страны, этого явно недостаточно: тиражи мизерны и практически не выходят за пределы региона.

Мало книгу издать — она должна дойти до читателя. Сегодня упразднены бибколлекторы, разрушена централизованная система комплектования библиотек книжными новинками. Местные авторы и издатели так или иначе благотворительно передают книги в родные библиотеки — хотя далеко не все. Центральные издательства тоже имеют шанс определить свои издания в региональные книгохранилища, но книжный обмен между регионами большой страны стал почти непреодолимой проблемой.

И в книжной торговле неблагоприятно: система небольших уютных магазинчиков в почти шаговой доступности сменилась системой книжных супермаркетов, в лабиринтах которых хорошо, может быть, искать литературу учебную и справочную, а вот художественную — увы... И полки её съежируются год от года, а ведь именно литература, по меткому выражению одного из классиков, «самая точная наука о жизни»! Здесь опять нарушается соразмерность человеческого восприятия и возможностей. Во-первых, за книгой в большой магазин надо ехать специально, целенаправленно. Во-вторых, там продаются преимущественно столичные издания — местные, малотиражные, безнадежно не рентабельны. В-третьих, затерявшись в книжных лабиринтах, далеко не всегда удаётся получить помощь и совет от продавца в выборе книги — в супермаркетах свои правила покупки... Интернет-магазины, уделяющие больше внимания каждому изданию, несколько выигрывают, но их «выигрыш» на фоне общего падения интереса к книге, увы, незначителен.

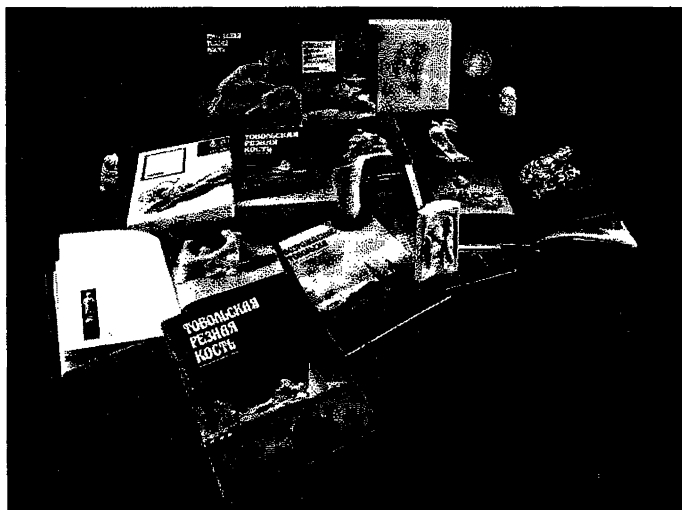
Ну и, наконец, читатель, перед которым крутится один и тот же хоровод распиаренных имён, дезориентирован полностью, и всё чаще предпочитает телевизор — там ведь почти на каждой кнопке по сериалу. Хотя в молодёжной среде уже давно гуляет слоган: «Тот, кто читает книги, всегда будет

править теми, кто смотрит телевизор». И в общественный транспорт возвращается привычный персонаж – читатель, хотя преимущественно с электронной книжкой, а не с бумажной...

Вся эта книжная проблематика с каждым годом становится всё острее, ведь культура накапливает свой запас и свою высоту медленно, а обрушивается почти мгновенно. И писатели, и книгоиздатели, и книжные торговцы, и библиотекари, и самые стойкие и активные из читателей – выход из создавшейся ситуации ищут все. И в ожидании государственной воли, «идеологической моды» на «учебники жизни» делают всё возможное и невозможное, чтобы сохранить культурную высоту.

Книгоиздательский опыт общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» – это пример верного служения книге, которое продолжается более 20 лет. Фонд избрал непростой, уникальный путь: каждая из его книг – тот самый «первоисточнику», о котором мы уже упоминали. Это произведение искусства, коллективный труд профессиональных авторов, ярких дизайнеров, опытных редакторов и блестящих полиграфистов. Не случайно известный русский поэт Юрий Перминов, главный редактор альманаха «Тобольск и вся Сибирь» и ряда других издательских проектов Фонда, уподобляет общение с бумажной книгой живой встрече с другом, а электронный вариант издания – интернет-письму, когда вполне можно быстро передать или получить нужную информацию, но невозможно ощутить чувства, настроение, душевное тепло, эмоциональную энергию.

Направления издательской политики Фонда разнообразны. Но главный акцент делается именно на качество издания: каждую книгу можно смело причислить к коллекционным. В таком статусе они и передаются в главные библиотеки Сибири, московские книгохранилища, вузовские библиотечные

центры. Выпуски альманаха «Тобольск и вся Сибирь» рассказывают не только о крупнейших сибирских городах, их истории и культуре, но и о тех небольших поселениях, славная история которых до сих пор обидно оставалась в тени, о роли сибиряков в переломных событиях Отечества. Эти уникальные мини-энциклопедии собирают и хранят культурные сведения для возрождения, восхождения русской культуры, о необходимости которого сегодня уже в полный голос говорят все.

Библиотека альманаха «Тобольск и вся Сибирь», главным редактором которой является В. Гуминский, доктор филологических наук, ведущий специалист ИМЛИ РАН, представляет и поэтический двухтомник «Слово о матери», объединивший вокруг святой темы материнства целую плеяду сибирских поэтов, и объёмные тома сочинений сибирских писателей – С. Маркова, Е. Милькеева, В. Распутина, В. Арсеньева, С. Заплавного, А. Сорокина, Б. Василевского, который много писал о людях Сибири и Севера. . . В лучших издательских традициях создатели серии возводят бумажную книгу на достойную

высоту. Каждый том — целое культурное событие, и очень важно, чтобы серия продолжалась, ведь литературная сокровищница Сибири неиссякаема.

Четыре альбома серии «Сибирский художественный музей» представляют самые разные грани художественной культуры Сибири — живопись, книжную графику, скульптуру... У этих книг необычный дизайн, его невозможно передать в электронном отображении, у него свой внутренний ритм, своё художественное пространство. Серия начата недавно, и верится, что у неё впереди много открытий.

Но к числу, пожалуй, самых уникальных, штучных изданий относятся в точности, до нюансов воспроизведённая с оригинала «Хорографическая книга Сибири» и издание «Возвращение Тобольска» — книга, созданная признанным современным классиком В. Распутиным и замечательным художником-графиком Н. Казимовой к юбилею города.

Альбомы «Тобольское серебро», «Солонки» (коллекция Д. Мизгулина), поэтический «Солнечный скворечник» Юрия

Перминова, путевые заметки и фотоальбомы создателя и бес-
сменного руководителя Фонда Аркадия Елфимова являются
коллекционными изданиями высокой книжной культуры. Это
видно в каждой детали, начиная с мягкого блеска бумаги до
художественного образа каждой страницы. А те, кто не имеет
возможности держать эти книги в руках, могут познакомиться
с ними на сайте «Возрождение Тобольска»: электронные вари-
анты изданий Фонд активно использует для пропаганды своих
книг, для возможности широкого массового доступа к ним.

Книжная коллекция изданий Фонда – своеобразный отчет
к двадцатилетнему юбилею – убеждает нас, что искусство кни-
ги – коллективное искусство, и оба слова в этом сочетании –
главные. Решать проблему возвращения статуса самой
читающей страны – это значит решать проблему возрождения
самой страны, её осмысленного движения в достойное
будущее. Книга не только хранит знания, она их щедро отдаёт,
она освещает настоящее и проектирует будущее, она, по
выражению Д. Мамина-Сибиряка, даёт возможность вместить
в свою единственную жизнь тысячи других. А значит, стать
богаче и мудрее на эти тысячи жизней, освоить – сделать свои-
ми – исторический опыт, духовный поиск, обретение
прекрасного.

***В качестве иллюстраций использованы фотографии книг,
изданных региональным благотворительным фондом
“Возрождение Тобольска”.***

Хромолитографические картинки из библиотеки князей Голицыных

Надежда Дозорова (г. Москва)

«Всякий знает, конечно, насекомых, так как видел бесчисленное множество их: всякому летом, конечно, встречались повсюду, то милостивые, роскошно окрашенные бабочки, эти сильфиды, весело порхающие с цветка на цветок, то “Большого света жесткие особы – божики коровки”, то “Муравей со шнуровкой под жилетом модным”, то “таракашек смуглый, как медовый пряник, и как булка круглый” или “Жук навозный, начинив утробу всякой дрянью, смуглый, толстый и рогатый” или “Бабочки ночные в сереньких бурнусах, в белых пелеринках и в гранатных бусах”, иль “сверчок нахальный, что скрипит у печек...” (из стихов Я.П. Полонского)», – так начинается вступительная статья «Превращение или метаморфоз насекомых» О.А. Гримма из учебного пособия по зоологии конца XIX века¹. Издание под общим названием «Рельефные картинки животных Гагельберга» с увлекательными текстами и цветными хромолитографиями может привлечь, как взрослого, так и ребёнка.

В Государственный музей-усадьбу «Архангельское» «Рельефные картинки...» попали в начале XX века в составе, так называемой «Голицынской библиотеки». В настоящее время в Отделе редких книг музея находится 858 единиц хранения из этой библиотеки. Ранее они размещались в соседнем имении Никольское-Урюпино, в котором после революции был создан Музей дворянского быта. Согласно документам второй половины 1920-х годов книжное собрание Голицыных в Никольском-Урюпине насчитывало 4912 единиц, но ещё в

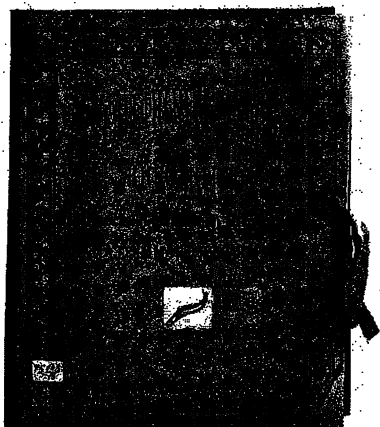
1923 году некоторое количество книг и рукописей было вывезено в Румянцевскую библиотеку². В 1929 году часть книг передали в музей-усадьбу «Архангельское», где они и находятся до сих пор³.

Возвращение голицынских книг в Архангельское — далеко не случайное стечение обстоятельств. Михайловская ветвь рода Голицыных владела этой подмосковной усадьбой в трёх поколениях с 1703 по 1810 год. Сложно сказать определённо, кем из Голицыных и когда были приобретены «Рельефные картинки...». В архиве музея хранится рукописный «Алфавитный каталог Никольской библиотеки»⁴, датируемый приблизительно 1900-ми годами. Однако интересующее нас название сюда не включено. Возможно, эту «зоологическую энциклопедию», больше походившую на игру, не посчитали нужным записать в книжный каталог. Не исключено, что пособие могло попасть в Никольское-Урюпино из других усадеб при формировании Музея дворянского быта.

«Рельефные картинки животных Гательберга» выделяются своей «элегантной оправой». На трёх картонных папках синего цвета, служащих футлярами, вытиснены золотом декоративные рамки по периметру обеих крышек, причём, на верхних крышках указаны название, автор и выходные данные. В центре верхней крышки каждой папки приклеена цветная хромолитографическая картинка, изображающая одного из представителей тех видов животных, которым посвящена отдельная папка. Сбоку, на правой стороне каждой папки имеются ленточки-завязки. Внутри папок находятся листы с печатными текстами, являющимися пояснениями к картинкам, которые расположены рядом на листах с названием «Таблицы».

«Таблицы» содержат карточки — цветные хромолитографии размером с почтовую марку (2,6 x 3,0 см не более 12 на одной странице). В каждую папку помещены изображения

определённых видов животных. Часть 1: «Пресмыкающиеся. Земноводные. Рыбы»⁵ – 213 картинок. Часть 2: «Насекомые, ракообразные, черви и моллюски»⁶ – 320 картинок. Часть 3: «Млекопитающие»⁷ – 151 картинка. Разрезанные хромолитографические карточки, напоминающие плотный с выступающим рельефом картон, приклеивались собственноручно владельцем на специально предназначенное место в «Таблицах». Название каждого животного напечатано на русском языке и латыни. Некоторые карточки, по всей вероятности, были утеряны ещё на начальном этапе, так как даже следов клея от них не осталось. Сохранившиеся в Архангельском папки представляют разные издания. Часть 1 – на титульном листе не имеет обозначения, а на папке указано, что это 3-е издание. В Части 2 - ни на титульном листе, ни на папке не отмечено, какое именно это издание, вероятнее всего, что первое. В Части 3 – зафиксировано и на титульном листе, и на папке, что это 3-е издание. На всех титульных листах напечатаны одни и те же выходные данные: Совместное издание «Торгово-

Вид папки-футляра

го дома Н. Фену и К^о) и «С.-Петербургской мастерской учебных пособий и игр», в 1 и 2 Частях год выпуска – 1880, в Части 3 – 1882. В нижнем поле некоторых листов с текстами из этих папок под чертой, к примеру, указано: «Дозв. Ценз. Спб. 10 сентября 1879». Даты меняются – число, месяц, год: «Часть 1 – 29, 30 августа, 10, 28, 29 сентября, 2, 4 октября; Часть 2 – 4, 8, 18, 20, 28 октября 1879 года; Часть 3 –

21,26, 29, 31 мая, 3, 5, 8 июня 1882 года». Листы с текстом и картинками идут параллельно, общего переплёта нет, пагинация отсутствует. Порядок расположения обнаруживается по нумерации картинок внутри каждой таблицы, где кроме номера есть подписи с названием на русском языке и латыни, сами таблицы также следуют в порядке возрастания номеров. Неоднократно в нижней части листов с текстами под чертой обозначено место, где всё это печаталось: «Тип. Р. Голике, Невский, № 106», т.е. в одной из типографий издательской династии «обрусевших» немцев Голике. Ещё в 1852 году бывший наборщик Роман Богданович Голике стал владельцем сначала одной, а позднее и трёх других типографий. Его сын Роман продолжил дело отца, а в 1884 году открыл первую школу печатного дела при Русском техническом обществе, принимал участие в создании русского общества деятелей печатного дела и проведении I-го Всероссийского съезда этого общества.

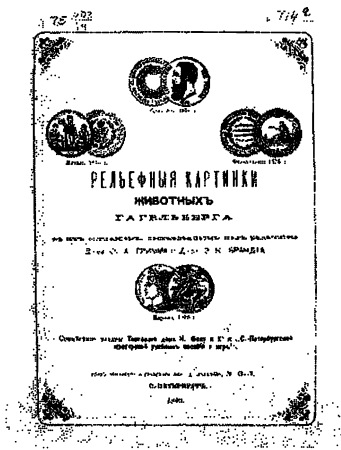
Хромофотография – способ воспроизведения многоцветных изображений, при котором каждый оттенок краски печатается отдельно с нескольких камней или цинковых пластин, изготовленных вручную. Объединение типографий и литографии Романа Романовича Голике с цинкографией и хромофотографией Артура Ивановича Вильборга произошло в 1902 году, но, видимо, уже в 1880-е годы между ними были налажены деловые отношения. Картинки издания, принадлежащего ранее семье Голицыных, идеально сохранили яркость красок. Помимо общего пояснительного текста на определённую тему, например, про «Насекомых» или «Рыб», каждая картинка сопровождается кратким описанием того, кто на ней изображён. Например, СВЕТЛЯК или ИВАНОВ ЧЕРВЯЧОК, *Lampyrus Splendidula* (Табл. 65, рис.12): «Это насекомое замечательно своей способностью светиться, издавать сильный, зеленоватый

свет, в особенности яркий у самки. Самка без крыльев и потому не летает, а ползает в траве. Встречается в Европе с Иванава дня до сентября». Тексты, отредактированные известными профессорами Санктпетербургского университета О.А. Гриммом и Э.К. Брандом, чередуются, они пишут о разных видах насекомых, пресмыкающихся, рыб, млекопитающих. Научные сведения изложены просто и увлекательно. БУРЫЙ МЕДВЕДЬ, *Ursus arctos*. (Табл. 5, рис. 1): «Кто не знает нашего Михайла Иваныча с его Марьей Ивановной, кто не читал как – «Сам Топтыгин генерал едет на бsrлогу», кто не слышал про него всякие были и небылицы? Ведь это наш северяк, наш землячек; его именем и нас самих называют. В Западной Европе он почти совершенно истреблен. . . ». Даются сведения о массе тела этих животных, качестве меха, о повадках и любимой пище – это мёд, овёс, мясо. «На человека нападают редко, но сами храбро защищаются, и беда охотнику, если он оплошает, – Михайло Иваныч задаст ему такую увесистую зуботычину своей тяжелой лапой или так крепко примет в свои объятия, что охотнику трудно будет остаться в живых». Далее говорится о других хищниках – медведе сером; медведе белом, медведе чёрном или барибале, медведе тибетском или куму, медведе-губаче. Все пояснения разные по объёму: от нескольких строчек до целой страницы. Как правило, тексты характеризуют внешний вид, поведение и те или иные особенности животного, встречаются и занимательные подробности. В описании ПОВИТУШКИ ИЛИ ЖАБЫ АКУШЕРА, *Alytes obtetricans*. (Табл. 51, рис. 8) Э.К. Брандт сообщает: «Не обращала на себя особенного внимания до тех пор, пока в конце прошлого столетия один французский естествоиспытатель Демур не заметил её весьма странного размножения, которое происходит следующим образом: самка кладёт нить яиц, покрытую толстою оболочкою, которая постепенно

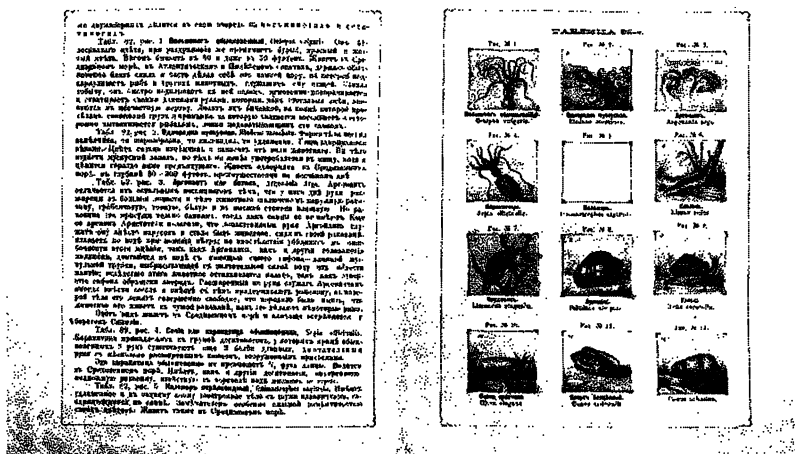
превращается в массу, похожую на каучук. Самец наматывает эту нить себе на ноги в виде цифры 8; затем он прячется под влажный ил и сидит там целые недели без пищи, чтобы дать созреть яйцам. Повитуха распространена во всей южной Европе. Длина её около 1 с половиной дюйма. Верхняя сторона серовато-бурая с тёмными пятнами, брюшко белое с мелкими черными точками».

Один из составителей текстов на русском языке, Эдуард Карлович Брандт (1839–1891), известный зоолог, автор более 50 научных работ. За сравнительные анатомические исследования нервной системы насекомых он был награжден Парижской Академией Наук премией Тора. Он же являлся редактором отдела биологических наук «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона. Другой автор – Оскар Андреевич Гримм (1845–1921), специалист по фауне Каспийского моря и рыбному хозяйству России, доктор зоологии Петербургского и доктор философии Геттингенского университетов.

Очевидно, что русские «Рельефные картинки животных...» переизданы с немецкого издания Вульфа Гагельберга (1825–1896)⁸. По каталогу «Немецких изданий 1700–1910 годов»⁹ удалось выявить «Зоологический атлас» Гагельберга, выпущенный в Берлине в 1878–1881 годах. В «Музее книги» РГБ имеется одна часть данного атласа, посвящённая моллюскам, с хромолитографированными картинками и подписями под ними на латыни и немецком языке, а также пояснениями на немецком языке. По оформлению текста и

Титульный лист пособия

Разворот листа с текстом и таблицами

таблиц с картинками немецкий «Зоологический атлас» очень похож на русское издание «Рельефных картинок», только элегантно упакован, а точнее – папка, у берлинской продукции отсутствует. Кроме того, в сохранившихся «Каталогах Торгового дома Н. Фену и К^о», рассматриваемое нами пособие также обозначено как «Атлас Гегельберга». В разделе «Образовательные игры и пособия для наглядных бесед» этого каталога напечатано: «Гегельберга (изд.), Зоологический атлас с русским текстом проф. О. Гримма и Ф. Брандта. 82 таблицы с 183-мя рельефными хромолитографированными изображениями животных. В тексте сделаны гнезда, в которые дети сами вклеивают картинки. Атлас делится на 4 части, переплет. в изящную папку»¹⁰ и далее перечислены четыре части. Три части идентичны тем, что приведены выше, а части с названием «Птицы» в музее-усадьбе «Архангельское», к сожалению, нет.

Любопытно отметить, что каждая часть, в зависимости от количества входивших в состав хромолитографий, стоила по-разному. Например, «Пресмыкающиеся» имели 210 картинок

и стоили 2 руб. 30 коп., «Млекопитающие» с 228-ю изображениями оценивались в 2 руб. 40 коп., «Птицы» включали 285 хромолитографий и их цена – 2 руб. 80 коп., а «Насекомые» – наиболее объёмная часть состояла из 360 изображений и за неё требовалось заплатить 3 руб. 40 коп. На 2 руб. 50 коп. на рубеже XIX–XX веков можно было купить 1 килограмм красной солёной икры, на 3 рубля – 1 килограмм шоколадных конфет, выходную рубаху или обер-офицерскую фуражку¹¹. «Торговый дом Н. Фену и К°» предлагал своим покупателям ещё и дополнительные услуги. Для всех желающих получить подарочное издание могли изготовить роскошный переплёт с золотым тиснением, только за каждый такой переплёт нужно было доплатить по 40 коп.

Фирма с маркой «Торговый дом Н. Фену и К°» образовалась в 1871 году по инициативе педагогического музея военно-учебных заведений. Она имела собственные мастерские и лаборатории и за короткое время смогла стать известной среди школ всех ведомств. Торговый дом «N. Fenoult et C°»¹² занимался розничной продажей книг, наглядных пособий, письменных, чертёжных и рисовальных принадлежностей, классной мебели и других предметов школьной обстановки, игр, музыкальных инструментов и нотных изданий, предметов военного обучения, а также принимал иногородние заказы и осуществлял их рассылку. «В магазине Фену и К° можно найти всё, что так или иначе относится до обучения и школьного воспитания, начиная с карандашей по 1 к., тетрадей по 2 к., и пр. и кончая дорогими физическими кабинетами. Но главная заслуга фирмы состоит не в том, что в нём можно всё найти, но что в нём нельзя не найти чего-нибудь, то есть в умении выставить образцы и расположить их систематически...»¹³. В 1882 году фирма получила Золотую медаль на Всероссийской Промышленно-Художественной выставке и помимо этого была

награждена 10 медалями на других русских и заграничных выставках.

«Рельефные картинки животных Гегельберга» тоже заслужили свои награды и медали. На титульном листе учебного пособия 1880 года показаны 4 медали, которыми было награждено, вероятно, одно из первых немецких изданий. Под каждой медалью указаны дата и место выставки, где получены награды: Митавы 1875 год, Брюссель и Филадельфия 1876 год, Париж 1878 год. Однако не только за границей пособие Гегельберга имело успех. Замечено было оно и в России. На титульном листе 4-го издания, напечатанном в Санкт-Петербурге в 1896 году, говорится про 14 наград, из них 12 медалей. На 5-м издании 1912 года уже указывается, что пособие получило 18 наград на выставках, из них 15 медалей. Причём, золотые медали были присуждены на II-м Съезде деятелей по техническому и профессиональному образованию в Москве и на Всероссийской Выставке в Нижнем Новгороде в один и тот же 1896 год.

Несмотря на значительную популярность в период своего появления и востребованных нескольких переизданий в последующие годы, «Рельефные картинки животных Гегельберга» после Октябрьской революции в России не печатались. Они не исчезли бесследно, а сохранились в музеях (издания 1896 и 1912 гг. есть в Биологическом музее им. Тимирязева), в некоторых библиотеках (в частности, 1, 3, 4, 5 издания в РГБ), в личных собраниях коллекционеров (судя по аукционным каталогам, выставляемым в интернете). Однако их все можно перечислить «по пальцам». В учебниках по книговедению сведений про «Рельефные картинки...» не обнаружено, нет упоминаний про них в специальных указателях: «Книга в России 1881–1895 гг.»¹⁴ и «Книга в России 1895–1917 гг.»¹⁵. «Рельефные картинки...» не нашли отражения и в «Детском оракуле», недавно опубликованном, объёмном труде «исследователя

русского детства», культуролога и историка Марины Костюхиной¹⁶. В составленном ею алфавитном указателе настольных игр упоминается лишь «Зоологическое лото с 180 хромолитографированными картинками, содержащими в себе животных, млекопитающих, птиц, рыб, насекомых, пресмыкающихся и мягкотельных»¹⁷, выполненное в Москве А. Тарасенковой в 1893 г. на русском, французском, немецком и английском языках. На сегодняшний день «Рельефные картинки Гегельберга» имеют большую ценность и как учебник по зоологии рубежа XIX–XX веков, и как образец хромолитографической технологии, практически не применяемой с начала XX века из-за своей дороговизны и сложности. Серьёзного внимания к себе заслуживает каждое сохранившееся пособие.

«Рельефные картинки животных Гегельберга» поступили в музей-усадьбу «Архангельское» не в идеальном состоянии, что вполне объяснимо, по ним изучали зоологию их первые владельцы, пособиям пришлось перенести нелучшие условия перевозки, время стирало позолоту и прибавляло трещин. В 2007 году описываемые издания попали в руки реставраторов. Листы были очищены от загрязнений, промыты и отпрессованы, восстановлены утраченные фрагменты картона папок, добавлены стёршиеся кусочки ленточек у завязок. Сейчас сами папки и их содержимое снова могут не только «восхищать глаз», но и служить хорошим примером изложения научного материала прекрасным литературным языком.

Рис. № 8.

Повитушна или жаба ану-шерь.
Alytes obstetricans.

Отдельная хромолитографическая картинка

Благодаря этому, практически всякий может «...дать себе отчёт в том, что он видит ежедневно...» и понять, что мельчайшие насекомые «несколько сот тысяч видов имеют большое значение и в природе вообще, и для человека, и представляют весьма интересные особенности не только в своём строении, но и в образе жизни»¹⁸.

Примечания

¹ Рельефные картинки животных Гегельберга с их описанием, составленным под редакцией Д-ра О.А. Гримма и Д-ра Э.К. Брандта. Совместное издание «Торгового дома Н. Фену и К^о» и «С.-Петербургской мастерской учебных пособий и игр». – С.Петербург, 1880–1882. // Сектор редких книг ГМУ «Архангельское», инв. №№ РК – 15382–15384.

² Страмнова Е.В. История музея в Никольском-Урюпине. // Красногорье. Историко-краеведческий альманах. – Красногорск, 1997, № 1. – С. 58

³ Соколова Е.В. Художественное собрание в усадьбе кн. Голицыных Никольское-Урюпинно. // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Материалы IV Голицынских чтений 18–19 января 1997 г. – Малоярославец, 1997. – С. 111.

⁴ Алфавитный каталог Никольской библиотеки. // Архив ГМУ «Архангельское», Ф.2 (Голицыны). Оп.1. Ед. хр. 392.

⁵ См. ссылаку 1 – инв.№ РК – 15383.

⁶ См. ссылаку 1 – инв.№ РК – 15382.

⁷ См. ссылаку 1 – инв.№ РК – 15384.

⁸ Deutscher Biographischer index (German Biographical index 2-nd cumulated and enlarged edition). – Munchen, 1998. – Т.3, с. 1264. [Hagelberg Wolf – (1825-1896)]

⁹ Gesamtverzeichnis des deutschsprachigen Schrifttums (GV) 1700-1910. – Munchen, New York, London, Paris, 1982. – Т. 53, с. 195. [Hagelberg' s V. Zoologifcher Hand-Atlas. – Berlin, 1878–1881]

¹⁰ Каталог Торгового дома Н. Фену и К^о. Комиссионеров министерства народного просвещения, военно-учебных заведений, учреждений императрицы Марии, педагогического музея и императорского русского технического общества. Ч.1.– СПб, Невский пр., д. Армянской церкви, 1884. – С.6, № 107.

¹¹ <http://www.talers.ru/index.php..?itemid=108>

¹² См. ссылку 10, часть 3: Систематический каталог. На титульном листе имеется фоторепродукция фасада здания магазина.

¹³ Всемирная иллюстрация. 1879 Том 21, № 535, С. 299. // Сектор редких книг ГМУ «Архангельское», Инв. № РК -16525. Есть фоторепродукции с изображением всех отделов магазина.

¹⁴ Книга в России, 1881–1895. / Под общей редакцией кандидата исторических наук И.И. Фроловой. – СПб, 1997.

¹⁵ Книга в России, 1895–1817. / Под общей редакцией кандидата исторических наук И.И. Фроловой. – СПб, 2008.

¹⁶ Костюхина М. Детский оракул. По страницам настольно-печатных игр. – М., 2013.

¹⁷ См. ссылку 16, С. 590.

¹⁸ См. ссылку 1, инв. № РК – 15382.

Демонстрируемое пособие “Рельефные картинки животных Гагельберга” публикуется впервые, находится в собрании Государственного музея-усадьбы “Архангельское”. Иллюстрации выполнены фотографом Б.Н. Кондраковым.

РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Чёрно-белые контрасты Владимира Кудряшова (из архива ВОК–МСК)

Владимир Марьин (Лаатцен, Германия)

Всегда радуюсь письмам из Сибири. Особенно, когда восстанавливаются старые добрые связи, утраченные по причине моего отъезда за пределы России. Вот и письмо из Омска от писателя Александра Лейфера, с которым нас четверть века назад связывали общие интересы, полученное в апреле 2003 года, было для меня приятно вдвойне, так как в нём передавались приветы от близко знакомых людей, в том числе, и от бывшего томича, художника-графика Владимира Кудряшова. И я тогда послал, ему свой привет и просил передать, что было бы хорошо возобновить с ним утерянную связь, хотя бы и эпистолярную. Через несколько месяцев получаю с оказией из Омска литературную газету “Складчина”, редактируемую Александром Лейфером, и узнаю из неё горькую весть о том, что Владимира Кудряшова не стало: “25 ноября он пришёл в Союз художников на общее собрание и, не доходя до зала, где оно шло, почувствовал себя плохо и тут же скончался на руках пытавшихся ему помочь товарищей».

В статье “Гамбургский счёт Владимира Кудряшова”, опубликованной в этом номере “Складчины”, Александр Лейфер

Худ. В.К. Кудряшов

светло и проникновенно рассказывает о своём друге, с которым тесно общался в течение двадцати с лишним лет, начиная с 80-х годов, когда Владимир из Томска переселился на жительство в Омск.

Моё знакомство с художником Кудряшовым ведёт отсчёт с 1967 года. Именно в этом году оба мы, молодые и “необкатанные” графики, приехали из разных городов в Томск и прописались в этом славном сибирском городе на долгие годы. Я работал художником и по совместительству заведующим отделом иллюстраций в областной газете «Красное знамя», а Кудряшов художником-оформителем в мастерских Томского отделения художественного фонда. Но ещё до первой нашей встречи довелось мне лицезреть в квартире журналистки Марины Лерхе-Смирновой одно из кудряшовских произведений. У Марины частенько по вечераам собиралась творческая молодёжь, чтобы пообщаться в непринуждённой обстановке под стакан вина и немудрёную закуску. Все стены марининой квартиры были исписаны автографами многочисленных гостей: рисунки, стихотворные экспромты, мудрые и не очень изречения. И все эти граффити были нанесены прямо по выбеленной штукатурке — каждый гость оригинальничал, как ему вздумается. Вот однажды и показала мне на кухонной стене (на других стенах в комнатах места уже не было) свежую “фреску”, напоминающую, по сюжету “Тайную вечерю” Леонардо да Винчи.

— Был на днях художник Володя Кудряшов, — рассказывала хозяйка, — предложили и ему оставить свой след на стене. А он как-то больно уж серьёзно подошёл к этому делу, и пока остальная богема бражничала на кухне и вела разговоры “за святое искусство”, он, вооружившись кистями и гуашью, несколько часов кряду расписывал стену. Всех, в застолье участвующих, изобразил. А сам даже к предложенной рюмке не прикоснулся: “В нетрезвом виде, — говорит, — не работаю”.

Через какое-то время Марфина поменяла своё место жительства и очень сожалела, что не смогла перенести в новую квартиру это кудряшовское произведение.

Познакомился же я с Кудряшовым на одной из городских художественных выставок, в которой мы оба участвовали. В экспозиции были представлены его линогравюры с морскими сюжетами – отголоски его недавней службы на Тихоокеанском флоте. Но одна из гравюр под названием “Интернационал” как-то выделялась из общего экспозиционного

В мастерской
Линогравюра, 1971 г.

ряда: крупным планом – аскетические лица, насквозь прожигающие зрителя глаза, раззявленные рты. Словом, “Вставай, проклятьем заклеймённый...” Больше эту экспрессивную гравюру мне видеть не довелось, но она чётко врезалась в зрительную память и сейчас ещё стоит перед моими глазами.

Я был представлен на выставке книжной графикой и экслибрисами. Владимир с интересом рассматривал мои миниатюры, интересовался тонкостями технического характера. Узнав в разговоре, что в моём собрании есть книжные знаки известных русских мастеров, спросил, имеются ли у меня работы Фаворского. Получив утвердительный ответ, сказал:

– Приглашай в гости. Очень хочу посмотреть графику малых форм этого мудрого мастера.

А через два-три дня у меня дома я знакомил Кудряшова с экслибрисами Фаворского, его учеников и последователей:

Гончарова, Пикова, Голицына, Чураковой, Шилкина. Рассматривал мой гость эти миниатюры самым внимательнейшим образом, вернее, не рассматривал, а изучал. Лупу попросил и линейку и стал высчитывать, сколько эти мастера резцовых линий на один миллиметр кладут. Изучая одну гравюру за другой, время от времени не мог удержаться от восторженных восклицаний:

– Вот это школа! Virtuозы резца! Нам у них учиться и учиться, постигать и всё чаще разочаровываться в своих ученических потугах...

Потом, рассматривал, мои гравировальные инструменты, миниатюрный печатный станок, делал какие-то чертёжники в своём блокноте:

– Надо себя попробовать в этом жанре. Непросто будет с большеформатных гравюр переключиться на миниатюры, но попытаюсь. Эклибрис, как я понял, дисциплинирует глаз и руку графика, приучает его к предельной лаконичности и в то же время к ёмкости сюжета. Опять же и шрифтовое хозяйство постигать необходимо.

Вскоре Владимир получил квартиру в четвёртом микрорайоне на улице Мичурина, буквально рядом с моим домом. Встречи наши стали более частыми. Общаться с ним было как-то легко и приятно – интересный собеседник и рассказчик, (умел не только рассказывать, но и слушать) добрый товарищ, всегда готовый помочь в нужную минуту. Позвонит, бывало, в редакцию или домой забежит:

– В Худфонд из Москвы новые материалы поступили, есть хорошая немецкая бумага для печати, а главное – прислали один–единственный набор экспериментальных штихелей Подольской фабрики, отличная сталь. Я их для тебя выцыганил, а то ты какими-то самоделками пластик терзаешь. Завтра с утра зайди, а то уведут ушлые ребята.

– А тебе что, инструменты не нужны?

– От таких и я не отказался бы. Да всё равно скоро в Москву еду, вот там и раздобуду.

Часто на несколько недель он исчезал из города: то на север области, куда-нибудь в Вертикос или Стрежевой, то на творческие дачи “Сенеж” или “Челюскинская”. Помню, как-то привёз из Вертикоса серию этюдов маслом, и я впервые увидел живописные работы, отличающиеся каким-то своеобразным и оригинальным колоритом. Потом попробовал себя в литографии и тоже добился в этой технике значительных успехов.

Из своих северных поездок всегда возвращался с объёмистым рюкзаком, наполненным дарами сибирской природы: кедровые шишки, грибы, вяленые и копчёные обские чебаки, связки каких-то кореньев и пучки черемши, которую сибиряки колбой называют. Что-то развешивал для просушки по стенам своей кухни, из чего-то сооружал экзотические натюрморты, предупреждая гостей:

– Это не для съедения, а для работы. Чем закусить? Там у меня в холодильнике стерлядочка мороженая есть, будем чушь по-остяцки делать – царская закуска.

А потом несколько недель запоем работал – резал на линолеуме эти самые натюрморты, пейзажи тех мест, где побывал недавно, портреты жителей севера. Затворником не был, гости всё равно появлялись на пороге его дома, но не гнал их:

– Вы, ребята, на кухне располагайтесь, найдёте там всё, что нужно, а меня увольте – работать надо.

Не обижались гости, знали – сейчас Кудряшова от линолеумной доски да от резцов ничем не оторвёшь – муза, знать, посетила.

Когда всё задуманное и выношенное воплощалось в чёрно-белых гравюрах, появлялся Владимир с большой папкой работ в моём редакционном кабинете:

– Вот, принёс свои картинки. Смотри, вникай, критикуй. А что понравится, можешь взять для публикации.

И я смотрел, вникал, радовался и восхищался. А потом кудряшовские гравюры находили своё место на страницах газеты и с ними уже знакомились все жители Томской области, а кто-то из них узнавал уголки своих родных мест, своих земляков, живущих рядом – рыбаков, охотников, геологов и нефтяников. И снова поездки по необъятным сибирским просторам. «Вечный скиталец» – называли его друзья.

Может, потому и семейная жизнь его незадалась отчасти по той причине, что не сиделось ему дома, всё рвался куда-то...

Осенью 1975-го были приглашены мы с Владимиром на передачу томского телевидения, посвящённую есенинскому юбилею. Встретились в студии. Владимир принёс недавно награвированный портрет поэта, прихватил и линолеумную доску и резцы, чтобы показать телезрителям процесс работы над гравюрой, я – подборку книжных знаков, сделанных по есенинским мотивам. Выполнили мы свою миссию, познакомили телезрителей со своими работами, рассказали о технике исполнения и всё такое прочее. К концу передачи ведущий объявляет, что художник Владимир Кудряшов дарит три оттиска своего есенинского портрета победителям литературной викторины и что это будут уникальные оттиски, так как их автор пообещал печатную доску уничтожить. И Владимир на глазах у телезрителей разрезает доску на несколько частей, подтверждая этим, что дополнительный тираж исключается.

Идём после передачи домой, и я интересуюсь у него: «Чего это ты доску-то загубил? Не жалко своего кропотливого труда?» «Жалко, конечно, – честно признался Владимир, – вроде бы удачный портрет получился, но всего обиднее то, что и себе ни одного оттиска не оставил». Успокоил, я его где-то вычитанными примерами из творчества старых мастеров, которые

Линогравюра, 1976

якобы тоже иногда, сделав несколько хороших оттисков гравюры, уничтожали доски, чтобы потомки после их смерти не вздумали печатать с них плохие оттиски.

Через какое-то время приобщился Владимир и к работе над экслибрисами. Первый из них относится к 1976 году и награвирован для студентки Томского университета Ольги Поleshук. В сюжете знака

изображена девушка с венком на голове, держащая в руках макет своей альма-матер. Не с этой ли миниатюры начал художник работу над большим циклом гравюр, посвящённых томскому студенчеству? Работа эта, растянувшаяся на два с лишним года, стала этапной в его творчестве, принесла ему вполне заслуженный успех на выставках и звание лауреата Томского комсомола. Хорошо помню начальную гравюру из этого цикла. Зашли как-то с фотокорреспондентом нашей газеты Евгением Лисицыным к Кудряшову, видим – вроде бы не ко времени. На столе эскизы, готовые к работе резцы, линолеумная доска.

– Над чем работаешь?

– Начинаю новую серию «Томские студенты». А эта гравюра под названием «Еретики» будет открывать цикл. Самое сложное – это начать...

Глядим, на линолеуме проглядывает что-то такое жутковатое, вроде бы средневековая инквизиция поджаривает на кострах инакомыслящих.

– А при чём здесь студенты, да ещё и томские? – спрашиваем.

– Неучи! Придётся прочитать вам лекцию с экскурсом в Средневековье и рассказать о том тернистом пути, который во все времена претерпевала наука...

Ох, не надо бы нам было приходиться сегодня к Кудряшову.

– Знаете ли вы, други, что означает греческое слово “ереси”? Нет, это далеко не заблуждение и не чушь, как вы думаете. Ереси – это особое вероучение в раннем христианстве, с которым яростно боролась официальная церковь, а еретики, естественно, – это приверженцы ереси. А слышали ли вы, неучёные мужи, что-либо о таборитах, катарах и вальденсах? Не слышали. Ну о русских-то стригольниках вы надеюсь, слышали? И их не проходили? Глухая тундра, а не работники культурного фронта, итак, продолжаю...

Пришлось нам в конце концов согласиться, что без “Еретиков”, без этого вводного листа, серия действительно будет неполноценной.

Я несколько отвлекся от экслибрисов – возвращаюсь. Один из удачнейших книжных знаков Владимира Кудряшова, на мой взгляд – миниатюрка, награвированная для сибирского прозаика, жившего в Томске, Владимира Кольхалова, страстного охотника, рыбака и таёжника. В композиции знака на фоне раскрытой книги – задумавшийся человек у ночного костерка, над которым расстилается дымный полог, укутывающий верхушки деревьев. И верная собака, и котелок, должно быть, с подоспевшей ухой и даже связка вялящейся на дыму рыбы – что ещё надо для полного счастья настоящему бродягеромантику?

Где-то уже в 94-м, незадолго до моего отъезда в Германию, пригласил меня Владимир Кольхалов к себе в Академгородок, где он жил, отметить выход из печати его книги “Когти дьявола”, для которой я делал художественное оформление.

– Надо бы, – говорю, – Владимир Анисимович, тебе свой экслибрис завести, книг-то вон сколько в доме.

– Есть у меня, – отвечает, – великолепный экслибрис работы Володи Кудряшова, другого и не желал бы. Жаль только, что отгиски давно закончилась. Володю из виду потерял, а то заказал бы ему дополнительный тиражик. Может, возьмёшься перегравировать для меня этот сюжет?

– Только с разрешения здравствующего автора, Владимир Анисимович. А то меня в плагиате обвинить могут...

Ещё один экслибрис выполнен для художницы из Новосибирска Галины Курочкиной. Опять же раскрытая книга (неизменный атрибут кудряшовских экслибрисов, как знак любви и уважения к печатному слову) на фоне оконца с резными наличниками и рядом резец для гравирования. К теме самобытной деревянной архитектуры в своём творчестве Кудряшов обращался постоянно. Многие из его работ этого плана включены в альбомы “Травюры о старом сибирском городе” (1973) и “Старый Томск” (1979). Листы, составляющие эти альбомы – своего рода графическая поэма, воспевающая неповторимую красоту Томска, его памятники деревянного зодчества.

В Университетской роще Томска уже много десятилетий на одной из полянок стоит каменная баба, привезённая когда-то из экспедиции томскими учёными. Вот это самое изваяние древних кочевников и включил художник в сюжет одного из своих очередных знаков, сделанного по просьбе историков, супругов Новокрещённых. Правда, здесь автор нашёл необычное решение, посадив эту самую древнюю бабу на обыкновенную скамейку: то ли задумалась, то ли пригорюнилась, вспоминая минувшие столетия.

По моей просьбе Александр Лейфер, кстати, один из составителей каталога “Омский книжный знак” (1985), давно ставшего библиографической редкостью, прислал ксероко-

пию своей статьи “Книжные знаки Владимира Кудряшова”. Публикация эта из “Омской правды” двадцатилетней давности, но в ней воспроизводятся ещё два неизвестных экслибриса, относящиеся уже к тому времени, когда художник покинул Томск и обосновался в Омске. Один из знаков выполнен для библиотеки проректора Омского автомобильного института А. Горынина,

Линогравюра, 1971

другой – для сына Кости – неизменная раскрытая книга, птичье перо и стоящая среди полевых ромашек корзинка с грибами. Знак удачно закомпонован и мастерски награвирован – очень поэтический сюжет, вызывающий у каждого грибника радостно-щемящее чувство ожидания «третьей охоты».

Книжные знаки этого периода помечены весьма выразительной монограммой художника: заключённая в квадрат, а иногда в чёрный круг латинская буква “V”, в сечении представляющая из себя режущую часть штихеля, горизонтальная черта – гравированная плоскость, а всё вместе образует перевёрнутую “на спину” букву “K”. Помню, как доволен был Владимир, когда сочинил эту оригинальную и в то же время предельно лаконичную монограмму.

Вероятно, в активе Владимира Кудряшова были и другие экслибрисы. Я обратился к Александру Лейферу с просьбой: поинтересоваться у омских коллекционеров и книголюбов, нет ли у них ещё каких-либо книжных знаков, вышедших из-под резца их талантливого земляка. Жду – вдруг что-то отыщется.

В середине 70-х В. Кудряшов работал в Худфонде. Кажется, это было не по душе художнику, ставшему к тому времени мастером гравюры – много времени отнималось, а радости такое творчество не приносило – заурядная оформилровка, так называемая, наглядная агитация. Правда, за работу платили, а жить на что-то надо. Считалось почему-то, что гравюры делаются автором для его удовольствия...

Кстати, вспомнился один забавный эпизод, связанный с этой самой наглядной агитацией. Идём мы однажды в редакцию с Лисицыным и видим... огромных размеров плакат, который рабочие с автокрана прибивают к кирпичному торцу старинного здания – приближался Первомай. На плакате изображён бодрый здоровячок в комбинезоне, одной рукой держащий знамя, другой – указующий на грандиозные стройки коммунизма, и слова крупными буквами: “Пятилетку – досрочно!” Но вот лицо у плакатного здоровячка очень показалось знакомым.

Евгений толкает меня в бок:

– Нет, ты посмотри! Узнаёшь? Да это же Володька Кудряш! Во, блин, даёт!..

– Точно, он. Так сказать, шутка гения.

– Он скоро на лето опять надолго уезжает, вот и оставил на видном месте свой автопортрет, чтобы мы не заскучали без него.

Лисицын фотокамеру из кофра вытащил, давай снимать это чудо социалистического реализма. На фоне

Старый Томск
Линогравюра, 1973

кудряшовского “автопортрета” он и меня заснял. При очередной встрече показываю Кудряшову снимок, прошу автограф дать. А он ухмыляется, довольный:

– А что, всё верно. Жизнь-то штука короткая, многое надо успеть сделать. Вот я и взял дополнительные личные обязательства – выполнить пятилетку года за три.

Плакат тот, правда недолго провисел – один бдительный партийный чиновник тоже оказался глазастым, узнал Кудряшова – его же и переписывать заставили. А я жалею, что снимок тот у меня не сохранился.

В памяти всплывают эпизоды, друг с другом не связанные, но ярко характеризующие художника Кудряшова, его отношение к делу, его взаимоотношения с людьми. Приведу некоторые из них, не соблюдая временную хронологию – даты из памяти, как известно, быстрее стираются.

Звонит как-то: “Приходи ближе к вечеру в Худфонд, я буду гравюры для альбома печатать. Тираж каждой – сто экземпляров, но вот с хорошей бумагой у меня напряжёнка. Если прихватишь бумаги, то и для тебя оттиски отшлём.”

Прихожу в Худфонд – полный разгром, ремонт помещения идёт. А Кудряшов где-то в коридоре у печатного пресса работает. Женщины-штукатуры любопытство проявляют, с интересом смотрят, что это полуголый человек (жарко ему – рубашку сбросил) за картинку шлёмает. Одна работница в заляпанном известкой комбинезоне посмотрела-посмотрела и разочарованно так говорит своим товаркам:

– Я-то думала, что художники сами картины рисуют, а они их вон на станке штампуют да ещё, поди, и деньги за это получают.

И тут вместе с работницами прослушал я основательную лекцию о том, что такое есть гравюра, как она создаётся и сколько времени для её создания требуется. Стоят, головами

кивают, вроде как бы начинают понимать суть этого «пустяшного» дела.

Где-то в середине 70-х довелось Кудряшову с группой российских художников побывать в творческой поездке в Канаде. Вернулся со значком с изображением кленового листа на лацкане пиджака и целый вечер делился впечатлениями, рассказывал о встречах с канадскими художниками, о лекции по советской графике, которую читал в университете Торонто, показывал свои путевые зарисовки. Кто-то из слушателей поинтересовался:

– Ну, теперь, поди, всю Канаду на линолеуме выгравировешь?

– Нет, ребята, граница – она и есть граница. Через пару дней на север в Вертикос подамся, задумал там, в Канаде, новую серию, которую назову простенько, но со вкусом «Северные контрасты».

– А как же Канада?

– Что Канада? Хорошая страна Канада. Как там в песне поётся: «..хоть похожа на Россию, только всё же не Россия».

Канадских работ я у Кудряшова не видел, а вот большую серию, привезённую из Вертикоса, хорошо помню...

Одно лето долго Кудряшова в Томске не было – поддался в Карелию, на острова Онежского озера. Вернулся – в гости позвал. Прихожу и с порога ощущаю какой-то крепкий дух, рыбой отдающий. А на кухне в кастрюле что-то булькает, пар и дым коромыслом.

– Уху что ли варишь? Так, похоже, переварил ты её уже часа два назад. Вон вонища-то какая!

– Пытаюсь разгадать секреты древних иконописцев, которые для своей работы осетровый клей варили. Привёз иконку одну, догадываюсь, что рублёвской школы, но в очень плохом состоянии: на сыром чердаке среди всякой рухляди валялась,

левкас взбух, серпянка от доски отслоилась, реставрировать надо. Вот из осетровых хрящей клей варю.

– А что, другой клей не годится?

– Предки наши и краски, и клеи из натуральных природных веществ делали. Так что наша химия здесь неуместна...

А эта встреча – одна из последних. Я тогда только что из Чехословакии вернулся. Сталкиваемся с Кудряшовым возле главпочтамта.

– Привет скитальцу!

– Салют бродяге! Как там наши братья-славяне?

– Живут.

– Знаешь, давай, в “Сибирь” заглянем, посидим, поговорим, а сперва в сберкассу забежим, деньги со счёта снимем.

– Что, разбогател?

– Разбогател, брат, – смеётся Владимир. – Три листа бумаги за триста “зелёных” продал.

– Что это за бумага такая дорогая?

– В том-то и дело, что не очень дорогая, но на ней мои сибирские натюрморты были отпечатаны. Сдал в Москве в экспортный художественный салон несколько гравюр, сообщили вот, что купил их какой-то западный коллекционер. Мне, конечно, “деревянными” выплатят...

Денег на кудряшовском счёте не оказалось – не дошли, пошарили по карманам, наскребли какую-то сумму, отправились в ресторан. Устроились в уютном уголке, заказ сделали, разговоры повели.

Я про Прагу что-то рассказываю, но чувствую, что Владимир весь в себя ушёл, о своём думает. Потом, когда пауза, наступила, сказал:

– Знаешь, надумал я Томск покинуть, в Омск перебазируюсь.

– Что, личные обстоятельства так сложились? Или Томск приелся?

– К Томску я вообще-то прикипел, хотя и Омск мне не чужой – многое меня с ним связывает. Но пришёл к выводу, что-то надо менять в жизни, для начала хотя бы место жительства. Период у меня сейчас какой-то теневой.

– Всё логично. В нашей жизни всё чередуется – свет и тень.

– Да, конечно, свет и тень – светотень, всё как в графике, всё по-нашему. Контрасты, одним словом. Притом – чёрно-белые. На днях стал новую гравюру резать и вдруг чувствую – повторяюсь. Говорю уже данным-давно мною сказанное. Задумался и испугался: так ведь и до творческого застоя недалеко. А это для художника смерти подобно.

– Ну, ты что-то драматизируешь слишком. Просто небольшой творческий спад. Вполне объясним. Пройдёт...

– Может, может... Да вот и с личной жизнью что-то не вытанцовывается. Семьи по сути нет, друзей-приятелей вроде бы хватает, есть и недруги – светотень. А одним словом иной раз такую пустоту вокруг себя ощутишь, что кажется: наступит тот день и час, когда в другой мир уходить придётся – никого рядом не будет, сплошная пустота...

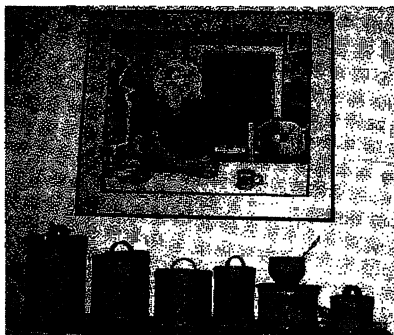

Обложка альбома,
посвящённого 60-летию
В. Кудряшова, 2004 г.

Через месяц Владимир Кудряшов уезжал в Омск. Впереди было ещё чуть более двадцати лет жизни, упорной работы, творческих радостей и разочарований, света и тени.

В третьем выпуске ежегодника «Складчина», который прислал мне Александр Лейфер вместе с каталогом посмертной выставки Владимира Кудряшова, нашёл статью искусствоведки Нины Турениной «В поисках гармонии и красоты» – об омском периоде творчества Кудряшова. Рассказ

зывая о его линогравюрах, она упоминает одну из них, сделанную ещё в Томске в 1971 году: «Вот просто старушка – лист «Мария Евстигнеевна». Раз её увидишь – не забудется, так как по существу этот портрет как бы символ всего старшего поколения – так до конца не понятого, не оценённого нами. Жизнь расправляется с

Гравюра
«Мария Евстигнеевна»

ним сурово – войны, революция, опять война, вдовство, сиротство и бесконечный труд за кусок хлеба. Но душа не уничтожена, она жива, она светится. Пожалуй, художник в этом портрете сумел добраться до самой сути русской натуры».

Вот она, светлая старушка Мария Евстигнеевна (её портрет художник делал, когда ездил в Кижы), одиноко сидящая за самоваром у вечернего окна. Уже более сорока лет живёт она в нашей семье, с тех пор, как Владимир Кудряшов подарил мне эту гравюру. Висела она на стене нашей томской квартиры много лет и зим, а затем переселилась вместе с нами в немецкую Нижнюю Саксонию и украшает столовую комнату нашей нынешней квартиры. Тепло и уютно с ней.

– Das ist eure Grossmutter? – интересуются приходящие в гости наши немецкие знакомые.

– Ja, das ist unsere Grossmutter, – отвечаю я им и по-русски добавляю. – Наша любимая бабушка Мария.

Для немцев портреты предков – святое. Не хочу разочаровывать их. Тем более, что моя родная бабушка так была похожа на эту. Правда, звалась она не Марией, а Клавдией и жила в вятских краях...

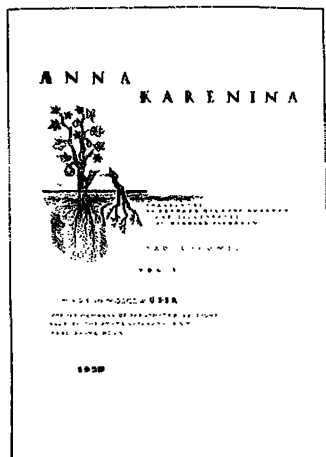
Март, 2005 г.

«Анна Каренина», не увидевшая Родины

Олег Торчинский (г. Москва)

Н.И. Пискарёв (1892–1959) – замечательный художник-график. Мастер ксилографии, иллюстратор мировой классики: «Исповедь» Ж-Ж. Руссо, «Книга живописи» Леонардо да Винчи, «Повести Белкина» А. Пушкина, арабские сказки «Тысяча одна ночь», – а также автор бесчисленных обложек, страничных заставок, экслибрисов, марок и создатель оригинальных наборных шрифтов, до сих пор используемых в отечественной полиграфии. Одна из вершин его творчества – иллюстрации и полиграфическое оформление романа Льва Толстого «Анна Каренина». Увы, это уникальное издание никогда не было обнародовано на родине художника. Вот его грустная история.

В конце 1920-х годов американский «Клуб редких книг в Нью-Йорке» («Limited Editions Club of New York») задумал масштабную акцию: издание на английском языке в 12 странах Европы по одному произведению классиков литературы этих стран в оформлении их лучших художников. Издания предназначались только для членов Клуба, выпускались тиражом по 1500 экземпляров и должны были быть самого высокого качества как по мастерству иллюстрирования, так и по полиграфическому исполнению. Возникло своеобразное соревнование наиболее выдающихся мастеров европейской книги.

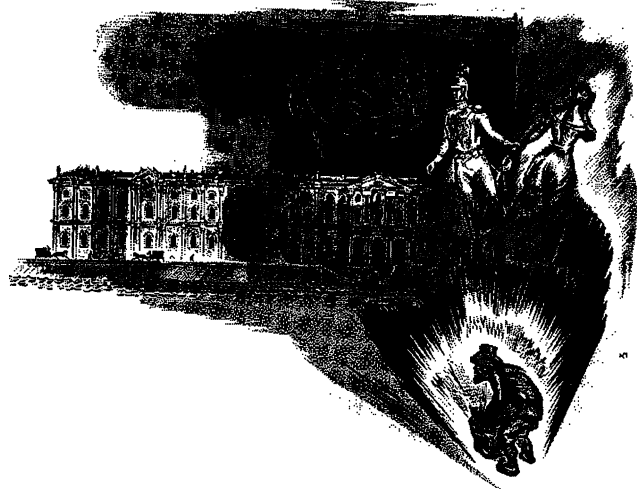

Титульный лист,
первый вариант

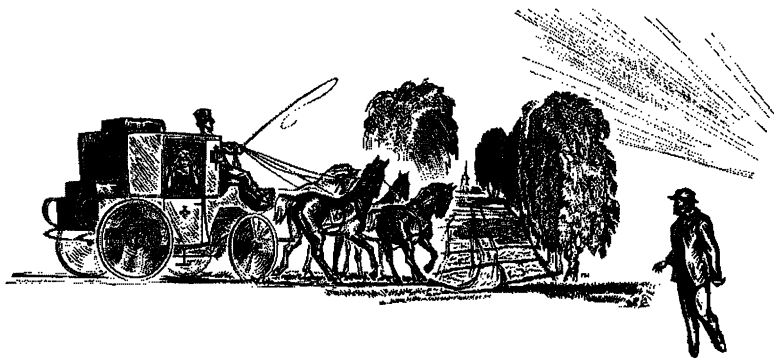
В списке приглашённых был и Н. Пискарёв. На международной выставке книг в Лейпциге в 1927 году представители Клуба обратили внимание на его работы, и в начале 1929 года ему было направлено приглашение. После ряда перипетий Клуб остановился на “Анне Карениной”. “Мы обращаемся к Вам, поскольку видим в Вас выдающегося художника книги Вашей страны и надеемся, что вы примете на себя этот труд”, – говорилось в письме Клуба.

Государственное издательство художественной литературы (ГИХЛ) согласилось издать роман, специальное предисловие к книге о мировоззрении Льва Толстого написал А. Луначарский. И художник приступил к работе.

Поскольку в нашей стране это уникальное издание почти не известно, о нём стоит рассказать подробнее. Роман был выпущен в двух томах, вложенных в специальный футляр с надписью «Anna Karenina». Текст набран эльзевиром, шрифтом спокойного, ровного, благородного рисунка. Книга напечатана

“Сон Анны”

“На въезде”

на матовой, тёплого тона, приятной на ощупь бумаге. Все 8 частей романа снабжены заставками и концовками и прочими крохотными рисунками (полиграфы называют их «акцидентами»), которые оживляют страницы, объединяют главы книги в единое целое, сообщают им определённый ритм. У них есть ещё одна функция: они отсчитывают романное время, напоминают читателю, когда происходит действие: морозные узоры на стекле, веточка дерева с почками, колосья пшеницы, цветы, ягоды земляники...

Для иллюстрирования Н. Пискарёв избрал свою любимую технику – ксилографию, чёрно-белую и цветную, причём в последней сумел достичь колорита, близкого к акварели. И всего в 19 иллюстрациях (требование Клуба) он сумел передать сущность огромного романа.

Иллюстрации разбиты на два цикла: условно «каренинский» и «левинский». История «замужней женщины из высшего общества, «потерявшей себя», её трагической любви и гибели, передана в нескольких гравюрах, жёстких по стилистике, в тревожных контрастах чёрного и белого. Они просты и трагичны, как например, сцена свидания перед решающим объяснением Анны с мужем: рыдающая смятённая женщина и стре-

мящийся поддержать её растерянный, утративший светский лоск Вронский. Иногда они сложны по композиции, мешают реальность и ирреальность: высвеченный из тьмы дворец, видение (белым по чёрному) офицерской пирушки с голой Терезой на столе; Вронский, держащий за руку Анну, и внизу Рок – копошащийся над мешком мужичок с черепом вместо лица, приснившийся Анне. Все эти рисунки лишены воздуха, зажаты в тесном, тёмном пространстве, изолированном от окружающего мира. «Левинская» линия романа подана по-другому: многоцветными, часто разворотными композициями, полными света и воздуха: без природы существование Левина и Кити невысказано. Художник умеет зримо изобразить облака, гладь реки, залитое солнцем колосающееся поле пшеницы. Развороты напечатаны с трёх досок и каждый из цветов – жёлтый, салатный, тепло-серый – это не фон для чёрно-белого рисунка, а равноправные, рисующие компоненты, как, кстати, и белое поле листа.

Иллюстрации Н. Пискарева к «Анне Карениной» вызвали полное одобрение Клуба. С его разрешения они были показаны в сентябре 1933 года в Варшаве на 1-й Международной выставке гравюры на дереве, отмечены дипломом и денежной премией. В конце 1933 года весь тираж книги с подписанными художником колофонами каждого из 1500 пронумерованных экземпляров и 20 нумерованных книг (для замены возможно поврежденных) был отправлен морем в Америку. Однако случилось непредвиденное. Клуб отказался от окончательных расчётов под предлогом, что в одном из букинистических магазинов Москвы якобы был обнаружен в продаже экземпляр двухтомника. Издательство потерпело большие убытки, пострадал и художник, которому Клуб не выплатил второй половины гонорара и не выслал ни одного авторского экземпляра...

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

«Герой нашего времени»: пятигорский контекст

Николай Маркелов (г. Пятигорск)

Никто и никогда, ни в прошлом, ни в настоящем, ни, вероятно, в будущем не сделал и не сделает для славы Пятигорска больше, чем Лермонтов. Пушкин задумал здесь «Кавказского пленника», а Лев Толстой писал свои первые кавказские рассказы. Лермонтов связал с Пятигорьем судьбы многих своих героев. В художественном пространстве «между Машуком и Бешту» протекает действие его первых кавказских поэм. В бессмертном романе, ведя своего Героя путём страстей и сомнений, он успевает попутно запечатлеть все сколько-нибудь примечательные уголки знакомого и любимого с детства городка. Эта земля дарила его вдохновением, и он щедро воспел её. Она обогрета его кровью, в ней покоился его прах – и тем она освящена навеки для всех русских.

«Лучший роман на русском языке»

За стихотворение «Смерть поэта» Лермонтову пришлось расплачиваться ссылкой. Его, корнета лейб-гвардии Гусарского полка, перевели тем же чином в армию – в расквартированный в Грузии Нижегородский драгунский, единственный тогда на Кавказе регулярный кавалерийский полк. Покидая Петербург, поэт успел отослать в журнал «Современнику» своё «Бородино» – первое стихотворение, которое он сам решился отдать в печать, и, если бы его поэтическая карьера на этом пресеклась, то и того бы достало, чтобы каждый из нас теперь мог без труда процитировать строки о сожжённой пожаром Москве и отступивших басурманах. В марте 1837 года Лермонтов

отправился в дальний путь. Звания корнета у драгун не было, и теперь его именовали прапорщиком.

Участливые хлопоты родни достигли генерал-майора В.Д. Вольховского, лицейского друга Пушкина, а в то время — начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса. Бывалый кавказец рассудил по-своему и решил отправить молодого офицера за Кубань, понюхать пороха. «Два, три месяца экспедиции против горцев могут быть ему небесполезны, — полагал Вольховский, — это предействительное прохладительное средство, а сверх того — лучший способ загладить проступок. Государь так милостив...»¹

В дело вмешался случай: по дороге Лермонтов простудился, в Ставрополе угодил в госпиталь, и всё лето ему пришлось провести не в жарких схватках за Кубанью, а на горячих водах в Пятигорске. Сезон 1837 года здесь выдался на редкость удачным, а в литературном смысле даже перспективным: в Пятигорске с Лермонтовым познакомился Белинский и впоследствии мог по личным наблюдениям судить о реалистических достоинствах «Княжны Мери».

Кстати, те же минеральные ванны принимал здесь тогда и штаб-ротмистр Кавказского корпуса Лев Пушкин. «Здесь в Пятигорске служит брат Пушкина, Лев Сергеевич; — отозвался о нём Белинский в пятигорском письме, — должен быть, пустейший человек»².

Трудно понять, по какой причине, но кавказские офицеры ему вообще не понравились: «Что за лица, что за рожи съехались в Пятигорск... — восклицал он. — А господа офицеры! Боже мой, я теперь начинаю ценить их настоящим образом»³. Возможно, тут виною и сам Лермонтов, затеявший с критиком притворно-серьезный диспут по поводу французской философии. Вот как этот эпизод передаёт в своих мемуарах их общий знакомый Н.М. Сатин:

«Лермонтов приходил ко мне почти ежедневно после обеда отдохнуть и поболтать. . . В одно из таких посещений он встретился с Белинским. Познакомились, и дело шло ладно, пока разговор вертелся на разных пустячках; они даже открыли, что оба – уроженцы города Чембара (Пензенской губ.).

Но Белинский не мог долго удовлетворяться пустословием. На столе у меня лежал том записок Дидерота; взяв его и перелистав, он с увлечением начал говорить о французских энциклопедистах и остановился на Вольтере, которого именно он в то время читал. Такой переход от пустого разговора к серьёзному разбудил юмор Лермонтова. На серьёзные мнения Белинского он начал отвечать шуточками; это явно сердило Белинского, который начинал горячиться; горячность же Белинского более и более возбуждала юмор Лермонтова, который хохотал от души и сыпал разными шутками.

– Да я вот что скажу вам об вашем Вольтере, – сказал он в заключение, – если бы он явился теперь к нам в Чембар, то его ни в одном порядочном доме не взяли бы в губернёры.

Такая неожиданная выходка, впрочем, не лишенная смысла и правды, совершенно озадачила Белинского. Он в течение нескольких секунд посмотрел молча на Лермонтова, потом, взяв фуражку и едва кивнув головой, вышел из комнаты.

Лермонтов разразился хохотом. . . Так встретились и разошлись в первый раз эти две замечательных личности. Через два или три года они глубоко уважали и ценили друг друга⁴.

По поводу размовки двух великих людей, тогда еще очень молодых, существуют разные мнения. Дело в том, что Сатин писал воспоминания в 1865 году, то есть спустя почти тридцать лет после изложенных событий. Иногда считают, что его подвела память и ироничные слова Лермонтова о Вольтере на самом деле принадлежат Белинскому. В других случаях упрекают Сатина в недобром отношении к поэту и даже в

злонамеренном искажении истины, ибо по его словам выходило, что Лермонтов отозвался о Белинском как о «недоучившемся фанфароне», а тот, в свою очередь, «иначе не называл Лермонтова как пошляком»⁵.

Известно, что оба они одновременно посещали Московский университет, так что могли, вероятнее всего, даже знать друг друга в лицо. Белинский был зачислен туда в 1829 году, Лермонтов – годом позже. Во всяком случае, фамилия Белинского была знакома поэту и раньше, до пятигорской встречи: он наделил ею одного из персонажей драмы «Странный человек», посвящённой как раз студенческим временам в Москве. Но «не доучился» не только Белинский, они оба не окончили курса: Лермонтов в 1832 году подал прошение об увольнении, так как собирался продолжить обучение в Петербурге, а Белинский, действительно, был тогда же отчислен «по слабому здоровью и притом по ограниченности способностей».

Собственно говоря, и сам факт знакомства поэта и критика на квартире Сатина в Пятигорске, и содержание их спора, приведшего к ссоре, нигде более не зафиксированы, как в воспоминаниях последнего.

В сентябре, окончив курс лечения на водах, Лермонтов отправился отыскивать свой эскадрон. Той осенью он исколесил сто дорог – «изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани», был в Тифлисе, в Кахетии и Азербайджане, а возвратный путь на север проделал по Военно-Грузинской дороге. Во время долгих странствий, находясь под грузом всего извданного, поэт задумал цикла повестей, связанных между собой общим героем.

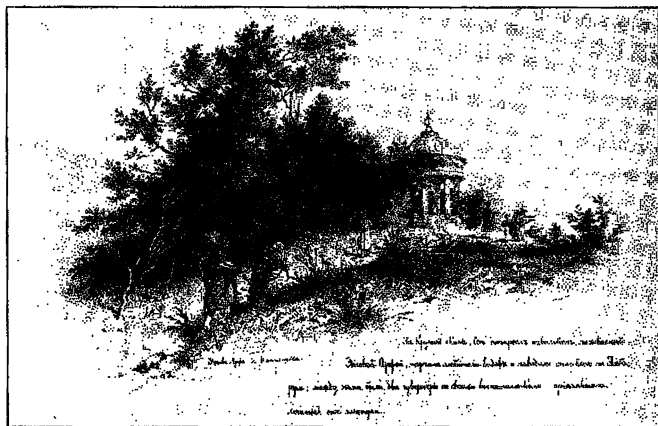
Замысел возник не вдруг; впервые герой, то есть русский офицер, служащий на Кавказе, появляется в одной из ранних поэм, восточной повести «Измаил-Бей». По имени он не назван, о нём известно лишь то, что ранее, ещё в России, он был

соперником черкесского князя в любви к русской девушке. По ходу сюжета противники встречаются вновь, на Кавказе, и Изманл поступает благородно, обогрев заблудившегося офицера у своего ночного костра. Далее, во время сражения русского отряда с черкесами, наступает развязка: в поединке офицер даёт промах, а князь наносит ему смертельный удар шашкой.

В неоконченной повести «Княгиня Анговская» наш герой обретает имя, теперь он носит фамилию Печорин. Наконец, всё совпало: герой не только известен, но и обретает знаковый социальный статус Героя нашего времени, перед ним открыто поле деятельности, которое щедрый автор готов наполнить сюжетами, почерпнутыми из собственной фантазии и свежих кавказских впечатлений.

Композиция романа «Герой нашего времени», если рассматривать её пространственно, представляет собой две скрещённые линии: одна «от Кизляра до Тамани» и другая от Тифлиса до Ставрополя, что вполне согласуется с маршрутами кавказской одиссеи поэта. Центром, то есть местом пересечения этих линий, служит Владикавказ, именно здесь мы впервые встречаемся с Печориным и узнаем о нём уже не со слов Максима Максимыча, здесь он представлен как реально действующее лицо.

Большой крови Аермонтов ещё не видел, и война в его романе проходит только приглушённым фоном. Мужские персوناжи здесь в большинстве офицеры Кавказского корпуса. О Максиме Максимыче мы знаем, что служить он начал ещё при Ермолове, получив при нём два чина за дела против горцев. Лет десять он стоял с ротою в Чечне, в крепости за Терском, у Каменного Брода. С Грушницким главный герой успел побывать в экспедиции; в действующем отряде тот получил ранение пулей в ногу. В Пятигорске у источника Печорин замечает, что «несколько раненых офицеров сидели на лавке,

Пятигорск. Золота арфа. Илл. М.А. Зичи к повести «Княжна Мери».
Литография. 1891 г.

подобрав костыли, бледные, грустные». Боевые действия не затрагивают, разумеется, района Горячих или Кислых вод, но дыхание близкой войны ощутимо и здесь: это и казаки на сторожевых вышках в степи и пикетах, и часовые на валу кисловодской крепости. Ночная стычка Печорина с Грушницким и драгунским капитаном, получившим удар по голове кулаком, а потом и поднятая ужасная тревога с криками и ружейной пальбой – всё это спровоцировало в городе толки о нападении черкесов. «... Многие, – иронически замечает в дневнике Печорин, – вероятно, остались в убеждении, что если б гарнизон показал более храбрости и поспешности, то по крайней мере десятка два хищников остались бы на месте». Вспомним, что и убитого на поединке Грушницкого условлено отнести «на счет черкесов». Тема оружия то и дело мелькает на страницах «Героя», играя важную роль в ряде ключевых эпизодов, да и кончается всё повествование рассуждением Максима Максимыча об особенностях черкесских винтовок и шашек.

Имея в виду современные читательские запросы, роман можно бы представить и как «криминальное чтиво»: всё-таки четыре убийства (Бэлы, её отца – старого князя, Грушницкого и Вулича), ряд покушений (главного героя, например, сначала хотят утопить в Чёрном море, потом подло, то есть практически безоружного, застрелить на дуэли, а когда это не удаётся, Грушницкий грозит резать его ночью из-за угла, и, наконец, пуля пьяного казака в «Фаталисте» срывает ему с плеча эполет). Молодую женщину Бэлу похищают и склоняют к сожигательству, потом похищают вновь и убивают ударом кинжала. Ещё контрабанда, кражи, подслушанные заговоры, погони... К тому же повествование построено так, что автор-рассказчик, как будто проводит следствие: опрашивает очевидцев, рассказывает «компромат» в виде интимных записок героя, а при личной встрече с ним составляет его словесный портрет.

Тут следует вспомнить, что работа над романом, то есть её первые проблески, начинались когда-то у Лермонтова с тифлисской главы. Во всяком случае, сохранился листок, написанный лермонтовской рукой, начинающийся словами: «Я в Тифлисе», – и содержащий план повести, действие которой протекает в различных местах грузинской столицы. Повествование ведётся, как и в дневнике Печорина от первого лица, а именно от лица служащего на Кавказе русского офицера. Набросок этот, в двадцать пять строк, и есть, скорее всего, самый ранний творческий импульс к написанию «Героя нашего времени». Как бы там ни было, И.Л. Андроников, внимательно изучивший этот отрывок, пришёл к выводу, «что из записки «Я в Тифлисе» родились сюжеты обеих повестей – и «Тамани» и «Фаталиста» – и что эта записка представляет собой самый первоначальный план записок Печорина»⁷.

Едва приметные отголоски этой задуманной, но не осуществлённой Лермонтовым тифлисской главы сохранились

в окончательном тексте романа. Действие «Героя» начинается «за хребтом Кавказа», в Грузии. В первых строках повести «Бэла» автор сообщает читателям о своём местонахождении («Я ехал на перекладных из Тифлиса») и тут же вспоминает о содержимом своего чемодана, «который до половины был набит путевыми записками о Грузии». Однако в дальнейшем ни о каких событиях или впечатлениях, связанных с недавним пребыванием автора в этом краю, уже не говорится, и всё последующее действие романа, равно как и сами действующие лица, то есть странствующий офицер с чемоданом и чайником и невозмутимый штабс-капитан с доверху нагруженной тележкой, безвозвратно перемещаются на сию сторону хребта, на Северный Кавказ. Потом и Максим Максимыч, завершая свой рассказ о Печорине, замечает, что месяца три спустя после гибели Бэлы тот был назначен в егерский полк и уехал из Чечни в Грузию. Встретив же, какое-то время спустя, своего старого приятеля во Владикавказе, Максим Максимыч опять-таки говорит ему, что думал найти его в Грузии, вновь соотнося какие-то оставшиеся не известными нам события с прибытием там Печорина. Что именно тогда могло происходить с героем романа, становится известно из лермонтовского наброска, хотя бы отчасти проливающего свет на характер упомянутых, но так и не увидевших света «записок о Грузии».

Русский офицер в поисках любовного приключения увязывается за грузинкой. Она обещает ему свою благосклонность, но требует за это вынести из её дома труп. Герой бросает покойника в Куру, предварительно сняв с него кинжал. Потом ему делается дурно, его находят в беспамятстве и относят на гауптвахту. Где находится дом грузинки, он забыл. Тогда кинжал предъявляют оружейнику Геургу, который говорит, что делал его для русского офицера. От денщика офицера узнают, что тот долго ходил по соседству к одной старухе с дочерью,

но дочь вышла замуж, а через неделю офицер пропал. Таким образом, история с загадочным мертвецом объяснилась, но опасные похождения нашего героя ещё не окончены. Грузинка и её муж выслеживают его. Ночью муж нападает на него и пытается сбросить с моста, но офицер опережает его в этом намерении. Как видим, и здесь в развитии сюжета главенствует детективный элемент: два убийства, покушение на убийство, сокрытие следов злодеяния, слежка, поиски места преступления, и опрос свидетеля, и даже вещественная улика, которая приводит к разгадке, – кинжал убитого офицера, опознанный оружейным мастером.

О Грузии Лермонтов не забывал никогда, много раз возвращался туда мыслью и, по-видимому, хотел побывать там вновь. Этот настойчивый интерес легко прослеживается по ряду его произведений и писем. С Грузией связан и самый масштабный замысел Лермонтова – исторического романа «С Тифлисом при Ермолове», план которого был уже составлен, о чём поэт рассказывал в Пятигорске Михаилу Глебову буквально в последний час своей жизни. Почему же, в таком случае, он отказался от первоначального, тифлисского, сюжета в «Герое»? – об этом остаётся только гадать. Возможно, потом уже владели новые мысли, а, скорее всего, избыток восточной экзотики, который так отчётливо заметен в наброске, просто не соответствовал основной идее его реалистического романа. И Лермонтов, без сожаления отбросив обветшалые романтические лохмотья, предоставил своим героям любить и страдать у целебных ключей Пятигорья, где сам провёл гораздо больше времени, чем в Грузии.

На первых же страницах своего пятигорского дневника, набрасывая психологический абрис Грушницкого, Печорин предрекает роковую развязку их отношений: «Я его также не люблю: я чувствую, что мы когда-нибудь с ним столкнемся

на узкой дороге, и одному из нас несдобровать». Дальнейшее развитие событий претворяет этот прогностический тезис в жизнь или, в данном случае лучше сказать, в смерть. Антагонизм героев по ходу сюжета достигает высшей, буквально экстремальной степени. «Нам на земле вавоём нет места...» – говорит Грушницкий за мгновение до того, как должен с пулею в груди навсегда исчезнуть с уступа отвесной скалы. Дуэль (как действие) была для прозы тех времен ситуацией почти неизбежной, обойтись без неё в «Герое» Лермонтов не мог. Но поединок с Грушницким – лишь частный случай той круговой конфронтации, которая и составляет сущность отношений Печорина с другими персонажами романа.

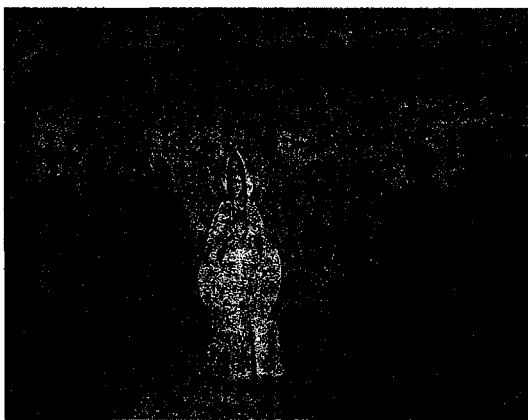
В «Тамани» он выдерживает опасную схватку с ундиной в лодке, когда её сильный толчок едва не сбрасывает его в море. Действия противоборствующих сторон или, словами героя, «отчаянная борьба» достигает здесь «сверхъестественных усилий». Из удовольствия, как говорит Печорин, подчинять своей воле всё, что его окружает, он затевает и свой притворный роман с Мери, легко переиграв в психологическом поединке наивную московскую княжну. Дикарка Бэла – пленница русского офицера. Поступки Печорина тут более всего напоминают правильную осаду. Согласно комментарию Максима Максимыча, «долго бился с нею Григорий Александрович». Потом этот странный спор о преопределении с Вуличем, метафизический поединок, когда один из противников ставит на кон двадцать червонцев, а другой собственную жизнь. Разве что доктор Вернер не захвачен конфронтацией, но он – доверенное лицо героя, его секундант. Да Максим Максимыч, заведомо отдавший себя воле победителя: «Что прикажете делать? Есть люди, с которыми непременно должно соглашаться».

Враждебные отношения Печорина и Красинского в неоконченной «Княгине Лиговской» также, предположительно,

должны были разрешиться дуэлью. В «Маскараде», «Казначейше» и «Штоссе» поединок ведётся за карточным столом. О «Калашникове» за очевидностью ситуации можно, кажется, только упомянуть. Одна из самых впечатляющих сцен в поэме «Мцыри» – бой с барсом. Противники, человек и зверь, принадлежат разным мирам, но «упоение в бою» уравнивает их. Звериный статус барса несколькими штрихами легко дезавуирован («Он застонал, как человек...», «Он встретил смерть лицом к лицу...»). Мцыри в то же время осознаёт себя в схватке более зверем, чем человеком:

Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рождён
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я...

В череде испытаний, посланных автором своему герою, бой с барсом – самый драматичный, хотя этот эпизод и не

“Мы с Печориным сидели на почётном месте, и вот к нему подошла меньшая дочь хозяина, девушка лет шестнадцати...”

Илл. С.В. Филенко к повести “Бэла”. 2012 г.

предопределён логикой сюжета; это поединок в чистом виде, турнирный или, если угодно, даже ритуальный. Вся изложенная картина говорит уже о способе художественного мышления Лермонтова, коренящемся в свойствах его личности. Перескакивая через многочисленные признания современников о несносном, трудном, дурном характере поэта, напомним читателю лишь одно, принципиально важное, высказывание А.И. Герцена: «В отличие от Пушкина Лермонтов никогда не искал мира с обществом, в котором ему приходилось жить: он смертельно враждовал с ним – вплоть до дня своей гибели»⁸.

В частной жизни Лермонтов был столь же неуступчив. Современник передаёт рассказ Н.П. Колюбакина, кавказского знакомого Лермонтова (впоследствии генерала, а в то время молодого офицера; многие видят в нём прототип Грушницкого): «Колюбакин рассказывал, что их собралось однажды четверо, отпросившихся у Вельяминова недели на две в Георгиевск, они наняли немецкую фуру и ехали в ней при okazji, то есть среди небольшой колонны, периодически ходившей из отряда в Георгиевск и обратно. В числе четверых находился и Лермонтов. Он сумел со всеми тремя своими попутчиками до того перессориться на дороге и каждого из них так оскорбить, что все трое ему сделали вызов, он должен был наконец вылезть из фургона и шёл пешком до тех пор, пока не приискали ему казаки верховой лошади, которую он купил. В Георгиевске выбранные секунданты не нашли возможным допустить подобной дуэли: троих против одного, считая её за смертоубийство, и не без труда уладили дело примирением, впрочем, очень холодным».

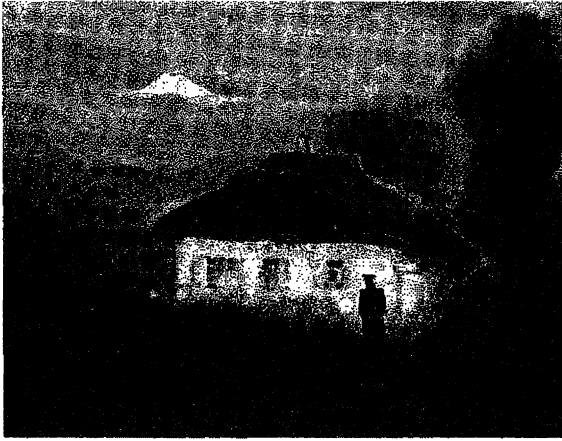
Знаменитый бретёр Руфин Дорохов (его историю записал А.В. Дружинин) поведал, как при первом знакомстве с Лермонтовым дело у них тоже едва не дошло до дуэли: «На каком-то увеселительном вечере мы чуть с ним не посчитались очень

крупно, – мне показалось, что Лермонтов трезвее всех нас, ничего не пьёт и смотрит на меня насмешливо»⁹.

19 февраля 1840 года чиновник Петербургского цензурного комитета Петр Корсаков закончил чтение рукописи, представленной молодым гвардейским офицером. Вещица эта с несколько претенциозным названием была Пестру Александровичу знакома и раньше: именно он цензуровал столичный журнал «Отечественные записки», где роман печатался по частям. Речь там шла о любовных похождениях одного кавказского офицера, не более того, и с политической стороны всё обстояло вполне благонадёжно. Вымарав проформы ради несколько строчек, где автор имел слишком смелое суждение о делах потусторонних, Корсаков сделал пометку: «Печатать позволяется» и отложил перо в сторону. Тревожно заняло, затрепетало чувствительное цензорское сердце. И – не обмануло: вскоре книга легла на стол высочайшего цензора всей России – государя императора Николая Павловича...

Сочинение, составленное из нескольких повестей, в типографии Ильи Глазунова отпечатали быстро: в середине апреля первая тысяча книг появилась на прилавках. Тут же откликнулся «Отечественные записки», поместив небольшую заметку без подписи. Это В.Г. Белинский первым приветствовал «сильный и самобытный» талант молодого писателя. Пути романа и его автора вскоре разошлись: опальный поручик отправился во вторую ссылку на Кавказ, а роман обрёл свою необыкновенную судьбу. Книга вышла вторым изданием, потом третьим, и выходит так уже полтора столетия.

А из той, самой первой тысячи книг, отпечатанной в марте-апреле 1840 года, сохранились считанные экземпляры. В пятигорском музее поэта их два. Первый поступил с коллекцией профессора из Владикавказа Леонида Петровича Семёнова, насчитывающей несколько тысяч книг, журналов, газет

С.В. Филешко. Домик Асрмонтава в Пятшгорске. 2012 г.

и редких фотографий, а второй – подарок Ивана Михайловича Саркизова-Серазини, знаменитого врача и коллекционера. На титуле, внизу, напечатано: «В типографии Ильи Глазунова и Ко». Несколько слов хочется сказать и об этом человеке, ибо имя его не только связано с выходом в свет первых асрмонтговских книг, но и встречается в седьмой главе повести «Княгиня Лиговская». Герой повести Печорин, не застав дома чиновника Красинского, «стал перелистывать книгу, лежавшую на столе; он думал вовсе не о книге, странное заглавие привлекло его внимание: «Легчайший способ быть всегда богатым и счастливым», сочинение Н.П., Москва, в тип. И. Глазунова, цена 25 копеек. Улыбка появилась на лице Печорина; эта книжка, как пустой лотерейный билет, была резкое изображение мечтаний обманутых, надежда несбыточных, тщетных усилий представить себе в лучшем виде печальную сущность».

Книготорговая и издательская фирма Глазуновых берёт начало с книжных лавок, открытых в Москве и Петербурге ещё в конце XVII века. Просуществовала она до конца 1917

года и была широко известна в России печатанием русских классиков и учебников. В записной книжке Александра Блока есть пометка о покупке в 1901 году «Божественной комедии» Данте издания И.И. Глазунова.

Илья Иванович Глазунов (1786–1849) выпустил в свет второе и третье издания «Героя...», а также и единственное прижизненное издание «Стихотворений» М.Ю. Лермонтова. В течение многих лет фирма имела привилегию на издание его сочинений.

Белинский, вспоминая пятигорское лето, в рецензии на роман заметил, что «бывшие там удивляются непостижимой верности, с какою обрисованы у г. Лермонтова даже малейшие подробности», и осторожно намекнул на военную ситуацию в регионе: «Тут не одни черкесы: тут и русские войска и посетители вод, без которых не полна физиономия Кавказа...» В оценке Лермонтова великий критик проделал довольно быструю эволюцию. В одном из его писем той поры звучат ещё снисходительно-одобрительные нотки: «Дьявольский талант! Молодо-зелено, но художественный элемент так и пробивается сквозь пену молодой поэзии, сквозь ограниченность субъективно-салонного взгляда на жизнь...»¹⁰ В том же 1840 году в своей пространной, даже огромной, статье о «Герое», равной по объему «Тамани», «Княжне Мери» и «Фаталисту» вместе взятым, Белинский, хотя и нашёл отдельные «недостатки художественности», но уже пересказал роман полностью и, что называется, близко к тексту, а многие страницы выписал целиком и, более того, высказал сожаление, что размеры статьи не позволяют ему выписать ещё больше. Спустя три года, уже после смерти поэта, в рецензии на третье издание «Героя» Белинский писал об этой книге, что «никто и ничто не мешает её ходу и расходу — пока не разойдётся она до последнего экземпляра; тогда она выйдет четвёртым изданием, и так будет

продолжаться до тех пор, пока русские будут говорить русским языком...»¹¹

Император Николай усмотрел в романе только одно светлое пятно – характер Максима Мыксимыча. Вторую часть нашёл «отвратительной, вполне достойной быть в моде». Сентенция, изложенная монархом в письме к императрице, прозвучала резко и раздражённо: «Люди и так слишком склонны становиться ипохондриками или мизантропами, так зачем же подобными писаниями возбуждать или развивать эти склонности! Итак, я повторяю, по-моему, это жалкое дарование, оно указывает на извращённый ум автора...»¹²

Проницательнее же всех из критиков оказался Фаддей Булгарин, в «Северной пчеле» сразу назвавший «Героя» лучшим романом на русском языке. Говорят, что злодея «подогре-ла» бабушка поэта, Е.А. Арсеньева, послав ему свеженький томик и пятьсот рублей ассигнациями в придачу.

Опасные приключения Якубовича в Пятигорске

Известно, что «Кавказский пленник» Пушкина вызвал волну подражаний, «посвящённых, – как отмечалось в критике, – описанию Кавказа, сторожевых казаков, столкновений казака и черкеса, грузинских и чеченских песен и т.п., которые свидетельствуют о господствовавшем в 1820-х и 1830-х гг. эпидемическом увлечении Кавказом...»¹³ Напомним, что сюжетной канвой пушкинского оригинала воспользовался и юный Лермонтов, сумевший исправить, так сказать, географическую неадекватность изображённой там ситуации. Реку, в которой тонет черкешенка, Пушкин не удостоил названием, так как Терек к тому времени ещё не видел и проявил тут понятную осторожность, упомянув его только в эпилоге, где возвращался к событиям недавней военной истории и славил победы

нашего оружия на Кавказе. Подкумок же, на берегу которого поэт часто сживал с Александром Раевским, русскому читателю был тогда совершенно не известен и совсем не походил на быструю и глубокую реку с пенными волнами, описанную в поэме.

Лермонтов побывал на Тереке ещё в детские годы, посетив с бабушкой Шелкозаводское – имение своих родственников Хастатовых. С тех пор название реки не сходит со страниц его кавказских произведений. Его «Кавказский пленник» хотя и представляет собою даже не подражание, а ученическую попытку переписать заново, на свой манер, пушкинский оригинал, но в географическом смысле возвращает ситуацию на её законное место: Лермонтов, сообразно имевшимся личным впечатлениям, перенёс действие на пограничный Терек, разделивший череду казачьих станиц на левом берегу и – чеченские аулы на правом. Пленник, правда, находится (как и в пушкинской поэме) в неволе у черкесов, но так в те времена часто называли всех горцев вообще, в дальнейшем же подобных этнографических абстракций Лермонтов избегал. Название Терека он упоминает в тексте шесть раз, описывая при этом, как черкесы преодолевают его бурное течение – верхом или вплавь «на верном тулуке». Для русского пленника река – непреодолимая преграда, отделяющая его от желанной свободы.

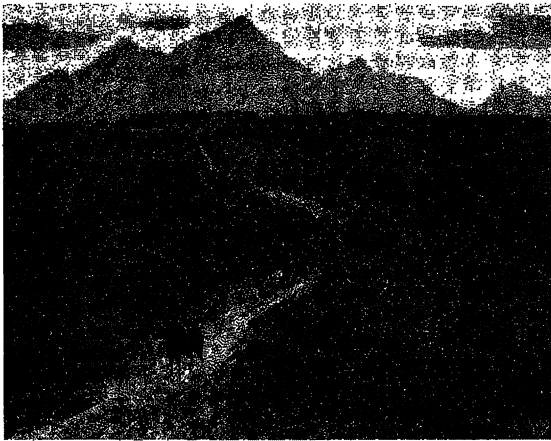
Развязку сюжета Лермонтов переписал по-своему: если у Пушкина пленник, переплыв реку, обретает свободу, а черкешенка топится в отчаянии от разлуки с ним, то у Лермонтова пленник, с цепью, распиленной черкешенкой, и вооружённый кинжалом, при попытке к бегству застрелен её отцом, сама же она после этого кончает жизнь в волнах Терека. Дальняя перспектива «Героя» отсюда пока не видна, не все персонажи уже в сборе, да и будет там всё совершенно иначе: не

черкешенка освобождает русского офицера, а он, напротив, подстраивает её похищение и держит у себя в плену.

Этот предположительный, конспективный, а в некоторых деталях буквально точный план лермонтовской «Бэлы» говорит лишь о том, что будущий (пока только тринадцатилетний!) автор «Героя», переписывая на свой лад пушкинского «Пленника», то есть следуя ходу мысли своего литературного патрона, легко угадывал грандиозный сюжетный потенциал его замысла. Вспомним, что действие «Бэлы» происходит за Терекком, в роли «ездока» выступает любящий Бэлу Казбич; присутствуют на сцене также отец и брат героини. Что касается происшествий, которые «сами собой истекали бы из предметов», то автора повести едва ли возможно упрекнуть в «бедности изобретения». Сам Пушкин, кстати, признавал, что его «поэму приличнее было бы назвать “Черкешенкой”». Как видим, Лермонтов и здесь попал в самую точку.

Впрочем, замысел кавказского романа был и у Пушкина. Побывав в 1829 году, уже вторично, на Горячих водах он стал искать для новых впечатлений новой, уже прозаической формы. К тому же и тема пленника ещё не казалась ему исчерпанной до конца. В сентябре 1831 года поэт набросал отрывок, представлявший собой начальные страницы крупного, как можно судить, произведения в прозе, рисующие сборы московской барыни и её дочери на Кавказ: «В одно из первых чисел апреля 181... года в доме Катерины Петровны Томской происходила большая суматоха. Все двери были растворены настежь; зала и передняя загромождены сундуками и чемоданами; ящики всех комодов выдвинуты; слуги поминутно бегали по лестницам, служанки суетились и спорили; сама хозяйка, дама 45 лет, сидела в спальне, пересматривая счетные книги...»

Причину столь дальней поездки объясняет сама Томская: «Доктора объявили, что моей Маше нужны железные воды, а

“Я люблю скакать на горячей лошади по высокой траве, против пустынного ветра...” Илл. С.В. Филанко к повести “Княжна Мери”. 2012 г.

для моего здоровья необходимы горячие ванны. Вот уже полтора года, как я всё страдаю, авось Кавказ поможет». Героиня кавказского романа – «девушка лет 18-ти, стройная, высокая, с бледным прекрасным лицом и чёрными огненными глазами».

Представление о дальнейшем развитии действия можно получить из многочисленных планов, составленных Пушкиным. Как прежде поэма «Кавказский пленник», так и новый прозаический сюжет разворачивается на Горячих водах. Героиня получает имя Алины, сюжетные ходы тут постоянно варьируются, но общее направление, хотя бы приблизительно, понять можно. Основная интрига строится на противостоянии двух главных героев – бретёра и картежника Якубовича и раненого кавказского офицера Гранева, недавно побывавшего в плену у горцев. В ряде случаев он даже назван в набросках Кавказским Пленником. Оба противника, чем-то напоминающие будущих Швабрину и Гринёва из «Капитанской дочки» (равно таких же будущих Грушницкого и Печорина из «Ге-

роя»), добиваются любви Алины. Якубович с помощью знакомого узденя подстраивает нападение черкесов на воды и похищает Алину, увезя её в аул. Гранев спасает её. Их соперничество завершается дуэлью, а в одном из вариантов – и смертью Якубовича. Предполагался эпизод, возвращающий нас к сюжету поэмы «Кавказский пленник»: Якубович предаёт Гранева черкесам, а черкешенка освобождает его. Все события, так или иначе, связаны с курортной жизнью на водах. Здесь и больные, жаждущие исцеления, и лекаря; и калмыцкие кибитки, в которых приезжие обитали за недостатком жилья; и излюбленные развлечения водяного общества – карточная игра и прогулки верхом к Бештау (*savalcade*, как пишет об этом Пушкин).

Всё изложенное напоминает сюжет Лермонтовской «Княжны Мери», где соперничество двух героев, оспаривающих любовь хорошенькой московской княжны, также оканчивается дуэлью и смертью одного из них. Подобное сходство обнаруживают и женские персонажи: княгиня Лиговская, как и Томская, – «женщина сорока пяти лет», которой прописаны горячие Ермоловские ванны. Её дочь Мери (то есть Мария, Маша – как первоначально и у Пушкина) – молоденькая, стройная, наделённая магнитической силой глаз, в которых иногда блещет «самое восхитительное бешенство». У Лермонтова, правда, горцы никого на водах не похищают. В реальности же среди курортной публики частенько гуляли тревожные слухи о приближении «партии хищников», оттоломом чего в романе служит паника, поднятая ночным столкновением Печорина с заговорщиками.

Кто знает, исполни Пушкин свой замысел, и мы бы тогда не прочитали «Героя». О пушкинских планах пятигорского романа Лермонтов, разумеется, знать не мог. Но дело даже не в том, что он и на этот раз «угадал», хотя бы отчасти, литературную перспективу, начертанную его великим предшествен-

ником. Дело в том, что он создал свой совершенно оригинальный и первый в нашей литературе социально-психологический роман, открывающий нам сферу отношений человека с самим собой и другими людьми.

Пятигорские иллюстрации

По странной прихоти судьбы художник Василий Верещагин сначала изобразил Пятигорск на своём рисунке и только потом сумел побывать в городе, расположенном у подножия Машука. В 1862 году, двадцатипятилетним молодым человеком, будучи учеником Академии художеств, он создал иллюстрацию к роману «Герой нашего времени» для выходявшего в Петербурге журнала «Северное сияние».

Рисунок Верещагина «Княжна Мери на прогулке» воспроизводит сцену из центральной части лермонтовского романа, когда Печорин и Грушницкий, встретившись у Елизаветинского источника, каждый по-своему пытаются привлечь внимание хорошенькой московской княжны. «В эту минуту прошли к колодцу мимо нас две дамы: одна пожилая, другая молоденькая, стройная, — заносит в свой дневник Печорин. — Их лица за шляпками я не разглядел, но они одеты были по строгим правилам лучшего вкуса...»

К тому времени Верещагин ещё не успел побывать на Кавказе, с Пятигорском знаком не был, а потому и вид галерей возле источника и гористый пейзаж, на фоне которого происходит действие, носят условный характер. Но внутренний смысл, нерв этой сценки передан выразительно и точно. Фигуры персонажей размещены так, что подчёркивают динамику этого ключевого эпизода, по существу — завязки повести. С рисунка была сделана гравюра; опубликованная вне текста повести, она потом часто включалась в издания «Героя» в

качестве прекрасной иллюстрации. Именно на этом рисунке молодого художника лермонтовские герои впервые нашли воплощение в изобразительном искусстве.

Едва ли Верещагин тогда подозревал, что вскоре и сам побывает на месте изображённых им событий и сможет убедиться, насколько точна и проницательна была его фантазия. Впоследствии он довольно подробно описал в своих путевых мемуарах и упомянутую площадку и другие достопримечательности Пятигорска, знакомые всем по лермонтовскому роману – Эолову арфу и Провал.

Летом 1863 года художник впервые совершил путешествие на Кавказ, во многом повторив маршруты поэта. Путь Верещагина лежал через Ставрополь, Георгиевск, Пятигорск и Владикавказ, а далее – по Военно-Грузинской дороге в Тифлис. Стоит упомянуть названия некоторых из рисунков этого времени, чтобы увидеть, как его впечатления во многом повторяют автора «Героя» и «Демона»: «Лезгинка», «Скачки на Кавказе», «Ананури», «Остатки замка царицы Тамары в ущелье Дарьяла».

Княжна Мери на прогулке.
Гравюра по рисунку
В.В. Верещагина. 1863 г.

Ещё одна глава в иллюстрировании лермонтовского романа связана с именем венгерского художника Михая Зичи. Молодым человеком он приехал в Петербург в 1847 году, и вскоре упорная работа принесла свои плоды: в апреле 1858 года Российская Академия художеств возвела Зичи в звание Академика акварельной живописи, а в следующем году художник был «пожалован в звание живописца Его Императорского Величества». В роли придворного художника он

служил трём русским царям и создал множество рисунков и акварелей, изображающих быт царской фамилии: парады, балы, спектакли и юбилей.

Зичи прославился как прекрасный иллюстратор. Он выполнил работы к «Слову о полку Игореве», «Бахчисарайскому фонтану» А.С. Пушкина и к повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», к поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» и многим другим произведениям русской и венгерской классики. И всё же главное место в его жизни безраздельно занял автор «Демона» и «Героя». По сведениям Лермонтовской энциклопедии, «первая попытка целостного осмысления творчества Лермонтова в изобразительном искусстве принадлежит именно Зичи. Всего им было задумано около 100 рисунков...»

Зарисовки, выполненные Зичи с натуры, сегодня особенно ценны для нас своей документальной точностью. Художественным итогом поездки стал вышедший в 1891 году в Петербурге альбом под названием «Живописное приложение к роману М.Ю. Лермонтова “Княжна Мери”». Он содержал две дюжины иллюстраций и краткое предисловие, где художник поведал о своих кавказских впечатлениях и истории создания этих работ.

Из наших современников, работающих в лермонтовской теме, назовём московского графика Сергея Владимировича Филенко, создавшего десятки ярких, душевно-пронзительных иллюстраций к Лермонтову. Путешествуя по предгорьям Кавказа, он сумел запечатлеть «виды всех примечательных мест». Здесь и Бештау, и Машук, улицы и окрестности южного городка, и грандиозный Эльбрус, и «цепи синих гор» на горизонте, которые воспел когда-то поэт.

Иллюстрации к «Герою», «Демону», «Мцыри», памятные лермонтовские места Пятигорья, ущелья и вершины Кавказа,

его древности и дороги – вот что находит воплощение в его удивительных, неповторимых твореньях. Кажется, что он владеет каким-то секретом: его работы всегда загадочны, и реальность в них как бы подёрнута дымкой. Может быть, никакого секрета здесь нет, просто перед нами то, что всегда называлось искусством. В иллюстрациях к «Герою» и «Демону» он создал целостный и гармоничный художественный мир лермонтовских произведений – создал его таким, каким увидел сам в своём воображении, как зрелый мастер и вдохновенный творец.

Примечания

¹ Мануйлов В. Летопись жизни и творчества М.Ю.Лермонтова. – М. – Л.: Наука, 1964. С. 82–83.

² Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. XI. – М.: Изд. АН СССР, 1956. С. 159.

³ Там же. С. 137.

⁴ М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1989. С. 250–251.

⁵ Кулешов В. И. К вопросу о достоверности «Воспоминаний Н.М. Сатина» // Проблемы изучения и преподавания творчества М.Ю.Лермонтова. – Ставрополь, 1991; М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1989. С. 554–555.

⁶ Андроников И.А. Лермонтов. Исследования и находки. – М.: Художественная литература, 1968. С. 339.

⁷ М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1989. С. 136.

⁸ Там же. С. 356–357, 328.

⁹ Белинский В. Г. Указ. соч. С. 508.

¹⁰ Белинский В. Г. Указ. соч. – 1955. Т. VIII. С. 118.

¹¹ М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1989. С. 487.

¹² Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. – Л.: Наука, 1978. С. 253.

¹³ Измайлов Н.В. Очерки творчества Пушкина. – Л.: Наука, 1975. С. 200.

***«Перед Пушкиным он благоговееет
и больше всего любит «Онегина»***

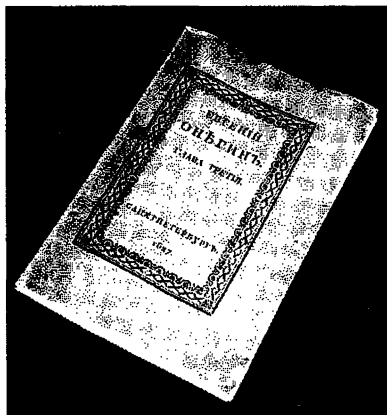
Елена Алева (с. Тарханы, Пензенская обл.)

Два века прошло со времени рождения М.Ю. Лермонтова и более 170 лет со дня его гибели. На протяжении этого времени находились люди, которые бережно хранили его рукописи, личные вещи. Но не все они дошли до наших дней. А то, что оказалось сбережённым, является бесценным достоянием музейных, архивных и книжных коллекций. Часть из них бережно хранится в музее «Тарханы». И каждая, словно мостик через реку жизни, связывает нас с уникальным поэтом. Расскажем об одной из реликвий – о первом отдельном издании третьей главы романа «Евгений Онегин» (С.-Петербург, 1827 г.).

Эту небольшую, размером 18 x 11,5 см, книжечку в мягком переплёте сероватого цвета подарил музею в 1978 году тарханский житель П.Я. Кузнецов. При этом он сообщил следующее: «...ведь у нас много было старого и интересного, что собирал мой дед Иван Иванович. Я днями сидел в амбаре на чердаке, копался в книгах, журналах и пожелтевших, изъеденных мышами газетах. Но с течением времени всё было разбазарено и уничтожено».

Опуская эмоции сотрудников заповедника, сразу предположивших, кому могла принадлежать книжка, поделимся с читателями результатами их исследований и тем выводом, к которому пришли, изучая возможные обстоятельства появления в Тарханах этого издания.

О том, что М.Ю. Лермонтов был одним из образованнейших представителей своей эпохи – факт известный. Любовь и потребность к чтению проявились у него ещё в пору тар-

Третья глава романа «Евгений Онегин», 1827 г.

ханского детства. Но, к сожалению, поэт не оставил нам, подобно Пушкину, своего «Городка». Но разнообразные следы прочитанного находим на страницах его юношеских произведений: понравившийся образ, запомнившаяся фраза, острый, выразительный сюжет.

О том, что у Лермонтова была личная библиотека, свидетельствовал его товарищ по Московскому университету

П.Ф. Вистенгоф. В своих воспоминаниях он рассказал о таком эпизоде. На репетиции к экзаменам профессор Победоносцев, читавший изящную словесность, задал будущему поэту какой-то вопрос. Лермонтов начал бойко и с уверенностью отвечать. Профессор сначала слушал его, а потом остановил и сказал: «Я вам этого не читал; я желал бы, чтобы вы мне отвечали именно то, что я проходил. Откуда могли почерпнуть эти знания?» – «Это правда, господин профессор, того, что я сейчас говорил, вы нам не читали и не могли передавать, потому что это слишком ново и до вас ещё не дошло. Я пользуюсь источниками из своей собственной библиотеки, снабжённой всем современным».

«Подобный ответ, – продолжал Вистенгоф, – дан был и адъюнкт-профессору Гастеву, читавшему геральдику и нумизматику».

Из-за отсутствия конкретных сведений можно только предположить, являлась ли эта библиотека наследственной или Лермонтов подобрал её сам в Москве. Бесспорно лишь то, что какую-то часть книг привезли из Тархан.

На образовании внука бабушка Елизавета Алексеевна Арсентьева не экономила. С раннего возраста он был обеспечен всем необходимым для всестороннего развития. На то, что в родной усадьбе в его пользование была не только учебная литература, но и художественная, свидетельствует тетрадка в голубом замшевом переплётё. Её подросток получил в подарок в на день рождения в 1826 году. В ней он записывал любимшие отрывки из сочинений Лагарпа, Сент-Анжа, переписывал поэмы А.С. Пушкина “Бахчисарайский фонтан” и “Шильонский узник” Байрона в переводе В.А. Жуковского.

Характеризуя эти записи, П.А. Висковатов, первый биограф Лермонтова, писал: “Здесь день идёт за днём, перед вами растёт читатель и поэт, и вы... видите, что он любил, как он любил, что имело на него сильное влияние, под влиянием каких писателей и направлений он находился”.

В Тарханах он читал немало и другого, по большей части немецкого, французского и английского. Бонна Ремер, гувер-

Родной дом М.Ю. Лермонтова

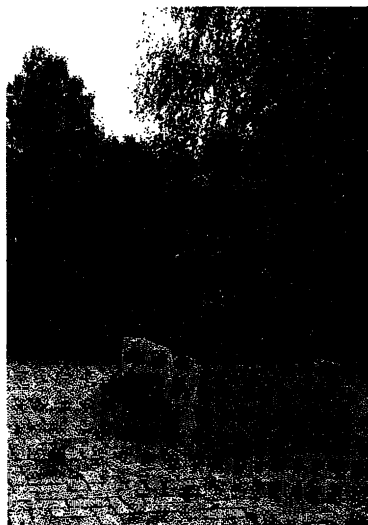
нёры Жан Капе и Жандро, а позднее Винсон могли познакомиться своего воспитанника с произведениями Ламартина, Шенье, Шекспира, Байрона, Мура, Вальтер Скотта, Шиллера.

Передавая в музей третью главу «Евгения Онегина», П.Я. Кузнецов и не подозревал, каким важным свидетельством тарханской юности поэта станет этот подарок.

Книга издана в 1827 году, когда Лермонтов уехал в Москву для подготовки к поступлению в Университетский благородный пансион. Летом 1828 года он снова в Тарханах, куда, верно, и привёз новое сочинение А.С. Пушкина. Так оно осталось в родной усадьбе, в которой впервые открылись сердцу любознательного мальчика стихи и поэмы великого поэта.

Случилось это после третьей поездки Лермонтова на Кавказ в 1825 году. С минеральных источников одиннадцатилетний подросток вернулся переполненный впечатлениями о «крае суровой свободы», но выразить их в полной мере на родном языке не мог – не хватало эпитетов. Сказалось постоянное общение с гувернёрами-иностранцами.

Юному Лермонтову помогли произведения Пушкина – его имя звучало в провинции так же громко, как и в столицах. Не только поэма «Бахчисарайский фонтан» стояла на полке в шкафу красного дерева. Была и другая – «Кавказский пленник». Она стала для подростка открытием в мир русской поэзии, а выразительные средства автора, его богатый эпи-

Памятник М.Ю. Лермонтову
на Тарханской усадьбе

тетами родной язык оказались созвучны его собственным впечатлениям. С этого времени Пушкин стал для Лермонтова литературным кумиром, а его творчество — тем эталоном, к которому он сам стремился.

Пожалуй, такое «благоговейное» отношение помешало Лермонтову познакомиться с любимым поэтом. Вероятнее всего, он не хотел быть представленным ему лишь поручиком элитного лейб-гвардии гусарского полка. Он, автор более четырёхсот стихотворений и 30 поэм, до 1837 года ничего не печатал, настолько был взыскателен и строг к своему творчеству. Уважая мнение будущего читателя, медлил и ждал, когда напишет такое произведение, которое поставит его вровень с поэтическим кумиром и даст право назвать себя поэтом. Написанное к 25-летию Отечественной войны 1812 года стихотворение «Бородино» стало первым произведением, под которым молодой автор поставил свою фамилию и отнёс в пушкинский «Современник». Но прочесть его Пушкин не успел. «Судьбы свершился приговор» двумя месяцами раньше публикации — в январе 1837. Громко, во весь голос, заступаясь за честь убитого поэта, Лермонтов тогда ещё не смел и думать, что уже скоро его по праву назовут его литературным преемником.

Но на этом история несостоявшегося знакомства двух гениев русской поэзии не закончилась. В 1839 год Лермонтов был представлен Н.Н. Пушкиной, но долгое время не вступал в серьёзный разговор, а только в пределах светских правил обменивался ничего не значащими фразами.

Ситуация, мучавшая Наталью Николаевну, прояснилась только в апреле 1841, когда Лермонтов получил неожиданное предписание в 48 часов покинуть Петербург и отправиться на Кавказ. Друзья поэта собрались в доме С.Н. Карамзиной, старались его отвлечь от дурных предчувствий весёлой бесе-

дой. Он же, неожиданно для всех, «завладел освободившимся местом» возле Пушкиной. В завершении их долгой и, как отметили присутствующие, сердечной беседы Лермонтов признался: «Когда я только подумаю, как мы часто с Вами здесь встречались! ... Сколько вечеров, проведённых здесь, но в разных углах! ... Я видел в Вас неприступную холодную красавицу, готов был гордиться, что не подчиняюсь общему здешнему культу, и только накануне отъезда надо было мне разглядеть под этой оболочкой женщину, постигнуть её обаяние искренности, чтобы унести с собой вечный упрёк в близорукости, бесплотное сожаление о даром утраченных часах ... Когда я вернусь, уже никто не сможет помешать посвятить вам ту беззаветную преданность, на которую я чувствую себя способным». Их прощание было самым душевным, а Наталья Николаевна позже призналась в том, что с гибелью Лермонтова лишилась близкого ей человека. Рассказывая об этом дочери, она добавила: «Но мне радостно думать, что он не дурное мнение обо мне унес в могилу».

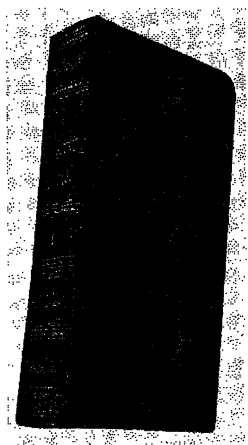
...Так небольшая, чудом сохранившаяся, книжечка много лет назад купленная поэтом в книжкной лавке, приоткрыла ещё несколько страниц жизни гениального поэта.

После смерти Елизаветы Алексеевны в 1845 она ещё долго стояла среди книг “в запертом красного дерева со стёклами шкафу”. В 1905 году “Пензенские губернские ведомости” писали, что, по словам жены управляющего, “дом отремонтировали и все комнаты переделаны, а вещи все уничтожены и увезены”. Из того, что подлежало уничтожению, тарханский крестьянин Иван Иванович Кузнецов сумел взять только одну эту книжку и берёт её “пуще глаза, что завещал и своей семье”. И внук его не подвёл...

Книжные реликвии музея-заповедника «Тарханы»

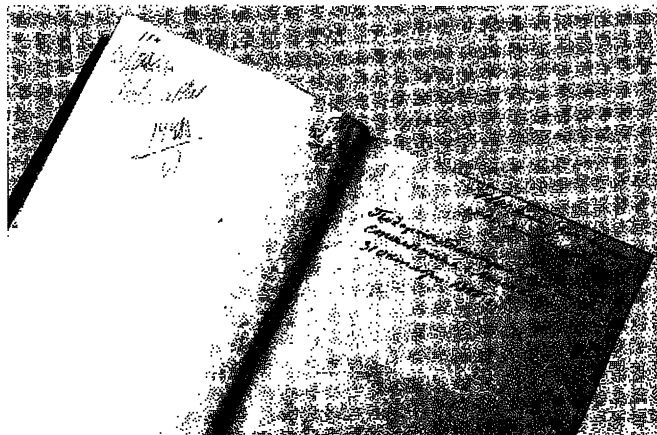
**Елена Алева, Татьяна Коляян
(с. Тарханы, Пензенская обл.)**

При научной обработке исторической коллекции книжного фонда заповедника «Тарханы» была выявлена книга “Voyages du professeur Pallas, dans plusieurs provinces de l’empire de Russie et dans L’Asie septentrionale”¹, изданная в Париже во время II республики (1793 г.), хранящаяся в музее с 1971 года. Блок книги в твёрдом переплёте с бумажным покрытием красного цвета, на корешке – фамилия автора и номер тома. Форзацы разноцветные, на левой стороне верхнего – приклеен цветной сюжетный экслибрис с надписью “Из книг графа С.Д. Шереметева”. На экслибрисе изображён боярский мальчик, читающий свиток, за его спиной полки с книгами, а рядом на столе развернутый свиток с гербом рода Шереметевых. Внизу экслибриса указано имя его автора: “Елиз<авета> Бем”. Здесь же указан номер книги – 354 и место её в библиотеке: шкаф CLXVII, полка 4.

Блок книги
“Путешествие
профессора Палласа”

Автор книги, Пьер-Симон Паллас (1741–1811), знаменитый немецкий путешественник и натуралист, в 1760-х годах был приглашён Екатериной II в Россию в качестве адъюнкта академии наук и коллеги ассессора. В 1777 г. он был назначен членом топографического отдела Российской империи, в 1787 г. – историографом адмиралтейской коллегии. По поручению Екатерины II Паллас предп-

Автограф Д. А. Столыпина

ринял несколько путешествий по России, изучая местности как зоолог-ботаник, географ, медик, этнограф, археолог, филолог, даже сельский хозяин и технолог. Результаты этих поездок были описаны в его многочисленных книгах, среди которых почётное место занимает и “Путешествие по разным провинциям Российской империи и северной Азии”².

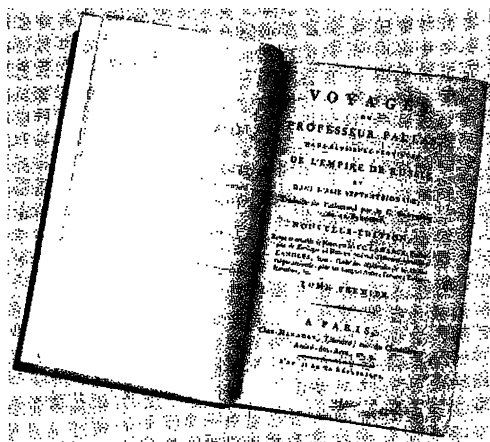
На фронтисписе книги Палласа привлекают внимание три дарственные надписи. Первые две сделаны орешковыми чернилами по-французски: “1841 подарена Верой”, “1845 подарена Екатериной”. Ниже надпись чёрными чернилами по-русски: “Подарок Дмитрия Аркадьевича Столыпина. Москва 31 октября 1888 г.”

Судя по этим надписям, выстраивается определённая владельческая история этой книги.

Предпоследний владелец “Путешествия профессора Палласа...” Дмитрий Аркадьевич Столыпин по родству приходился двоюродным дядей М.Ю. Лермонтову, хотя был моложе поэта на четыре года: его отец, Аркадий Алексеевич Столыпин, был родным братом бабушки Лермонтова Е.А. Арсеньевой.

Аркадий Алексеевич сделал замечательную карьеру: тайный советник, обер-прокурор Сената он дослужился до звания сенатора. Его продвижению по службе, видимо, способствовала и удачная женитьба на дочери члена Государственного Совета Н.С. Мордвинова. Издатель “Русского архива” П.А. Бартенев писал о нём: “Столыпин, зять Н.С. Мордвинова, один из благороднейших и видных людей Александровского царствования. В обществе и Сенате, где он служил обер-прокурором и впоследствии сенатором, Столыпин памятен прямою характера, гражданскою честностью и деятельною любовью к добру. Он горячо принимал к сердцу все главнейшие вопросы своего времени”³. А.А. Столыпин был дружен с М.М. Сперанским, в его доме бывали А.С. Грибоедов, К.Ф. Рылев и многие замечательные люди его времени.

У Аркадия Алексеевича и Веры Николаевны Столыпиных было семеро детей: Николай (1814–1884), сделавший карьеру на дипломатическом поприще, Алексей (1816–1858), известный как друг М.Ю. Лермонтова и секундант на его обеих свадьбах, Дмитрий (1818–1893) – о нём речь впереди, Александр

Титульный лист издания

(1823–1839), умерший ребенком, и их сестры: Мария (1819–1889), Вера (ок. 1820–1853) и Екатерина (1824–1895).

Лермонтов прекрасно знал всех Столыпиных. В Петербурге в 1830-е гг. он бывал в доме Н.С. Мордвинова на Театральной площади, где жили после смерти родителей дети А.А. и В.Н. Столыпиных. Большой любитель книг Лермонтов, возможно, не раз пользовался замечательной библиотекой этой семьи.

Первой владелицей “Путешествия профессора Палласа...” была Вера Аркадьевна Столыпина, в замужестве княгиня Голицына, которая в 1841 г. подарила эту книгу своей сестре Екатерине Аркадьевне, в замужестве Кочубей. Спустя четыре года Екатерина передала книгу брату Дмитрию.

Все три дарственные надписи, имеющиеся на книге Палласа, сделаны, видимо, не дарителями, а теми, кому книга была подарена.

Дмитрий Аркадьевич Столыпин, по его собственному признанию, будучи близким родственником М.Ю. Лермонтова, входил в интимный кружок его друзей, которые “знали все его шаги в свете, все шалости и увлечения, знали каждый день его жизни: где он был, что делал и даже с кем и что говорил он. Михаил Юрьевич сообщал нам свои мысли и предположения, делился с нами своими тревогами и сомнениями”, – писал он. Д.А. Столыпин называл себя живым свидетелем “тех немногих ясных дней, когда Михаил Юрьевич озарял и наполнял собою общество”⁴.

Как Лермонтов и старший брат Алексей (по прозвищу Монго), Дмитрий Аркадьевич закончил Школу кавалерийских юнкеров и гвардейских подпрапорщиков, но, не имея призвания к военной службе, а напротив, будучи убежден, что военная служба “излишняя” в мирное время, спустя три года после определения в офицеры вышел в отставку. Однако, не противореча своим убеждениям, когда началась Крымская вой-

на, Дмитрий Аркадьевич вновь вступил в полк и принял участие в обороне Севастополя⁵. Там он познакомился с А.Н. Толстым, который 10 июня 1855 г. записал в своём дневнике: “Болтал о политической экономии с Д. Столыпиным. Он не глуп и добр”⁶.

Дмитрий Аркадьевич был человеком независимых взглядов и разнообразных увлечений, самыми большими из которых являлись музыка, философия и сельское хозяйство. Он был не только страстным любителем музыки, но и пробовал себя в композиторской деятельности, ему принадлежат два романса на стихи М.Ю. Лермонтова: “Два великана” и “Люблю тебя нездешней страстью...” (из “Демона”). После окончания Крымской войны Д.А. Столыпин снова вышел в отставку, чтобы заняться науками, и уехал за границу. Там он прожил несколько лет, изучая философию, и стал убеждённым сторонником философии позитивизма, изложенной в трудах Огюста Конта. По определению самого Д. Столыпина, “главная идея Огюста Конта заключается в представлении науки, как составляющей одно целое; представление, зиждящееся на положении об естественном совпадении неорганического мира с основными законами органических и общественных явлений”⁷. Вернувшись на родину, он пытается найти практическое применение идеям Конта, занявшись устройством жизни и быта крестьян в столыпинских имениях.

Изучая экономику сельского хозяйства, Д.А. Столыпин пришёл к выводу, что крестьянская община с её круговой порукой задерживает переход крестьян к более рациональному и интенсивному хозяйству и выдвинул идею арендного хуторного хозяйства. Для практического воплощения этой идеи Дмитрий Аркадьевич организовал арендные хутора в своих собственных наследственных поместьях: в селе Нагаеве Инсарского уезда, деревне Ночка Городищенского уезда Пен-

зенской губ., в селе Мордвиновке Бердянского уезда Таврической губ., а также в поместьях двоюродного брата Алексея Афанасьевича Столыпина: в селе Тарханы Чембарского уезда Пензенской губернии, в селе Нееловке и деревне Алешкине Саратовской губернии (имениями А.А. Столыпина Дмитрий Аркадьевич заведовал как опекун тяжело больного брата). Результаты хозяйственного эксперимента Дмитрий Аркадьевич изложил в очерке 1893 г. “Об устройстве арендных хуторов на владельческих землях и крестьянском хозяйстве вообще (Из сельскохозяйственной практики)”. В этом очерке цель устройства арендных хуторов “на дальних полях или же на относительно худшей земле имения” автор определил так: “возвышение получаемых доходов через увеличение и упрочнение урожаев, а также создание состоятельных крестьянских хозяйств”⁸. Результаты хозяйственной деятельности на хуторах Дмитрия Столыпина были столь хороши, что идею хуторного хозяйства позднее взял на вооружение, развил и начал претворять в жизнь уже в масштабах России Петр Аркадьевич Столыпин, премьер-министр при Николае II, – двоюродный племянник Дмитрия Аркадьевича.

Любопытно, что в селе Тарханы, “отчизне” М.Ю. Лермонтова, идея арендных хуторов не сразу пришлась ко двору коренным тарханцам. Здесь, видимо, сыграло свою роль умное хозяйствование предшественника Дмитрия Аркадьевича, его дяди Афанасия Алексеевича Столыпина, наследника Е.А. Арсеньевой, который в 1850 г. перевёл из Тархан 33 семьи (100 душ мужского пола) в Саратовскую губернию, основав сельцо Новые Тарханы⁹. Благодаря этому, даже в 1878 г., когда в Тарханах организовывались хутора, малоземелья у тарханцев ещё не ощущалось.

Д.А. Столыпин писал: “В селе Тарханы (Пензенской губернии Чембарского уезда) охотников из своих крестьян не

оказалось, а поэтому земля была сдана крестьянам одной из соседних деревень¹⁰, имения столь малозначительного, что крестьяне остались при одних усадьбах. Земля им была дана из половины урожая. Земля эта самая худшая в Тарханской даче, не менее того при хуторском пользовании и требовании в условии от экономии брать на своё поле экологический навоз (собственная экономическая запашка всего 15 десятин), земли эти настолько поправились, зерно, получаемое с хуторов, оказалось столь высокого качества, что оно идёт на посев остальных полей, сдаваемых из половины урожая деревенским крестьянам”.¹¹

Таким образом, судьба родственника и друга М.Ю. Лермонтова Дмитрия Аркадьевича Столыпина во второй половине XIX века оказалась связана с Тарханами — лермонтовской “отчизной” (по слову поэта: “По мне отчизна только там / Где любят нас, где верят нам”). Незадолго до своей смерти Дмитрий Аркадьевич завещал тарханской церкви Михаила Архангела небольшой капитал (сто рублей серебром) на помин души¹². Он умер в декабре 1893 г.

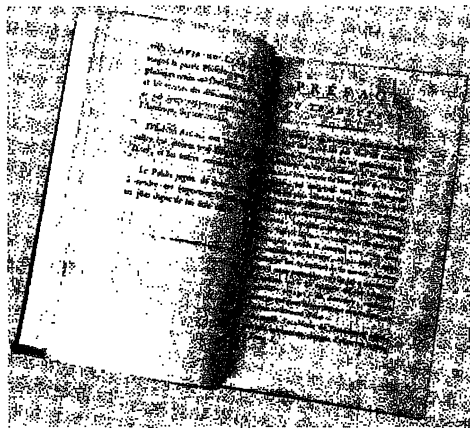
Должно быть, не случайно во второй половине XX века судьба привела в Тарханы и подлинный живописный портрет Дмитрия Аркадьевича Столыпина, выполненный неизвестным художником в 1860-х гг.

Дмитрий Аркадьевич женат не был. На склоне лет он был любим и почитаем как старшина рода среди многочисленной родни. С большим уважением к нему относились и в семье Сергея Дмитриевича Шереметева (1844—1918).

Сергей Дмитриевич был женат на племяннице Д.А. Столыпина Екатерине Павловне Вяземской, внучке поэта П.А. Вяземского (дочери Марии Аркадьевны Столыпиной-Вяземской).

Род графов Шереметевых хорошо известен в русской истории. Сергея Дмитриевича по праву называют подвижником

русской культуры, бескорыстному служению которой он отдавал и знания, и энергию, и материальные средства. Он был председателем “Общества любителей древней письменности”, членом Русского археологического общества в Константинополе, Псковского археологического общества, почётным членом Академии художеств. Им опубликовано более 250 научных трудов исторического характера, исследований и бытовых очерков о старой Москве и Подмоскovie. В любимом имении графа селе Михайловском Московской губернии была собрана уникальная библиотека, способная удовлетворить, по собственному выражению графа, “самые разнообразные вкусы и стремления”¹³. Свою библиотеку Сергей Дмитриевич начал собирать ещё с юности, позднее она включила в себя библиотеки родителей и родственных семей. В 1880-х годах, когда Д.А. Столыпин подарил Сергею Дмитриевичу книгу “Путешествие профессора Палласа...”, в шереметьевской библиотеке насчитывалось уже более 11000 томов самого разнообразного содержания. “В добротных шкафах красного дерева (каждому разделу соответствовал шкаф) хранились кни-

Страница книги немецкого путешественника и натуралиста

Таким образом, книга “Путешествие профессора Палласа...”, бытовавшая в начале XIX века в семье близких родственников М.Ю. Лермонтова Столыпиных и подаренная в конце XIX века Д.А. Столыпиным С.Д. Шереметеву, в настоящее время стала ещё одной реликвией музея-заповедника “Тарханы”.

Вероятно, собрание старинных книг музея “Тарханы” таит в себе ещё немало любопытных историй¹⁵.

Примечания

¹ Путешествие профессора Палласа по разным провинциям Российской империи и северной Азии. Том первый.

² Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. Т. XXII^а. СПб., 1897. С. 641, 642.

³ Русский архив. 1869 (10). С. 1681-1682.

⁴ М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 207.

⁵ Русский биографический словарь. СПб., 1909 / Репринтное воспроизведение. М., 1999. С. 437–438.

⁶ Цит. по кн.: Т. Иванова Посмертная судьба поэта. М., 1967. С. 16.

⁷ Диалог времён. Арендные хутора. Д.А. Столыпин: Сб. статей / Сост. А.Ф. Ковлягин. Пенза, 1997. С. 43-44.

⁸ Цит. по кн.: Диалог времён. Как нам обустроить крестьянскую жизнь? От Александра II до М. Горбачёва / Сост. А.Ф. Ковлягин. Пенза, 1997. С. 157.

⁹ ГАПО, ф. 60, оп. 4, д. 389, л. 719 об. – 724 об.

¹⁰ Деревни Крюковки.

¹¹ Диалог времён. Как нам обустроить крестьянскую жизнь? С. 159.

¹² Т. Кольян. Храмы, причт и приход села Тарханы (сер. XVIII– 1992 гг.) //Пензенский временник любителей старины. Пенза, 1994. С. 22.

¹³ О. Шевелева, Ю. Савельев. Михайловское //Дворянские гнезда России. М., 2000. С. 135–136.

¹⁴ Там же.

Необычная находка

Валерий Покатов (г. Москва)

Во время короткого отдыха я часто снимаю с книжных полок издания, вызывающие приятные ассоциации и воспоминания, доставляющие эстетическое удовлетворение своей логической выстроенностью, продуманностью художественного конструирования и мастерством полиграфического исполнения. Значительно процесс восприятия книжного предмета и внутрикнижного пространства активизируется, когда книга содержит талантливо выполненные элементы графического убранства: иллюстрации, заставки, концовки, инициалы и т.д.

На моём столе лежит книга И.Шарля де Костера «Легенда об Уленшпигеле» с иллюстрациями Ф.Д. Константинова. Книга имеет автограф дочери художника, Екатерины Фёдоровны, которая подарила мне это издание в память моей дружбы с Фёдором Денисовичем. Я люблю константиновские гравюры, эти своеобразные поэмы необыкновенного мастерства, демонстрирующие уникальные высокие достижения ксилографа, редкие даже в мировом масштабе и по праву являющиеся гордостью нашей национальной культуры. Мне доставляет особое наслаждение внимательно рассматривать их и как самостоятельные листы, и в книге, в окружении шрифтового набора, когда штрихи гравированного сюжета взаимодействуют с графикой букв, и, более того, со смысловой стороной повествования, создавая особую гармонию и целостность книжного организма, в полной мере понятную только искусённому созерцателю. В этом издании иллюстрации воспроизведены с авторских досок. Конечно, при такой технологии

при многотысячном тираже доски приходят в непотребное состояние, но эта жертва является вполне оправданной. Я люблюсь необыкновенной серебристой декоративностью резьбы, крупной волевой гравировкой, где каждый штрих положен в нужное место и где отсутствует штриховая солома, которая появляется там, где нет ясности замысла, точности видения и ощущения цельности конечной творческой задачи.

Мне в такие минуты видится сам художник, склонённый над своей работой, освещённый мягким направленным лучом настольной лампы, виртуозно рассекающий штихелем поверхность доски, штрих за штрихом освобождающий рисунок своей композиции от чёрного плена зеркальной плоскости. Много светлых минут связано в моей жизни и творчестве с этим невероятно одарённым мастером и необыкновенно благородным человеком.

Имя Народного художника СССР Фёдора Денисовича Константинова широко известно библиофилам и коллекционерам графики, не только в нашей стране, но и в мире. Его творчество, особенно циклы гравированных иллюстраций к Шекспиру, Шарлю де Костеру, Мицкевичу, Пушкину, Лермонтову, Достоевскому, Есенину, соизмеримо с классикой. Собственно, они классикой и являлись по мастерству исполнения, по глубине проникновения в миры литературных шедевров, по оригинальности творческой интерпретации и художественности образов.

Достаточно много поклонников появилось у него на родине торцовой ксилографии в Англии после того, как он проиллюстрировал книгу Джеффри Чосера «Кентерберийские рассказы». Произошло это в 1943 году, когда наши союзники, видя, что мы и без них сможем покончить с германским фашизмом, решили, наконец-то, открыть второй фронт. Вот к этому знаковому событию, ожидаемому нашей сражающейся,

Худ. Ф.Д. Константинов
Ксилография

истекающей кровью страной и решено было сделать подарок британской культуре. В тяжелой обстановке военного времени, в нетопленной квартире, при семи градусах мороза, всего за полтора месяца полуголодный художник совершает поистине творческий подвиг. Он создаёт 90 превосходных гравюр, которые изумили британскую интеллигенцию. Через несколько лет после этого цикла Л. Уорд в своей статье писал:

«То, что 90 гравюр были закончены, то, что они так полно показывают достоинства Чосера, а вовсе не невероятные трудности войны, — есть особый триумф Константинова».

Судьбе было угодно познакомить меня с этим удивительным человеком и художником. Ранее его творчество я знал только по выставкам, книгам, публикациям, графический язык константиновских гравюр воспринимал как необыкновенно близкий мне по стилистике, фактуре, по какому-то особому энергетическому духовному коду, благодаря которому распознаётся родственное среди огромной массы чужого.

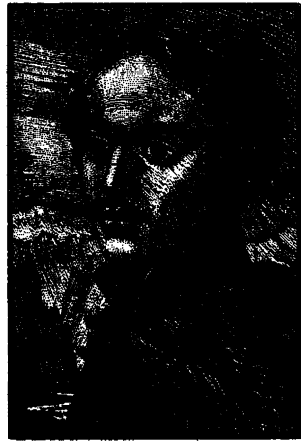
Издательство «Современник» выпускало в то время роман «Вечный зов» Анатолия Иванова, и по просьбе автора иллюстрировать это произведение должен был Ф.Д. Константинов. Мне поручили встретиться с художником и уговорить его, на любых условиях, оформить эту книгу. Проект шёл непросто, но, в конце концов, после ряда непредвиденных ситуаций и остановок был благополучно завершён. С этого времени зародилась наша дружба, светлые страницы которой до сих пор

перелистываются в моей памяти как лирические новеллы. Я приходил в его творческую лабораторию, чтобы посмотреть гравюры, послушать потрясающе интересные истории об ушедших известных мастерах или просто подышать насыщенной романтической атмосферой, в которой творил живой классик.

В последние годы жизни Фёдора Денисовича я часто помогал ему печатать гравюры, в том числе, иллюстрации к Чосеру с досок, награвированных в 1943 году. Оттиски предназначались для музеев, коллекционеров, библиофильских изданий, куда они затем вклеивались.

Не имея заказов в дикие 90-е годы, он работал над эскизами двухцветных гравюр к произведениям Тургенева, готовясь уже перенести эти рисунки на приготовленные доски. Но тут выяснилось, что реализовать этот проект невозможно: издание Тургенева с гравюрами Константинова никому не нужно. Это был приговор бесовского, преступного, смутного времени традиционному русскому искусству. Фёдор Денисович загрузил, но продолжал работу. Его вообще трудно было заставить изменить свои намерения.

Года за полтора перед тем, как ему предстать перед Всевышним, во время очередной нашей встречи в его мастерской он с какой-то торжественной грустью произнёс: «Валерий Владимирович, видите вот ту коробку в углу, знаете, что в ней?» Конечно, я знал, что в ней были доски для гравюр, которые он намеревался исполнить. Для любого гравировальщика они являлись дефицитнейшим, ценнейшим мате-

Худ. Ф. Д. Константинов
Ксилография, 1964 г.

Гравюра В.В. Покатова
по рисунку Ф.Д. Константинова

риалом, своеобразным сокровищем. Но растерянный этим необычным тоном и непонятным смысловым поворотом, я молчал. Мастер, между тем, продолжал: «Там лежат доски, я решила их отдать Вам, можете их забрать в любое время, хоть сейчас». Я взмолился: «Бог с Вами, Фёдор Денисович, они Вам самому пригодятся. Вы ещё нагавируете на них что-нибудь великое. Я их не возьму, заявляю категорически». «Берите, берите, это решено, можете за несколько раз увезти, можете сразу, они тяжёлые».

Константиновские доски я не взял, хотя при каждом посещении великого художника, он мне настоятельно предлагал их увезти. Понимая, насколько это трепетная тема, ДОСКИ, я не мог, не имел права их брать, трогать потаённые струны слабеющего художника, теряющего творческую работоспособность, но не привыкшего сдаваться в любых ситуациях.

Вскоре, его не стало, не стало ещё одного близкого мне человека, невероятно одарённого, редкого типа одержимых русских людей, художника, отдававшего всего себя без остатка служению творчеству, прекрасного рассказчика, удивительного душевного друга.

Про доски я, конечно, забыл, несколько не сожалел, что их в моём художественном фонде нет. Но коробка та, всё-таки, оказалась у меня. Её мне передали родственники Фёдора Денисовича, через его дочь, художницу Екатерину Фёдоровну, наследницу и хранительницу его мастерской, где создавались

многие шедевры. Эта коробка стоит сейчас у моего рабочего стола.

Я знал, что в ней лежит, но когда стал перебирать её содержимое, обнаружил кое-что неожиданное. Там оказались несколько досок от журнала «Нива», старые доски для репродукционной гравюры довоенного времени. А ещё там лежал небольшой самшптовый брусочек, покрашенный чёрной краской. Когда стал внимательно всматриваться в её чёрную холодноватую вуаль, сквозь полу-

Худ. В.В. Покатов
Ксилография, 2014 г.

прозрачную отполированную, подготовленную для работы поверхность стали проступать очертания рисунка. В нём угадывались черты М.Ю. Лермонтова.

Я был чрезвычайно поражён, растерян, шокирован, заинтригован, потрясён этим фактом. Как это вообще могло случиться, что художник не стал гравировать образ любимого поэта? Взрывной, стихийный, азартный, он в эмоциональном творческом порыве мог награвировать сложнейшие вещи буквально за одну ночь, а тут Лермонтов, любимый поэт, иллюстрирование произведений которого заняло большой период творческого служения искусству. Непостижимо! Я и сейчас не могу этого объяснить, как в самые плодотворные годы художник мог отложить готовую тему, к которой всегда относился с необычайным трепетом.

Много всевозможных мыслей по этому поводу прошло через моё сознание, прежде чем неожиданно возник крамольный вопрос: «А что если мне завершить этот портрет?» Заканчивал же Фёдор Денисович мой первый портрет Пушкина, а

в конце работы сам сделал отпечаток с доски? Правда, он специально не касался штихелем лица поэта, сказав: «Это уж Ваше...». Но мизансцену всю осветлил, особенно небо. Это было для меня прекрасным уроком, равным целому курсу института. Почему бы и мне теперь не закончить его портрет Лермонтова?

С этими мыслями я сел за рабочий стол, взял штихель, и стал внимательно всматриваться в мутновато-тёмную магическую поверхность доски, с которой, словно из иного времени и пространства, из глубины константиновского космоса романтично и интригующе стал проявляться рисунок любимого мастером великого поэта. Рисунок то терял свои очертания, то приобретал резкость, то вновь расплывался, плавился в мутноватом тумане полупрозрачного лессировочного покрытия, приглашая очистить его и освободить от полувекового, тёмного плена...

PS. У меня не хватило мужества и наглости сразу вонзить острие резца в эту романтическую поверхность. Возможно, так же в своё время не хватило какого-то аргумента перед началом работы у самого Константинова. Я решил отложить на время гравирование и поосновательней познакомиться с иконографией, литературным наследием и характером самого М.Ю. Лермонтова, этой великой и трагической русской личностью.

Сводный каталог лермонтовских материалов в собрании ИРАИ РАН

Лариса Агамаян (г. Санкт-Петербург)

В год 200-летия со дня рождения М.Ю. Лермонтова ИРАИ РАН при поддержке РГНФ подготовил к изданию новую версию каталога лермонтовских материалов из собраний Литературного музея и Рукописного отдела.

Крупнейшее в России собрание лермонтовских материалов Пушкинского Дома имеет исключительное историко-культурное значение и высочайшую музейную ценность. Оно включает автографы поэта, документы, касающиеся его биографии; исключительную по полноте иконографию М.Ю. Лермонтова и живописные полотна и рисунки, им исполненные; принадлежавшие поэту вещи; портреты его родных и лиц из ближайшего окружения; виды лермонтовских мест, богатейшее собрание иллюстраций к сочинениям Лермонтова и др.

В основе собрания – коллекции знаменитого Лермонтовского музея, созданного при Николаевском кавалерийском училище (бывшей Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров) в 1881 г. по инициативе директора училища генерала А.А. Бильдерлинга. Музей был открыт в ноябре 1883 г. Открытие сопровождалось изданием каталога. Исключительная ценность собрания заключается в том, что многие материалы поступали от людей, так или иначе связанных с поэтом: его товарищей, родственников и знакомых, а также биографов и исследователей творчества Лермонтова.

В 1917 г., в связи с упразднением училища, собрание музея было почти полностью передано в Пушкинский дом Академии наук. В последующие годы коллекция постоянно пополнялась. Первый опыт создания сводного каталога лермонтовс-

кого собрания был предпринят сотрудниками Пушкинского Дома в 1953 г. в рамках серийного издания «Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского дома»: Том 2. «М.Ю. Лермонтов» включал 65 описаний рукописей и 747 описаний изобразительных материалов и мемориальных предметов из Литературного музея.

В каталог были включены далеко не все материалы, поступившие в Пушкинский дом из Лермонтовского музея. Чем был обусловлен отбор составителей издания 1953 г., сегодня трудно объяснить. В Описание не вошли материалы, которые, по мнению составителей, были больше связаны с другими писателями и должны были быть учтены в отдельных предлагавшихся, но так и не осуществлённых по разным причинам изданиях.

Новый сводный каталог лермонтовских материалов Пушкинского Дома сохранил в значительной части структуру Описания 1953 года и включает:

1. Рукописные материалы: автографы, авторизованные копии, списки произведений Лермонтова, документы к его биографии.
2. Художественное наследие Лермонтова: живописные и графические работы поэта.
3. Мемориальные вещи Лермонтова.
4. Портреты Лермонтова.
5. События и сцены, связанные с биографией поэта.
6. Портреты родных и лиц из окружения М.Ю. Лермонтова.
7. Виды мест, связанных с биографией и творчеством поэта.
8. Материалы по увековечению памяти М.Ю. Лермонтова (в хронологии создание проектов и установке памятников, юбилейные торжества).
9. Иллюстрации к произведениям М.Ю. Лермонтова. Ноты на стихи поэта.

В отличие от издания 1953 г., изобразительные материалы внутри каждого раздела расположены по техникам, что облегчает поиск информации и соответствует принятым сегодня описаниям:

1. Живопись
2. Скульптура
3. Оригинальная графика
4. Печатная графика
5. Фотографии

Новая версия каталога значительно расширена. Введение новых материалов обусловлено включением в каталог всего собрания изобразительных материалов, поступивших из Лермонтовского музея и несущих на себе его ярлык; материалов, поступивших после 1953 г., а также вновь выявленных материалов, относящихся к Лермонтову. Так, в частности, выход в свет в 1981 г. «Лермонтовской энциклопедии» значительно расширил круг лиц, общение которых с Лермонтовым зафиксировано в том или ином документе.

Уточнены многие атрибуты изобразительных источников: авторство, даты и обстоятельства их создания. Расширены комментарии, касающиеся происхождения материалов. Так, впервые публикуется «Дело о составлении Лермонтовского музея»: аннотированная опись переписки А.А. Бильдерлинга за 1880–1888 гг., представляющая материалы по истории Лермонтовского музея при Николаевском кавалерийском училище и отдельных предметов, их происхождения, бытования, времени и обстоятельств поступления в музей.

Приложения к каталогу включают: аннотированный словарь художников; алфавитный указатель изображённых лиц; алфавитный указатель лиц, упоминаемых к тексту.

Каталог сопровождается большим количеством цветных иллюстраций.

*«Итак, блуждаем мы среди иллюзий...»¹:
(к 450-летию со дня рождения Уильяма Шекспира)*

Елена Горская (г. Москва)

Уже много лет в десятку самых дорогих книг мира входит так называемое «Первое фолио» Шекспира – книга, вышедшая в 1623 году, спустя семь лет после смерти знаменитого драматурга. Первое собрание пьес «Комедии, хроники и катастрофы. Написано с чётких и подлинных текстов» издали его друзья-актёры труппы Шекспира Джон Хемингс и Генри Конделл. В это издание вошли 36 пьес Шекспира – все, кроме «Перикла» и «Двух знатных родичей». Именно это издание лежит в основе всех исследований в области шекспироведения. Тираж книги составил 750 экземпляров, около трети из них сохранились до наших дней в неполном объёме. Но любое появление в продаже «Первого фолио» – всегда сенсация! Кто же он – Уильям Шекспир, что будоражит умы человечества не один век?

Один из самых знаменитых и загадочных драматургов, автор трагедий, комедий и цикла сонетов – Уильям Шекспир признан величайшим писателем мира. Правда, для современников известность его ограничивалась небольшим кругом любителей театрального действия, а некоторые и вовсе считали Шекспира плодом коллективного сотрудничества представителей лондонской аристократии.

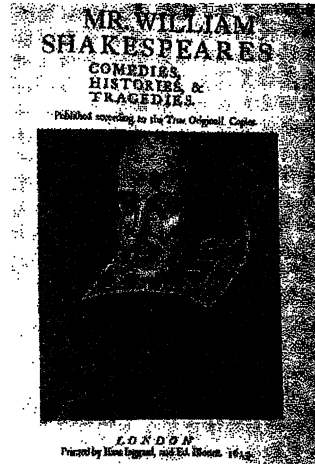
Существуют различные взгляды на личность и биографию Шекспира. Основным научным течением, поддерживаемым большинством исследователей, является сложившаяся на протяжении нескольких столетий биографическая традиция, согласно которой Уильям Шекспир родился в городе Стратфорде-на-Эйвоне (графство Уорикшир) в состоятельной, но не дво-

рянской семье и был членом актёрской труппы Ричарда Бёрбеджа. Данное направление изучения Шекспира получило название «стратфордизм».

По исследованиям стратфордизмов, частично подтверждённым документальными источниками, Уильям Шекспир появился на свет 23 апреля в 1564 году. Так как родители Шекспира потеряли двух дочерей, умерших во младенчестве, то сын-первенец стал предметом неусыпной заботы. Его отец, Джон Шекспир, – состоятельный ремесленник (по некоторым данным, перчаточник) и ростовщик, часто избирался на различные общественные должности, один раз даже на должность мэра города. Будучи тайным католиком, он не посещал церковные службы Престола Кентерберийского, откупаясь большими денежными штрафами. Мать Шекспира, урождённая Арден, принадлежала к одной из старейших английских фамилий.

В 1569 году его отец, как мэр Стратфорда, пригласил две актёрские труппы: «Слуг Е.В. Королевы» и «Слуг графа Вустера», которые давали представления в городской ратуше и в гостиных дворах. Маленький Уильям тогда впервые увидел театр.

Когда Шекспиру исполнилось 13 лет, благополучие семьи пошатнулось. Джон Шекспир потерял земли своей жены. Так как не сохранилось никаких документов того периода, то сложилось много легенд, связанных с ранними годами Шекспира. Самая известная из них – про браконьерство. Юного Шекспи-

“Первое фолио”
У. Шекспира, 1623 г.

ра, которому «слишком не везло в охоте на оленя и кролика», часто ловили и пороли и даже сажали в тюрьму.

Но к 18 годам Шекспир остепенился и женился на Анне Хатауэй, дочери местного помещика, бывшей на восемь лет его старше. Анна была ко времени женитьбы на четвёртом месяце беременности, и в 1583 году у них родилась дочь Сюзанна.

Через какое-то время после свадьбы, около 1587 года, Шекспир покинул Стратфорд и переехал в Лондон. Возможно, он бежал от несчастливому браку. Путь в Лондон пешком занял у будущего драматурга четыре дня. И вот, достигнув города, он увидел облако дыма, услышал беспорядочный шум, перемежающийся колокольным звоном – «вдохнул лондонский запах»². Следует заметить, что именно во время правления королевы Елизаветы³ англиканская церковь, а если быть исторически верными – Престол Кентерберийский, окончательно порвала с Ватиканом. В это время, когда английские храмы остались без икон, городское общество стало «в гораздо большей степени обрядовым и зрелищным», что в свою очередь способствовало развитию театральных постановок. Джон Донн⁴ с кафедры лондонского собора св. Павла провозгласил: «Этот Город – Большой Театр». А первые сценические площадки – помещения внутри гостиниц.

Шекспир стал актёром. Спустя годы, уже после смерти драматурга, честь быть первой труппой, принявшей Шекспира, оспаривали «Слуги Е.В. королевы» и «Слуги лорда Стрейнджа». Труппу «Слуги Е.В. королевы» создал в 1583 году лорд-камергер и распорядитель королевских увеселений с целью, как мы бы сейчас сказали, «пропаганды театрального искусства имени Елизаветы». А вот «Слуги лорда Стрейнджа» ещё в 1588 году исполняли некоторые юношеские пьесы Шекспира. Сам лорд Стрейндж-Фердинандо Стэнли, впоследствии пятый

граф Дерби, слыл одним из влиятельнейших людей среди английской знати. Он был всего на пять лет старше Шекспира. Его имя также ассоциировалось с тайным обществом аристократов и учёных «Школа ночи», куда входили Джордж Чапмен, Уолтер Рейли, Кристофер Марло, Джон Ди. Хотя Шекспир и не состоял членом этого общества, но ему была известна суть бесед его участников⁵.

Основными театральными авторами в то время становились профессиональные писатели, окончившие Оксфорд или Кембридж, – Томас Нэш, Кристофер Марло, Томас Кид, Роббер Грин. Шекспир же стал первым писателем из театральных низов. Свои главные произведения он написал для общедоступного театра. В те времена театр считался развлечением сравнительно низкого рода. Достаточно сказать, что в пределах Лондона городские власти не разрешали их строить и давать публичные представления – они видели в театрах источник разложения нравов и одну из причин распространения эпидемии чумы. Театры строили за городской чертой, там, где находились всякого рода злачные места: публичные дома, загоны для травли животных и арены для петушинных боёв.

Хотя актёров жаловали при дворе и приглашали давать представления, драма отнюдь не считалась высоким искусством. Признавался авторитет древнеримских классиков, а современные театральные авторы в широких кругах уважением не пользовались. Зрителей просто не интересовало, кто сочинил ту или иную популярную пьесу.

Осенью 1599 года Шекспир вместе со своими друзьями открыл театр «Глобус». Над входом – крылатые слова: «Весь мир – театр», а перед входом – эмблема Геркулеса, державшего на плечах земной шар. В 1613 году, во время премьеры шекспировского «Генриха VIII», в театре случился пожар: искра от сценического пушечного выстрела попала в соломенную

крышу, и здание сгорело дотла. Конец «первого Глобуса» символически ознаменовал собой смену литературно-театральных эпох: примерно к этому времени Уильям Шекспир перестал писать пьесы.

24 марта 1603 года умерла королева Елизавета. Английский трон перешёл к Якову I, сыну казнённой Марии Стюарт, наследовавшему корону Шотландии. Новый король также покровительствовал театру. Правда, он решил монополизировать лучшие в столице актёрские труппы и подписал указ, по которому принял под своё высочайшее покровительство труппу актёров лорда-камергера. Через десять дней после своего восшествия на престол король приказал труппе, игравшей в театре «Глобус», впредь именоваться «Слугами короля». Ряду лиц из труппы «Слуг короля», в том числе и Шекспиру, был пожалован низший придворный чин. «Служители королевской опочивальни» (так Шекспир и его коллеги стали именоваться) обязаны были присутствовать в толпе младших придворных на дворцовых увеселениях и дипломатических приёмах. В тот

Дом У. Шекспира в Стратфорде

же год на рождественских празднествах перед королём сыграли целых восемь пьес Шекспира. Выбор пьес, конечно, был сделан согласно вкусам короля. Сохранились сведения о том, что король даже обратился к Шекспиру с милостивым письмом.

В 1612 году, написав свою последнюю драму «Буря», Шекспир по неизвестным причинам покинул «Глобус» и вернулся в родной Стратфорд, где оставались его родные и близкие. Причиной неожиданного прекращения столь удачной карьеры драматурга и отъезда из столицы, как считали многие исследователи, стала какая-то «городская болезнь»: сифилис, пьянство, лихорадка, тиф. Последние годы Шекспир отошёл от литературной деятельности, жил тихо и незаметно, в кругу семьи. 23 апреля 1616 года, в свой день рождения, в Стратфорде-на-Эйвоне скончался самый знаменитый драматург всех времён и народов. Два дня спустя последовало погребение в алтаре церкви Святой Троицы на окраине Стратфорда, в метрической книге которой об этом и была сделана запись.

За месяц до смерти Уильям Шекспир составил завещание, впоследствии вызвавшее так много недоумений на счёт его личности, авторства и стало поводом для различных сплетен и толков. В нём говорилось о домах и имуществе, о кольцах на память для друзей, но ни слова – о книгах и рукописях. Как будто умер не великий писатель, а рядовой обыватель. Завещание стало первым поводом задать так называемый «шекспировский вопрос»: «А был ли Уильям Шекспир автором всех тех произведений, которые мы знаем под его именем?»

Сомнения с традиционной точки зрения появились, уже начиная с XVIII века. Какие только обвинения не выдвигались против уроженца Стратфорда – самым главным из которых был недостаток образования.⁶ Вместе с тем, среди «антистратфордианцев» нет единства относительно того, кто именно был настоящим автором шекспировских произведений. Число

вероятных кандидатур, предложенных различными учёными, насчитывало несколько десятков. Большинство противников Шекспира выдвигали в качестве автора пьес таких представителей елизаветинской знати, как граф Оксфорд, граф Дерби, философ Ф. Бэкон, герметист и алхимик Джон Ди. Что-то рассказывали стратфордские старожилы, какие-то предания сохранились и передавались из поколения в поколение в актёрской среде. Но ничего достоверного о жизни Шекспира не было известно.

Роджер Меннерс, 5 граф Рэтленд

В печати фамилия Шекспира впервые появилась в 1593 году. На титульном листе нет имени автора. Он только подписал посвящение поэмы “Венера и Адонис” своему покровителю, молодому аристократу Генри Райотсли, графу Саутгемптону. Ему же посвятил он и вторую поэму – “Обесчещенная Лукреция”, напечатанную в следующем году. Эротическую поэму “Венера и Адонис” Шекспир назвал «первым плодом своего творчества». Поэма пользовалась чрезвычайной популярностью, в особенности, среди студентов. Один из современников драматурга, Габриел Харви, писал в своём дневнике: «Молодёжи весьма нравится “Венера и Адонис” Шекспира, а те, кто более зрел умом, предпочитают его “Лукрецию” и “Гамлета, принца Датского».⁷ Сохранился лишь один экземпляр издания 1593 года. В последующие 25 лет поэму издавали не менее 11 раз, могли быть и другие издания, которые попросту исчезли. «Венеру и Адониса» называли «лучшей книгой в мире».

К тому времени, когда вышла поэма, на сцене поставили уже не менее шести пьес, среди них “Ричард III”, “Комедия ошибок” и “Укрощение строптивой”. Первые издания пьес Шекспира, вышедшие вслед за поэмами, были анонимными. Авторского права тогда ещё не существовало. Отдав пьесу театру, писатель переставал быть собственником своего произведения – оно принадлежало театру. Как правило, труппа пьес своего репертуара не продавала, чтобы их не ставили соперничающие театры. Но эпидемия чумы 1592–1594 годов вызвала закрытие многих театров, и владельцы продали издателям много пьес. В их числе были и произведения Шекспира.

Лишь в 1597 году фамилия Шекспира в первый раз появилась на титульном листе издания комедии “Бесплодные усилия любви”. Это было «пиратское» издание пьесы, которое, правда, не сохранилось, но о том, что оно существовало, исследователям поведал титульный лист второго издания, появившегося в 1598 году с обозначением: «Заново исправленное и дополненное издание».

А в следующем году вышла книга некоего Фрэнсиса Мереза «Сокровищница ума», где автором давался обзор английской литературы, причём отечественные писатели сопоставлялись с древнеримскими и итальянскими авторами. Мерез охарактеризовал Шекспира как драматурга, «наипревосходнейшего в обоих видах пьес».⁸ При этом Мерез перечислил десять произведений Шекспира. Он же первым применил к драматургу эпитет «медоточивый», который на долгие годы закрепился за Шекспиром. Однако его имя, опять-таки, оставалось известным лишь узкому кругу литераторов и актёров. Например, чиновник, плативший за спектакли при королевском дворе, не знал даже, как пишется фамилия автора популярных комедий и трагедий: вместо Shakespeare (потрясающий копьём) он написал Shaxbird.

Помимо комедий и трагедий Шекспир также создал 154 сонета, посвящённых «смуглой леди» – возлюбленной, изменившей ему с лучшим другом:

«В своём несчастье одному я рад,

Что ты – мой грех, и ты – мой вечный ад...».⁹

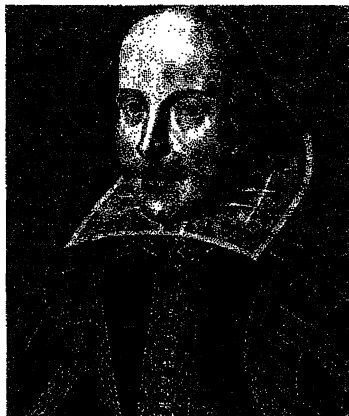
В 1609 году вышло единственное прижизненное издание сонетов без ведома автора с посвящением, которое и по сей день продолжает оставаться одной из шекспировских загадок. Оно было адресовано таинственному W. H. Правда, два сонета без разрешения Шекспира напечатали ещё в 1599 году в сборнике «Страстный пилигрим»¹⁰.

Итак, исследователи уверились в точности шекспировского текста лишь в отношении поэм “Венера и Адонис” и “Обесчещенная Лукреция”: их отдал в печать сам Шекспир, набирал и печатал его земляк Ричард Фил, ставший лондонским типографом. Что же касалось остальных произведений великого драматурга, то, в большинстве своём, издания были “пиратскими”, и, следовательно, Шекспир не имел возможности следить за тем, как их набирали. А когда театр спокойно продавал рукопись популярной пьесы издателю, тот уже сам следил за набором и печатью.

При жизни Уильяма Шекспира все его произведения издавались разрозненно. Отдельно печатались 16 книжек поэм, сборник сонетов. Пьесы, в своём большинстве, первоначально появлялись с испорченным текстом, за которым в виде опровержения следовало издание, подготовленное автором. По формату эти издания называли кварто (quarto). Наиболее популярные пьесы печатались в кварто не один раз, тогда как другие могли вовсе не увидеть свет.

Названия «фоллио» относятся уже к посмертным изданиям драматурга, которые выходили в большом формате. Это знаменитое первое собрание пьес 1623 года. Бумага, на которой

печатали книгу, имела различные размеры, и обрезка её под переплёт тоже была неоднородна. Страница самого большого из сохранившихся экземпляров этого издания имеет 33 см в высоту и 22 см в ширину. В 1632 году вышло так называемое «второе фолио», открывавшееся эпитафией Шекспиру, написанной 24-летним Джоном Мильтоном, автором «Потерянного рая». Эпитафия великому Уильяму стала его первым выступлением в печати.

Портрет У. Шекспира

Лишь только в XVIII веке драматурга признали классиком. Возник и развился подлинный культ Шекспира, и в начале следующего столетия его провозгласили величайшим поэтом. Одно из первых мест в ряду шекспироведов принадлежало драматургу Николасу Роу. В 1709 году он издал «Собрание сочинений Шекспира», сопроводив его биографией поэта «Жизнь Шекспира» – первое жизнеописание, лёгшее в основу всех последующих биографий. Он собрал для неё разные сведения, как достоверные, так и сомнительные. Принятое в современных изданиях деление трагедий на пять актов с последующим членением на отдельные сцены установлено также Н. Роу.

Этаким мостом от шекспироведения XVIII века к шекспироведению XIX столетия стало двадцатитомное издание произведений Уильяма Шекспира с многочисленными комментариями, дополненное исследованиями разного рода. Его составитель – Эдмунд Мэлон.¹¹ Второе из подготовленных им изданий вышло уже после его смерти в 1821 году.

Нельзя обойти вниманием и вышедшую посмертно в 1873 году книгу немецкого писателя и театрального режиссера Родериха Бенедикса «Шекспиромания», которая содержала попытку развенчать романтический культ Шекспира как великого драматурга, «охладить неумеренные восторги по поводу его творчества, выявить нелепости в построении сценического действия его пьес»¹².

XX век стал самым плодотворным по изданию разнообразных исследований как шекспироведов, так и антистратфордianцев. Естественно, что при восстановлении биографии Шекспира не обошлось без ошибок, некоторые даже пытались восполнить недостаток материалов «подложными документами». Но если у каждого человека, как подметил Уистен Хью Оден, возникает искушение выдумать своего Шекспира, – «в этом нет ничего страшного, при условии, что выдумывая Шекспира, мы опираемся только на его текст».¹³

Знаменитые продажи книг Уильяма Шекспира на мировых аукционах:

COMEDIES, HISTORIES, & TRAGEDIES. PUBLISHED ACCORDING TO THE TRUE ORIGINALL COPIES. LONDON: ISAAC JAGGARD, AND ED. BLOUNT (PRINTED AT THE CHARGES OF W. JAGGARD, ED. BLOUNT, I. SMITHWEEKE AND W. ASPLEY), 1623.

Первое фолио в цельнокожаном переплёте эпохи. Небольшая реставрация страниц. Без утрат. Экземпляр имел всего двух владельцев. Это доктор богословия Уильям Бейтс (1625–1699). Его библиотеку приобрёл в 1699 году другой богослов – Даниэль Уильямс (1643–1716), где книга и хранилась до момента продажи на аукционе. Продано 13 июля 2006 года.

2,808,000 GBP

COMEDIES, HISTORIES, & TRAGEDIES. PUBLISHED ACCORDING TO THE TRUE ORIGINALL COPIES. LONDON: ISAAC JAGGARD, AND ED. BLOUNT (PRINTED AT THE CHARGES

OF W. JAGGARD, ED. BLOUNT, I. SMITHWEEKE AND W. ASPLEY), 1623.

Первое фолио с утратой титульного листа и трёх страниц. В переплёте конца XVIII – начала XIX веков. Из коллекции Уильяма Х. Робинсона. Продано 7 декабря 2010 года.

1,497,250 GBP

COMEDIES, HISTORIES, AND TRAGEDIES. PUBLISHED ACCORDING TO THE TRUE ORIGINAL COPIES. THE SECOND IMPRESSION. THOMAS COTES FOR JOHN SMETHWICK, WILLIAM ASPLEY, RICHARD HAWKINS, RICHARD MEIGHEN AND ROBERT ALLOT, 1632.

Второе издание фолио Шекспира. В реставрированном переплёте эпохи; реставрация некоторых страниц. Продано 15 декабря 2005 года.

187,200 GBP

COMEDIES, HISTORIES AND TRAGEDIES. PUBLISHED ACCORDING TO THE TRUE ORIGINAL COPIES. LONDON: FOR P[HIPPIE]. S[HEPHERD], 1664.

Третье собрание пьес Шекспира с портретом автора (ксилография). В роскошном марокеновом переплёте XIX века работы Фрэнсиса Бедфорда. Продано в октябре 2011 года.

542,500 USD

COMEDIES, HISTORIES, AND TRAGEDIES. PUBLISHED ACCORDING TO THE TRUE ORIGINAL COPIES. UNTO WHICH IS ADDED, SEVEN PLAYS, NEVER BEFORE PRINTED IN FOLIO... FOR H. HERRINGMAN, E. BREWSTER, AND R. BENTLEY, 1685.

Четвертое фолио Шекспира с портретом автора (ксилография). В марокеновом переплёте эпохи. Продано 10 июля 2012 года.

127,250 GBP

Примечания

¹ Шекспир У. Комедия ошибок. Акт IV, сцена 3.

²Акройд П. Шекспир: Биография. М., 2009. С. 164.

³Елизавета I(1533–1603) – королева Англии и королева Ирландии с 17 ноября 1558 года, последняя из династии Тюдоров. Время правления Елизаветы иногда называют «золотым веком Англии».

⁴Джон Донн (1572–1631) – английский поэт и проповедник, настоятель лондонского собора Святого Павла, представитель литературы английского барокко, т.н. «метафизической школы». Автор ряда любовных стихов, элегий, сонетов, эпиграмм, а также религиозных проповедей. С переводов Донна на русский язык начал свою литературную карьеру Иосиф Бродский.

⁵ Отсюда, впоследствии, возникла версия про коллективного автора.

⁶ Особо ярые ненавистники Шекспира утверждали, что он вообще не умел писать, при этом не отрицали, что он был актёром. А для владения этой профессией требовалось умение прочитать и выучить наизусть роль. Если Шекспир умел читать, то как-нибудь, надо полагать, ухитрился научиться и письму.

⁷<http://shakespeare.ouc.ru/>

⁸<http://shakespeare.ouc.ru/>

⁹Большая их часть была создана в 1592–1599 годах.

¹⁰При жизни Шекспира сборник издавался три раза. В начале XIX века было известно о двух сохранившихся экземплярах 1612 года, один из которых находился в библиотеке известного шекспироведа Эдмунда Мэлона.

¹¹ Эдмунд Мэлон(1741–1812) – ирландский учёный, первый серьёзный исследователь хронологии пьес Шекспира, автор значительного труда “История сцены” (1780), первый издатель сонетов и составитель собрания сочинений Шекспира (1790). Смерть помешала учёному закончить работу над исправленным вариантом этого издания, однако дело было продолжено Джеймсом Босуэллом-младшим.

¹²<http://www.world-shake.ru/ru/Encyclopaedia/3867.html>

¹³Оден У.Х. Лекции о Шекспире. М., 2008. С. 535.

ЮБИЛЕИ

Александр Тетерину – 60!

*Друзья по книжному увлечению
(г. Санкт-Петербург)*

А.А. Тетерин, 2013 г.

По первому образованию Александр Александрович Тетерин – библиограф высшей квалификации.

Последние двадцать лет является муниципальным служащим (администрация Тосненского городского поселения Тосненского района Ленинградской области), но увлечение книгой сопровождает его всю жизнь.

Александр Тетерин – член Национального союза библиофилов, член клуба библиофилов «Бироновы конюшни» (СПб.), Санкт-Петербургской городской секции библиофилов.

Многие годы он собирает автографы писателей, поэтов, представителей науки, культуры.

В его коллекции автографы Ростроповича, Вишневецкой, Образцовой, Пиотровского, Лихачёва, Скатова, Маркушевича, Непринцева, Сидорова, Бианки, Мавриной, Сенкевича, Шефнера, Евтушенко, Кузьмина, Одоевцевой, Гнедич, Астафьева, Герра, Порудоминского, Чижовой, Германа, Чилингарова, Бердичевского...

Улыбаясь, Александр Александрович говорит: «Автографы Серебряного века все разобрали. А вот наши неординарные современники – они здесь, рядом. Поэтому книга автора, автограф на ней, рассказ человека о себе, а затем неперменная публикация об этом человеке в периодическом издании – вот неслужная цепочка, имеющая начало – книгу и логическое звено-завершение – публикацию».

В районной газете «Тосненские ведомости», а затем «Тосно time» он не первый год ведёт рубрику «Полка библиофила», последнее время она стала называться «Люди и встречи», тем самым, произошло расширение темы. Его страничные публикации, за редким исключением, выходят еженедельно. Герои Александра Тетерина, назовём лишь некоторых, люди необычайно интересные, многогранные, разнохарактерные, но все они профессионалы своего дела: Спирин А.М. – капитан атомного ледокола «Россия», Вилинбахов Г.В. – председатель Геральдического совета при Президенте РФ, Соколова Н.И. – искусствовед, спасавшая в 1945 году сокровища Дрезденской картинной галереи, Киселёва А.И. – палеограф, специалист по латинским рукописям, Боярский В.И. – путешественник, учёный, директор музея Арктики и Антарктики, Никулин Н.Н., Уханова И.Н., Миролубова Г.А., Багдасарова И.Р. – учёные-искусствоведы Государственного Эрмитажа, Козырева М.Г. – основатель музея Льва Николаевича Гумилева, Чицова И.Б. – искусствовед, писатель, Белов С.В. – учёный, исследователь творчества Ф.М. Достоевского...

Следует отметить, что Александр Александрович с большим вниманием и уважением относится к истории своего района, делам и заботам близких по духу людей. И, как следствие – ряд публикаций о временах Великой Отечественной войны, своих земляках, представителях творческой интеллигенции. Этот список, разумеется, можно продолжать, поскольку

ку на сегодняшний день у него более трехсот публикаций. Это не маленькие информационные заметки, а большие обстоятельные статьи.

Многие годы он собирает каталоги художественных выставок, отдавая предпочтение изобразительному искусству, фарфору и серебру. Коллекция каталогов представляет несомненный интерес, поскольку специалисты обращаются к нему за помощью.

Книги о книгах – один из самых представительных разделов домашней библиотеки Тетерина. Есть среди них и редкости. Однако Александр Александрович не является «скупым рыцарем». Он постоянно публикуется во всероссийских и региональных журналах, альманахах: «Библиография», «Аврора», «На русских просторах», «История Петербурга», «Библиофилы России», «Альманах библиофила», «Невский библиофил», «Библиофильские известия», «Вятский библиофил». Собиратель обстоятельно рассказывает о своём книжном пристрастии, встречах и беседах с известными людьми современности, чьи труды служат во благо Отечества.

Является одним из авторов фундаментального краеведческого издания «Земля Тосненская», подготовил и выпустил сборник, посвящённый памяти своего друга и наставника известного петербургского учёного-искусствоведа, библиофила И.Г. Мямлина. В течение ряда лет выпускает продолжающееся издание «Библиофилинки». На сегодняшний день их более пятидесяти.

Начиная с «Библиофилиною» № IX, на обложке издания автор воспроизводит специальную марку с изображением старинного печатного станка. Марка изготовлена петербургским художником Н.И. Домашенко. Верхнюю часть станка опоясывает свиток с надписью: *Tosnae apud A.Teterini* (В Тосно у А. Тетерина). Среднюю часть станка – свиток с надписью:

Ех proprio motu (По собственному побуждению).

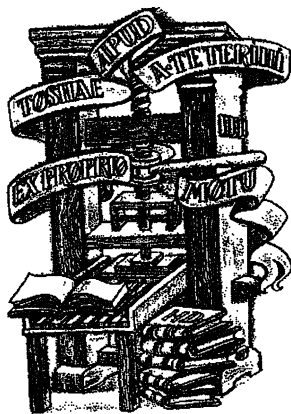
С.Н. Полторак – доктор исторических наук, профессор, академик РАН, создатель издательства «Полторака», нескольких научных журналов писал об Александре Тетерине (История Петербурга. – 2011. № 2. – С. 7):

«Слово “подвижник” я всегда произношу с осторожностью, поскольку оно ко многому обязывает. Высокое слово. Произносить его применительно к кому-то всегда ответственно, а по отношению к человеку здравствующему – тем более.

Александра Александровича Тетерина мне хочется называть именно так. Уже не первый год он тихо и упорно занимается, казалось бы, странным делом: выпускает собственными силами крохотными тиражами небольшие брошюрки о разных людях, которые западают ему в душу своими поступками. Брошюрки, которые он называет библиофилинками, по существу явление феноменальное. Они стали совершенно новым явлением в российской культуре, явлением удивительно глубоким по своему духовному порыву.

Можно сколько угодно говорить о том, что масштаб творчества А.А. Тетерина не велик, что о его библиофилинках знают немногие. Это не главное. Не сомневаюсь: придёт время, и эти небольшие книжечки займут свою полку в Библиотеке Человеческих Ценностей.

Секрет изданий А.А. Тетерина – в их человечности. Автор спокойно и просто рассказывает о людях, их делах, книгах.

Худ. Н.И. Домашенко
Сухая игла, col, 2010

Эти простота и спокойствие настраивают читателя на доброжелательное отношение к окружающим, вселяют оптимизм и веру в то, что в современном мире не всё измеряется деньгами, что есть ценности, ради которых и стоит жить на земле. И ценности эти очень простые. Главная из них – осознание того, что мы люди и должны относиться друг к другу по-человечески.

Знания, полученные из библиофилинок А. А. Тетерина, я использую на своих занятиях со студентами. Недавно на экзамене спросил одну студентку из Якутии, знает ли она, кто такая Л.А. Попугаева и какова её роль в истории Якутии. Студентка не знала, что Л.А. Попугаева – первооткрывательница коренного месторождения алмазов в Якутии. А ведь сейчас алмазы – один из важнейших источников дохода этой республики! И я с удовольствием рассказал студентке всё то, о чём поведал мне в своих библиофилинках о Ларисе Анатольевне Александр Александрович.

По моему разумению, А.А. Тетерин упорно издаёт свои брошюры не потому, что надеется быть услышанным. Издавая их, он просто живёт в согласии со своей совестью. Это главное, наверное.

Хочется пожелать этому очень совестливому и на редкость профессиональному человеку идти по этому пути и дальше. Он делает хорошее важное дело. Воздастся».

Известный российский библиофил О.Г. Ласунский как-то подарил Александру Александровичу свою книгу:

Ласунский О.Г. Про книгопоклонников. Из записок собирателя. Что вспомнилось... – Воронеж, 2012. – 296 с.

На титульном листе надпись:

А.А. Тетерину

«Тетериню» на невских берегах

Уже – как нескончаемая фать...

А мне в коллекцию – увы и ах!

– Не удалось их всех собрать.

Ол. Ласунский

Воронеж, 29. IX. 2012 г.

Малотиражные книжечки быстро расходятся «по близким, душевным людям», как говорит автор, а увеличивать тиражи он не намерен.

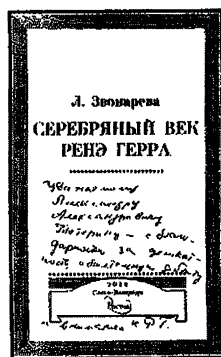
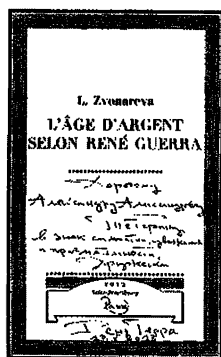
Дружеские отношения связывают его с выдающимся собирателем современности Рене Герра. В коллекции А. Тетерина есть книга:

Л. Звонарева. Серебряный век Рене Герра. – СПб.: ООО «Изд-во „Росток”, 2012. – 672 с.

На титульном листе:

Дорогому Александру Александровичу Тетерину в знак симпатии, уважения и признательности. Дружески Рене Герра. 13.V.2013.

У Александра Тетерина много друзей, однако находятся такие, кто с недоумением спрашивает: «Публикуешься бесплатно, книжки раздаёшь. В чём смысл?»

*Лена Звонарева
13.05.2013
Александр Тетерин*

Автографы Р. Герра и Л. Звонаревой

– автора книги “Серебряный век Рене Герра”, адресованные А. Тетерину

«У меня, как в анекдоте – процесс нравится, – отвечает он. – А вообще, форма дарения – это высший пилотаж».

В конце 2013 года он подготовил и бесплатно издал для заказчика небольшую книжечку воспоминаний Наталии Георгиевны Князевой – вдовы известного ленинградского библиофила Моисея Семёновича Лесмана:

Князева Н. История одной жизни. – СПб., 2014. – 56 с.

На титульном листе экземпляра издателя:

Милому Александру Александровичу Тетерину эпизоды жизни свидетеля этого не лучшего из миров – с уважением и благодарностью – Н. Князева. 12.01.2014. СПб.

Вот такой он – Александр Тетерин – муниципальный служащий и книжник по призванию.

Пожелаем ему здоровья, благополучия, новых публикаций и, разумеется, интересных находок в книжном мире!

Остывший кофе, или Возвращение Брюса

*Александр Тетерин
(г. Тосно, Ленинградская обл.)*

В моей домашней библиотеке есть несколько томов «Сводного каталога книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII в.», одним из составителей которого является Елена Алексеевна Савельева. Эти книги я получил в подарок от Галины Рудольфовны Ридер, бывшего сотрудника Российской национальной библиотеки, специалиста по западноевропейской книге XVI века. В 2008 году Елена Николаевна Монахова, научный сотрудник литературного музея Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, передала мне объёмный том – каталог библиотеки Якова Вилимовича Брюса, над которым опять же трудилась Е.А. Савельева.

Библиотека Я.В. Брюса: Каталог / Б-ка АН СССР. – Л.: БАН, 1989. – 410 с.

Интерес к исследовательской деятельности ведущего научного сотрудника Отдела редкой книги Библиотеки Российской Академии наук (БАН) Елены Алексеевны Савельевой оставался постоянным. Я знал, что в этом очень уважаемом учреждении она работает уже сорок пятый год. Елена Алексеевна – участница многих всесоюзных, всероссийских, международных конференций по книговедению и истории книги, автор многочисленных публикаций, в том числе, монографии «Олаус Магнус и его “История северных народов”», которая вводит в научный оборот малоизвестные сведения о Русском государстве XV–XVI вв.

Научные интересы Савельевой широки и многогранны: ранняя история Санкт-Петербурга, история Библиотеки Акаде-

Елена Алексеевна Савельева, 2012 г.

мни наук, личные библиотеки в её фондах, шведская история XVI–XVIII вв. Елене Алексеевне принадлежит разработка и воплощение идей выставок редких и ценных изданий, хранящихся в фондах библиотеки. В то же время, она член Учёного совета БАН, лауреат премии имени И.Д. Шумахера. Последние годы много занимается научной деятельностью М.В. Ломоносова, к 300-летию юбилею которого подготовила масштабное издание «Петровская копия Радзивилловской летописи как памятник издательской и редакторской деятельности второй половины XVIII в.»

Желание познакомиться с этим удивительным человеком появилось давно, однако непредсказуемые книжные пути уведили к иным горизонтам. Впрочем, два года назад в Галерее ART re.FLEX на выставке экслибрисов известного коллекционера Вениамина Худолея я встретил Елену Алексеевну, но подойти не решился: всепоглощающая суета вернисажа, как мне казалось, не позволяла говорить о чём-либо серьёзном и важном.

Такое «безвременье» продолжалось довольно долго, пока в издательстве «Редкая книга из Санкт-Петербурга» я не услышал из уст замечательного переплётчика Дёгтева Андрея

Васильевича самые добрые слова в адрес Елены Алексеевны Савельевой, что положило конец затянувшемуся бездействию.

Через два дня на заседании Санкт-Петербургской секции библиофилов я обратился к сотруднику Библиотеки Академии наук Григорию Николаевичу Яковлеву с просьбой о содействии во встрече с Еленой Алексеевной. Он любезно согласился помочь, а вскоре сообщил, что она готова меня не только выслушать, но рассказать о своей работе. Такой поворот событий я расценил как большое везение.

...Кафе «Пироговый дворик» наполнилось приятными хлебо-кофейными запахами, джазовая музыка растекалась под навесным потолком, приглушённые голоса посетителей за соседними столиками — всё это было рядом и где-то очень далеко, поскольку мыслями, душевным состоянием я пребывал во времена Якова Вилимовича Брюса, сподвижника Петра I, о котором рассказывала мне Елена Алексеевна Савельева...

Я.В. Брюс (1670—1735) был одним из самых образованных людей России, естествоиспытателем и астрономом, хотя нигде не учился и всего добился самообразованием. Им были составлены русско-голландский и голландско-русский словари, первый русский учебник по геометрии, «Карта земель от Москвы до Малой Азии». В 1702 г. он открыл первую в России обсерваторию при Навигационной школе в Москве. Школа располагалась в Сухаревой башне, построенной в 1695 г., которая сильно контрастировала с архитектурой патриархальной Москвы. Поэтому, видимо, в народе прозвали Брюса чернокнижником и чародеем.

Яков Брюс владел шестью европейскими языками, а его «кабинет курьёзных вещей» был единственным в России. Известно, что Яков Вилимович принимал участие в издании справочно-астрологического «Брюсова календаря» (1709—1715). Вопреки распространённому мнению, он не был ни автором,

ни составителем этого широко известного издания, его работа ограничилась общей цензурой. Календарь печатался в московской типографии Киприановых, куратором которой являлся Я.В. Брюс. Видимо, поэтому он и стал называться «Брюсов календарь».

Уместно сказать, что в дальнейшем появился ряд поддельных «Брюсовых календарей».

Книжное собрание генерал-фельдмаршала Я.В. Брюса вместе с коллекцией редкостей и картин после его смерти было передано в Петербургскую Академию наук. Затем редкости и картины направляются в кунсткамеру, а книги в 1737 г. поступили в Библиотеку Академии наук.

Первоначальная опись собрания книг Я.В. Брюса включала более 1500 томов, причём, в ней сразу же отмечались дублеты. По существующей в Библиотеке традиции, вновь прибывшие книги разделяли по отраслям знания и по форматам, а обнаруженные дублеты передали в книжную лавку Академии для продажи.

Таким образом, книги из собрания Я.В. Брюса оказались в нескольких местах. В настоящее время удалось установить более 800 печатных и рукописных книг, бесспорно принадлежавших Я.В. Брюсу. Они относятся к XV–XVIII вв. и имеют либо экслибрисы, либо владельческие записи. В качестве экслибриса Брюс взял собственный графский герб с девизом «Fuiimus» («Мы были»). В графское достоинство он был возведён до заключения Ништадтского мира в 1721 г.

Гербовый экслибрис Я.В. Брюса
Автор грав. Офорт с
добавлением резца, ок. 1722 г.

Экслибрисы, главным образом, встречаются на иноязычных рукописях и иностранных книгах, на русских рукописях и изданиях вместо них имеются автографы («Брюс»).

– Особая ценность книг Я.В. Брюса заключается в том, – говорит Елена Алексеевна, – что значительная их часть имеет его пометы, замечания и исправления. Однако привести их полностью в каталоге не представлялось возможным, его объём увеличился бы вдвое! Поэтому, если помета не является владельческой записью, в описании даётся указание: «С пометами», «10 л. помет, сделанных Я.В. Брюсом» и т. п.

В каталог вошли описания 25 рукописных и 797 печатных книг. Все они просмотрены *de visu* и о каждом отдельном экземпляре, входившем в состав библиотеки Я.В. Брюса, дана подробная информация. В настоящем каталоге не ставилась задача реконструкции библиотеки Я.В. Брюса, хотя для подобной работы имеются солидные материалы.

...Я слушал рассказ Елены Алексеевны, восхищаясь её высочайшим профессионализмом и бесконечной любовью к делу своей жизни.

Заказанный кофе давно остыл: до него ли? Тем более, передо мной ложится прекрасно иллюстрированный том о книгах Аптекарского приказа – административно-судебного органа в России в XVII – начале XVIII века, в ведении которого находились аптекари, доктора, лекари, лекарства – всё, что имело отношение к сфере здравоохранения:

Каталог книг из собрания Аптекарского приказа / Сост. Е.А. Савельева. – СПб.: Альфарет, 2006. – 384 с.: ил. – (Серия «Мемориальный проект»).

В каталоге описаны книги, которые также находятся в Библиотеке Академии наук. Елена Алексеевна даёт к нему пояснения, а затем преподносит в подарок издание:

ИБРАИТЕВЫЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

КНИГИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ
ПОЛЬСКОГО КОРОЛЯ
СИГИЗМУНДА II АВГУСТА

КАТАЛОГ

*На добрую память ей
Савельевой Е. А.
19.10.2012*Санкт-Петербург
1994

ИБРАИТЕВЫЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА
САВЕЛЬЕВАБиобиблиографический указатель
к 75-летию со дня рождения*Тетерину Валерию Павловичу
в знак уважения к его работе
«вне плана»
Елена Савельева
19.10.2012*Санкт-Петербург
2012

Библиотека Российской Академии Наук

ИБРАИТЕВЫЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

*На добрую память ей
Савельевой Е. А.
19.10.2012*БИБЛИОТЕКА
Я. В. БРЮСА

г. н. 202

КАТАЛОГ

*В память о библиографической
работе Елены Савельевой
в знак уважения к ее работе
«вне плана»
Елена Савельева
19.10.2012*Санкт-Петербург
2012

Автографы Е.А. Савельевой на книгах, подаренных А.А. Тетерину

Книги из библиотеки польского короля Сигизмунда II Августа: Каталог / БАН; Сост. Е.А. Савельева. – СПб., 1994. – 148[4] с.

– Недавно отметила своё 75-летие, – говорит моя собеседница. – К этой дате был подготовлен биобиблиографический указатель со вступительной статьей Валерия Павловича Леонова, директора Библиотеки Академии наук.

Елена Алексеевна Савельева: биобиблиографический указатель: к 75-летию со дня рождения / отв. сост. А.А. Романова; вступ. ст. В.П. Леонов. – СПб.: БАН, 2012. – 28 с.

– Да, чуть не забыл, – почти вскрикиваю я. – Каталог библиотеки Якова Вилимовича Брюса и без автографа!

Улыбнувшись, Елена Алексеевна надписывает книгу:

На добрую память Александру Александровичу Тетерину в знак глубокого уважения к его работе «вне плана». Е. Савельева, 07.10.2012.

Моя собеседница, глядя в неведомую даль, с грустью произносит: «Есть памятник Остапу Бендеру, даже Чижикучижикучику есть памятник, а вот Якову Брюсу – нет! Печально...»

Вот, собственно, и всё. Следует лишь добавить, что Елена Алексеевна любезно пригласила меня побывать в Отделе редкой книги Библиотеки Академии наук.

Григорию Файвовичу Кушнеру –80!

Г.Ф. Кушнер

1 июня 2014 года исполнилось 80 лет Григорию Файвовичу Кушнеру, петербуржцу, блокаднику, одному из “отцов-основателей” Санкт-Петербургского клуба любителей миниатюрных изданий.

Инженер-механик по специальности, он занимался разработкой измерительных приборов, их испытанием и внедрением. Авторские свидетельства на изобретения, свыше шестидесяти статей и брошюр по метрологии и контролю качества машин, сертификат ФРГ “Инструктор по обучению менеджеров в области сертификации и систем качества продукции” – таковы вехи профессионального пути Григория Файвовича.

В 13-летнем возрасте он увлёкся собирательством книг и пронёс это увлечение через всю жизнь. Участие в мероприятиях Добровольного общества книголюбов дало ему возможность заняться общественной работой, непосредственно связанной с книгой. Г.Ф. Кушнер организовал народный книжный магазин на базе пяти научно-исследовательских и проектных институтов, разместившихся в 1960 году в левом крыле здания Главного Штаба, где сейчас находятся новые залы Эрмитажа. В 1964–1965 годах был заместителем председателя правления организации ДОЛК Фрунзенского района Ленинграда.

Нынешняя библиотека юбиляра состоит из двух разделов: свыше 3000 книг обычного формата (библиофильство и книговедение, классика, фантастика, книги о путешествиях)

и миниатюрные издания. 400 сборников поэзии подарены им Библиотеке русской поэзии имени В. Сербского в г. Братске.

Миниатюрные издания покорили Григория Файновича 35 лет тому назад, и он всю свою энергию приложил к реализации этого увлечения: в командировках посещал все букинистические магазины, обменивался с иногородними коллекционерами, организовывал издания миниатюр в различных издательствах. По инициативе издательства “ЯникО” (Москва) Г.Ф. Кушнер был приглашён в жюри Всероссийского конкурса “Искусство переплёта – 2001” в качестве председателя жюри по секции “Миниатюрные книги”. Совместно с Л.Л. Колпахчиевым разработал “Положение об оценке переплётов миниатюрных книг”.

Ныне в собрании Г.Ф. Кушнера свыше 8000 мишикниг на различных языках, изданных с середины XIX века до наших дней в России и других странах. Имеются весьма редкие издания, в том числе, в прекрасных переплётах, а также книги с дарственными надписями авторов, художников, издателей.

Наш юбиляр – автор нескольких десятков статей в газетах и журналах, составитель и соавтор миниатюр: “Балтийская слава” (1 изд-е, Лениздат, 1985; 2-е изд-е, Знак, 2010), “А.С. Пушкин в миниатюрных изданиях” (СПб, 1999).

В конце 2010 года Григорий Файнович подготовил мини-книгу “169 ЗНАКовых книжек”, представляющую частично аннотированный каталог миниатюрных изданий, выпущенных издательством “ЗНАК” в 1999–2008 г.г.

За активную общественную деятельность по пропаганде книги в 2009 году Международный союз книголюбов наградил Григория Файновича Кушнера памятной медалью “Иван Фёдоров. Во имя и во славу Книги!”

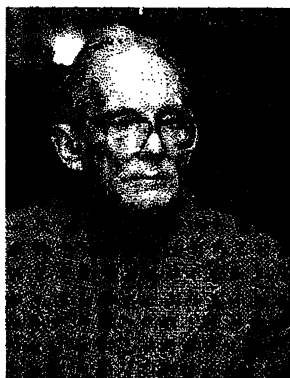
Пожелаем дорогому юбиляру многих лет жизни, творческой энергии и новых печатных трудов о миниатюрных книгах!

ХРОНИКА

Место встречи изменить нельзя

(О Клубе книголюбов имени Е.И. Осетрова
при Центральном Доме литераторов)

Андрей Турков (г. Москва)

А.М. Турков,
Председатель Клуба
книголюбов при ЦДЛ,
критик и литературовед

Всего каких-нибудь три года остаётся до того, как Клуб книголюбов при Центральном Доме литераторов отметит своё пятидесятилетие.

Какие имена возникают в воспоминаниях о его рождении и «младенчестве»? Его благословили и с первых шагов поддерживали Корней Чуковский и Иракий Андроников, Вениамин Каверин и Виктор Шкловский (на одном из первых заседаний рассказавший, как собирал свою библиотеку), Владимир Лидин и другие.

Увлечённо подхватил и десятилетиями нёс эту драгоценную эстафету Евгений Осетров, ставший не только председателем нашего Клуба (который носит его имя), но и создателем «Альманаха библиофила», сначала бывшего как бы «трибуной» клуба, но потом зажившего уже своей собственной жизнью.

Разнообразны темы заседаний клуба, число которых близится к пятистам: рассказы о великих книгах, знаменитых библиотеках и частных собраниях (Демьяна Бедного, И.Н. Розанова, Н.П. Смирнова-Сокольского, А.К. Тарасенкова, воро-

После очередного заседания Клуба книголюбов ЦДА

нежца О.Г. Ласунского и др.), о литературных архивах, журналах (скажем, о «Новом мире» Александра Твардовского), альманахах и сборниках («Литературная Москва», «Тарусские страницы», «Встречи с прошлым»), издательствах (Смирдина, Сытина, Сабашниковых, «Алконост», «Советский писатель»). А главное — люди, люди крупным планом, будь то «давно исчезнувшие лики» классиков или современники — писатели, художники книги, букинисты, книголюбы...

И пусть на дворе век компьютеров, пусть суеверы твердят, что понедельник день тяжёлый, но именно по этим дням сходятся на Большую Никитскую в Центральный Дом литераторов члены и гости нашего клуба, которые могли бы повторить за одним из поэтов — Владимиром Лазаревым:

*«Я — книжник, что сей миф без книг,
без всех библиотек великих!»*

Фотографии предоставил М.Н. Пазий (Москва)

“Библиофильская периодика. Отечественные и зарубежные периодические и продолжающиеся издания. 1902–2014”.

Обложка каталога

С 25 апреля по 11 мая 2014 г. в Музее экслибриса и миниатюрной книги Международного союза книголюбов прошла выставка «Библиофильская периодика. Отечественные и зарубежные периодические и продолжающиеся издания. 1902–2014» из собраний М. Богданович, И. Быкова, А. Громова, А. Дорошина, В. Лаврушина, А. Черткова, библиотеки Музея экслибриса и миниатюрной книги, Научно-исследова-

тельского отдела рукописей Российской государственной библиотеки.

Со вступительным словом к собравшимся обратился Председатель Совета Национального союза библиофилов М.В. Сеславинский, который отметил особую значимость экспозиции, интересный подбор материала. На открытии выступили также члены НСБ О.Г. Ласунский (Воронеж), А.Н. Громов (Москва) и другие. Стихи И.К. Линдемана и отрывок из неопубликованной пьесы В.Г. Лидина «Вторник у Кара-Мурзы» прозвучали в исполнении А.И. Черткова и Е.М. Богданович.

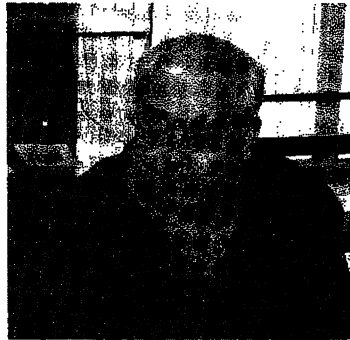
К выставке был издан красочный каталог (формат 170x215; 134 с., 170 экз.).

IN MEMORIAM

Артур Павлович Толстяков (1938–2014)

Людмила Шустрова (Москва)

Ушёл из жизни историк русской литературы и книги, библиограф, автор свыше 250 научных и научно-популярных работ, кандидат филологических наук, ведущий сотрудник Института мировой литературы РАН, главный редактор и основатель альманаха «Библиофилы России» – Артур Павлович Толстяков. Альманах был его родным

А.П. ТОЛСТЯКОВ

детищем и последней самой преданной любовью. Он очень гордился тем, что судьба в конце жизни сделала для него такой щедрый подарок, и всегда при удобном случае с удовольствием повторял: «Да, мой альманах самый лучший!»

Наверное, это так и было, ведь он шёл к нему всю жизнь. Для него, человека энциклопедических литературоведческих знаний, психологически сложно было оставаться на вторых ролях в качестве редактора-составителя в библиофильских и книговедческих изданиях, которые он, по сути, создавал и организовывал: «Библиофил» (№ 1–7) (Издательство «Либерия»), а ранее сборник «Книга: Исследования и материалы» свыше 50 томов которого он составил, проработав в редакции 30 лет

и возглавив её практически перед закрытием. Но библиофильство «как феномен культуры», которому Артур Павлович преданно служил, оставалось главным, и это было превыше личных обид.

В начале 2003 года, когда уже было ясно, что альманах «Библиофил» доживает свой короткий издательский век, А.П. Толстяков пришёл к С.Г. Шувалову, Председателю Исполкома Совета МСК, с предложением возобновить «осетровский» «Альманах библиофила» и возглавить его в качестве главного редактора. Сергей Гаврилович, после некоторых раздумий, отказал: «Подожди ещё немного, Артур, сейчас нет денег». В ответ Артур Павлович грустно улыбнулся, пожал плечами: «Да нет, ждать, наверное, я уже больше не буду».

Через год вышел в свет первый номер «Библиофилы России», а ещё через год возобновлённый «Альманах библиофила» №29 под эгидой МСК. Надо отдать должное, в его издании А.П. Толстяков принял самое непосредственное участие: порекомендовал в качестве редактора-составителя М. Богданович, а когда номер был готов, внимательно прочитал, одобрил и дал согласие стать членом редколлегии.

Вообще, с ВОК–МСК у А.П. Толстякова всегда были добрые тёплые дружеские отношения. Не с организацией, конечно, а с людьми, в ней работавшими. Он хорошо знал Е.И. Осетрова. Был очень дружен с В.В. Лобуревым, с которым создавал Организацию российских библиофилов, сменившую «историческую» ВАБ. На традиционных ежегодных библиофильских аукционах ОРБ оставался неизменным ведущим – остроумным, жизнелюбивым, задорным. С удовольствием Артур Павлович воспринял идею организации Библиофильского клуба «На Пушечной», часто выступал на его заседаниях с интересными сообщениями, а в известной книж-

ной миниатюре В. Покатова, посвящённой «лобуревским» книжным посиделкам в музее, есть и его портрет.

Артур Павлович, за исключением последних нескольких лет, принимал самое активное участие в открытии выставок в Музее экслибриса, в различных презентациях. Могу с уверенностью сказать, что он считал общество книголюбов своим, и для нас всегда оставался другом, помощником, добрым советчиком.

Во вступительной статье к читателям, опубликованной в первом томе «Библиофилы России», есть слова: «Красота и значение книжных сокровищ, труд и талант людей, которым посвящён этот первый и все последующие тома альманаха, будут оценены по достоинству и оставят в вашей душе неизгладимый след от соприкосновения с великими тайнами Книги». Хотелось бы верить, что последующие тома «Библиофилы России», которые выйдут после смерти его основателя, по-прежнему будут служить основной цели – приобщению к книжным богатствам нашей культуры.

Редколлегия «АБ», Совет МСК скорбят в связи с уходом соратника – Артура Павловича Толстякова, и выражают соболезнования его родным и близким.

Коротко об авторах

Агамалян Лариса Георгиевна (1948), заведующая Литературным музеем Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, кандидат культурологии, автор более 50 публикаций по истории русской культуры XVIII–XIX вв., в том числе, каталога «Портретная миниатюра в России XVIII– начала XX вв. Из собрания Литературного музея Пушкинского Дома», антологии русской усадьбы «Приютино», редактор готовящегося к изданию «Сводного каталога лермонтовских материалов в собраниях ИРАИ РАН».

Аляева Елена Николаевна, младший сотрудник Государственного Лермонтовского музея-заповедника «Тарханы», ответственный хранитель книжного фонда. Постоянный автор публикаций о редких изданиях из фондового собрания музея в научном сборнике «Тарханский вестник».

Горская Елена Валерьевна, эксперт по библиографии русской книги при Международной конфедерации антикваров и арт-дилеров (ICAA&AD), член Национального союза библиофилов, автор публикаций по истории книги. Куратор частных книжных собраний.

Гулина Татьяна Ивановна (1960), ст. научный сотрудник Ярославского музея-заповедника, хранитель фонда редких книг, автор каталогов книг гражданской печати XVIII в. Ярославского музея-заповедника, куратор Программы каталогизации книг кириллической печати в библиотеках Ярославской области.

Дозорова Надежда Ивановна (1964), старший научный сотрудник отдела редких книг Государственного музея-усадьбы «Архангельское». Автор ряда статей о библиотеке князей Голицыных и книжном собрании князей Юсуповых, опубликованных в научных сборниках: «Архангельское. Материалы и исследования», «Хозяева и гости усадьбы Вязёмы», «Михайловская Пушкиниана», «Итальянский сборник» и в историко-краеведческом альманахе «Красногорье».

Кольян Татьяна Николаевна, научный сотрудник Государственного Лермонтовского музея-заповедника «Тарханы». Автор нескольких десятков публикаций в научных лермонтовских и краеведческих сборниках, изданных в Пензе, Москве, С-Петербурге, Пятигорске, Ульяновске. Постоянный автор научного сборника «Тарханский вестник». Темы её исследований: М. Лермонтов и его тарханско-чембарское окружение, тарханское краеведение, родственники Лермонтова – Столыпины.

Копанева Наталья Павловна (1953), кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII в. (Музей М.В. Ломоносова) Музея антропологии

и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Автор работ по истории русско-западноевропейских культурных и научных связей, истории Кунсткамеры, а также деятельности М.В. Ломоносова. Инициатор создания и вице-президент научного общества «Русско-Голландский клуб» с 1995. Учредитель и председатель Санкт-Петербургской региональной общественной организации «Петровское историческое общество» с 2009. В 2004 г. награждена медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга». Рыцарь Ордена Оранских-Нассау с 2014 г.

Маркелов Николай Васильевич (1947), литературовед, писатель, журналист. Главный хранитель Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова (Пятигорск). Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский». Автор более 500 публикаций, посвящённых пребыванию русских писателей на Кавказе и событиям Кавказской войны XIX века, в том числе, книг: «Поговорим о бурных днях Кавказа...» (М., 2006), «Кавказские силуэты» (Пятигорск, 2006), «Лермонтов и Северный Кавказ» (Пятигорск, 2008), «Кавказские поэтики Пушкина. Романтизм и реальность» (М., 2013).

Марьян Владимир Алексеевич (1941), художник-график, журналист, литератор. Более тридцати лет был заведующим отделом иллюстрации областной газеты «Красное знамя» в Томске. Библиофил, коллекционер экслибрисов, автор около 400 книжных знаков, вошедших в золотой фонд отечественного искусства экслибриса. Участник множества Всесоюзных и Международных конгрессов и выставок экслибриса. С 1994 года В.А. Марьян живёт в Германии. Многие годы был главным редактором газеты «Контакт» и литературно-художественного журнала русских писателей Германии «Родная речь». Член Союзов журналистов России и Германии.

Оприцова Татьяна Андреевна (1959), Заслуженный работник культуры РФ, работает в библиотеке-филиале № 1 им. К.В. Плехановой МБУ «Централизованная библиотечная система» города Тамбова главным библиотекарем. Инициатор создания Музея книги и библиотечной культуры, автор концепции музейной деятельности библиотеки, а также ежегодных «Альманахов Плехановской библиотеки». Автор книги «История библиотеки № 1 им. К.В. Плехановой. 1919–2009. Открытые тайны архивов» (Тамбов, 2012), ряда статей в профессиональных журналах: «Библиотекведение», «Библиотечное дело», «Хроники краеведа», «Филология и регионалистика» и др.

Покатов Валерий Владимирович (1946), художник, поэт, журналист, коллекционер. Член Московского союза художников и Московского союза журналистов. Автор двух поэтических сборников, «Из пряжи бытия» (М. 2006), «Здесь в душу смотрят даки» (Вологда 2006). Победитель поэтического конкурса «Золотое перо» (2006), номинант

поэтического конкурса «Славься век Бородино» (2012), оформил более 400 книг, автор многочисленных публикаций в периодике. Заведующий сектором, главный художник издательства «Пашков дом» ФГУ РГБ, Президент Российской ассоциации экслибриса МСК, член редколлегии «Российского экслибрисного журнала» и «Альманаха библиофила».

Тетерин Александр Александрович (1954), муниципальный служащий, библиограф, краевед, библиофил, член Национального союза библиофилов. Составитель и издатель нескольких десятков малотиражных библиофильских изданий; составитель и участник сборника воспоминаний о петербургском искусствоведе, библиофиле Игоре Гавриловиче Мямлине; печатается в бюллетене «Библиофильские известия». Участник ряда выпусков альманаха «Невский библиофил». Регулярно публикуется в периодических и продолжающихся всероссийских и региональных изданиях. В районной газете «Тосно time» ведёт постоянные разделы: «Полка библиофила», «Люди и встречи». Живёт и работает в г. Тосно Ленинградской области.

Турков Андрей Михайлович, критик, литературовед, Председатель Клуба книголюбов им. Е.И. Осетрова при Центральном доме литераторов.

Шлаёнов (игумен Дионисий), заведующий библиотекой Московской духовной академии.

Шустрова Людмила Владимировна (1955), кандидат педагогических наук, председатель Совета МСК, член Союза журналистов России, главный редактор «Российского экслибрисного журнала», «Альманаха библиофила», директор Музея экслибриса и миниатюрной книги. Автор многочисленных публикаций в альманахах, сборниках и периодической печати, а также автор учебного пособия «Практическая стилистика русского языка» (1994). Награждена медалью к ордену «За заслуги перед Отечеством II степени», многими правительственными Почётными грамотами и медалями, в т.ч. серебряной медалью А.А. Блока за плодотворную работу и в связи с 40-летием «Альманаха библиофила».

Ягодинцева Нина Александровна (1962), поэт, переводчик, литературный критик, секретарь Союза писателей России, член Координационного совета Ассоциации писателей Урала. Кандидат культурологии, доцент Челябинской государственной академии культуры и искусств. Автор 23 книг и более 500 публикаций в литературной и научной периодике России, Испании, США. Лауреат всероссийских и международных литературных премий в области поэзии, литературной критики, переводов и научных трудов, член жюри Всероссийской литературной премии им. П. П. Бажова, председатель жюри Южно-Уральской литературной премии.

Именной указатель

- Абрамов В.В. 75
Агамалян А.Г. 179
Аксаков И.С. 49
Аксакова А.Ф. 49
Алексий (Ридигер) св. патриарх 61
Алексий (Симанский) св. патриарх 61
Аляева Е.А. 156, 158
Амман И. 39
Андертон Х.М. 77
Андроников И.А. 138, 208
Арсеньев В. 97,
Арсеньева Е.А. 147, 159, 168
Багдасарова И.Р. 196
Барсов А.А. 18, 19, 20
Бартенев П.А. 160
Бедный Д. 208
Белинский В.Г. 82, 134, 144
Белов С.В. 196
Бенедикс Р. 192
Бёрбедаж Р. 183
Бильдерлинг А.А. 179, 181
Богородский В. 20
Боярский В.И. 196
Брандт Э.К. 104-106
Брюс Я.В. 202-207
Булгарин Ф.В. 69-75, 85
Булыгин М.Я. 67
Бурцов В.Ф. 11, 16
Бурцов М. 24, 26
Бэкон Ф. 188
Василевский Б. 97
Верещагин В.В. 152, 153
Видинбахов Г.В. 196
Вильборг А.И. 103
Волков С.А. 51-54
Вольховский В.Д. 133
Высоцкий И.М. 47
Вяземская Е.П. 169
Вяземский П.А. 169
Гагарин Ю.А. 7
Гегельберг В. 105
Герра Р. 200
Герцен А.И. 143
Глазунов И.И. 144-146
Глебов М. 140
Гоголь Н.В. 154
Голик Р.Р. 103
Голубцов И.И. 37
Горбунова А.Н. 11
Горская Е.В. 182
Горынин А. 121
Грибоедов А.С. 160
Гримм О.А. 100, 104, 106
Грин Р. 185
Грушницкий 136
Гулина Т.И. 9
Гумилев А.Н. 196
Гуминский В. 97
Гусева А.А. 15, 18
Дёгтева А.В. 203
Ди Д. 185
Дмитриев М. 23
Дозорова Н.И. 100
Домашенко Н.И. 197
Достоевская А.Г. 49
Достоевский Ф.М. 49, 196
Дружинин А.В. 143
Елфимов А. 99
Жуковский Р.К. 82, 83
Зайцев Н.М. 67
Заплавный С. 97
Захаров И. 70
Звонарёва А. 200
Зернова А.С. 18
Зотов И.Ф. 67
Иванов А. 174
Иларион (Троицкий) архим. 61
Каверин В. 208

- Кажинский Виктор-Иосиф 74
 Казимова Н.И. 98
 Карамзина С.Н. 156
 Каренина А. 128-131
 Катанский А.А. 49
 Качалов Г. 40
 Кид Т. 185
 Кириллов В. 23, 25, 26
 Киселёва А.И. 196
 Князева Н.Г. 201
 Козырева М.Г. 196
 Кольхалов В.А. 119
 Кольян Т.Н. 158
 Колубякин Н.П. 143
 Конделл Г. 182
 Кондраков Б.Н. 110
 Константинов Ф.Д. 172-178
 Копанева Н.П. 36
 Корсаков П.А. 144
 Корсунский И. 49, 61
 Коцеба А.Е. 82-86
 Кудряшов В.К. 112-126
 Кузнецов И.И. 157
 Кузнецов П.Я. 156
 Курочкина Г. 120
 Куцинский Т. 85
 Лазарев В. 209
 Ласунский О.Г. 199, 200, 208
 Лебедев В.И. 37
 Лейфер А. 112, 120, 121, 126
 Леонов В.П. 207
 Лермонтов М.Ю. 7, 8, 132, 159, 172-181
 Лерхе-Смирнова М. 113
 Лидин В. 208
 Лисицын Е. 118, 122
 Лихачёв Д.С. 44
 Лобурев В.В. 211
 Ломоносов М.В. 37, 203
 Лоскутов М.П. 67
 Лукьянова Е.В. 11
 Луначарский А. 129
 Луневский А. 54
 Максимова Ю.Н. 23
 Марин С.Н. 73
 Маркелов Н.В. 132
 Маркер Г. 15
 Марков С. 97
 Марло К. 185
 Марьян В.А. 112
 Меннерс Р. 188
 Мещерякова А.Е. 67
 Мизгулин Д. 99
 Милькеев Е. 97
 Миня Ж.П. 56, 58
 Миролюбова Г.А. 196
 Монахова Е.Н. 202
 Мордвинов Н.С. 160
 Мошкова Л.В. 15
 Муравьев А.Н. 47
 Мэлон Э. 191
 Мямлин И.Г. 197
 Нестор Летописец 44
 Никитенко А.В. 75
 Никулин Н.Н. 196
 Норцов А.Н. 78-80
 Нэш Т. 185
 Ольхин М.Д. 75
 Опритова Т.А. 67
 Осетров Е.И. 208, 211
 Очкин А.Н. 75
 Павел Флоренский свщ. 61
 Павперова 67
 Паллас Пьер-Симон 158
 Пермиков Ю. 96, 99
 Петрушевский А.Ф. 82
 Пикар Б. 40
 Пискарев Н. 129-131
 Плеханов Г. 67
 Плеханова К.В. 67, 68
 Поздеева И.В. 11, 15, 60
 Покатов В.В. 172, 211
 Полевой Н.А. 81-85
 Полещук О. 118
 Полоцкий Я.П. 100
 Полторак С.Н. 198
 Попов К.М. 50-55, 60

- Попова О.М. 52
Попугаева Л.А. 199
Потёмкин Г.А. 81, 85
Приклонский Ф.М. 67
Пушкин А.С. 72, 128, 132, 154-161
Пушкин Л.С. 133
Пушкина Н.Н. 156
Распутин В. 97, 98
Рейли У. 185
Решетников А.Г. 20
Ридер Г.Р. 202
Розанов И.Н. 208
Романова А.А. 207
Румянцев П.А. 81
Руссо Ж.-Ж. 128
Рустанели Ш. 154
Рылеев К.Ф. 160
Сабяшниковы 208
Савельева Е.А. 202-207
Саркизов-Серазини И.М. 145
Сатин Н.М. 133
Семёнов А.П. 144
Сиворонова Н.Н. 23
Симанский П.Н. 84
Скурат К.Е. 62
Смирдин 208
Смирнов И. 23, 24, 26
Смирнова М. 23, 29
Смирнов-Сокольский Н.П. 208
Сокова Е.М. 75
Соколов И. 40
Соколова Н.И. 196
Соловьев С.М. 61
Сорокин А. 97
Сперанский М.М. 160
Спирин А.М. 196
Срезневский И.И. 76
Столянский Н.П. 32, 33
Столыпин А.А. 160, 164, 166, 168
Столыпин Д.А. 159-169
Столыпина В.Н. 160
Столыпина-Вяземская М.А. 169
Студитский Ф.Д. 31, 32
Суворов А.В. 81, 82, 85
Сытин И.Д. 208
Тарасенков А.К. 208
Тарасенкова А. 109
Терехин В. 55
Тетерин А.А. 195-202
Тимм В.Ф. 75, 85
Толстой Л.Н. 128, 132
Толстяков А.П. 210
Торчинский О.П. 128
Трибунский П.А. 80
Турков А. 208
Уистен Хью Оден 192
Ульхин М.Д. 75
Уорд Л. 174
Уханова И.Н. 196
Фаворский В.А. 114
Фёдоров И. 10
Филарет (Дроздов) свт. 61
Флоренский П. 49
Хемингс Д. 182
Хромов О.Р. 22
Худолеев В.В. 203
Чапмен Д. 185
Чижова И.Б. 196
Чосер Джеффри 173
Чуковский К. 208
Шарль де Костер 172
Шевченко Т.Г. 82, 83, 86
Шевырёв С. П. 48
Шекспир А. 183
Шекспир Д. 183
Шекспир У. 182-193
Шемаев Н.Е. 67
Шереметев С.Д. 158, 169-171
Шкловский В. 208
Шлёнов, игумен Дионисий 44
Шувалов С.Г. 211
Шумахер И.Д. 40, 203
Шустрова Л.В. 8, 210
Эрнст Н. 23
Ягодинцева Н.А. 88
Яковлев Г.Н. 204

Содержание

2014 – год культуры в России.....7

ПАМЯТНИКИ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

Т.И. Гулина. “Драгоценный подарок детям...” (краткий обзор коллекции русских азбук и букварей Ярославского музея-заповедника).....9

Н.П. Копанева. О первом печатном каталоге Кунсткамеры (к 300-летию первого публичного музея России).....36

БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОФИЛЫ

Игумен Дионисий (Шлёнов). “Реки, наполняющие вселенную...” (история Библиотеки Московской Духовной Академии к 200-летию пребывания в Троице-Сергиевой Лавре).....44

Т.А. Оприцова. Приглашение к чтению. Истории о книгах мемориального собрания “Плехановская коллекция”.....67

КНИГА И ЖИЗНЬ

Н.А. Ягодинцева. Книга против хаоса.....88

Н.И. Дозорова. Хромофотографические картинки из библиотеки князей Голицыных.....100

РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

В.А. Марьин. Чёрно-белые контрасты Владимира Кудряшова (из архива ВОК–МСК).....112

О.П. Таргынский. “Анна Каренина”, не увидевшая Родины...128

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Н.В. Маркелов. “Герой нашего времени”: пятигорский контекст.....132

Е.И. Аляева. “Перед Пушкиным он благоговеет и больше всего любит “Онегина”.....	156
Е.И. Аляева. Т.Н. Кольян. Книжные реликвии музея-заповедника “Тарханы”.....	162
В.В. Покатов. Необычная находка.....	172
А.Г. Агамалян. Сводный каталог лермонтовских материалов в собрании ИРЛИ РАН.....	179
Е.В. Горская. “Итак, блуждаем мы среди иллюзий...” (к 450-летию со дня рождения Уильяма Шекспира).....	182

ЮБИЛЕИ

Александру Тетерину – 60!.....	195
А.А. Тетерин. Остывший кофе, или Возвращение Брюса.....	202
Григорию Файвовичу Кушнеру – 80!.....	208

ХРОНИКА

А.М. Турков. Место встречи изменить нельзя (О Клубе книголюбов имени Е.И. Осетрова при ЦДЛ).....	210
“Библиофильская периодика. Отечественные и зарубежные периодические и продолжающиеся издания, 1902–2014”.....	212

IN MEMORIAM

А.В. Шустрова. Артур Павлович Толстяков (1938–2014).....	213
---	-----

<i>Коротко об авторах</i>	216
---------------------------------	-----

<i>Именной указатель</i>	219
--------------------------------	-----

Альманах библиофила

Выпуск тридцать седьмой

Корректор *Н.Н. Ларченко*
Вёрстка *Воронцова Т.А.*

Сдано в набор 21.04.2014. Подписано в печать 07.07.2014.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 14,5. Тираж 500 экз. Заказ № 84.

Международный союз книголюбов
107031, Москва, ул. Пушечная 7/5 стр. 2
<http://www.knigoluby.ru>
e-mail: knigoluby@mail.ru
Тел.: (495) 621-82-21, факс: (495) 621-46-26

Отпечатано в ООО ПФ «Полиграфист»,
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.